МОСТ ДРУЖБЫ
КОНКУРС МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

1

ПОСТОЯННЫЙ КОМИТЕТ
СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

МОСТ ДРУЖБЫ
КОНКУРС МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

ЛІТАРАТУРНЫ АЛЬМАНАХ

ПАСТАЯННЫ КАМІТЭТ
САЮЗНАЙ ДЗЯРЖАВЫ

УДК 821.161.1+821.161.3-822
ББК 84(2Рос=Рус)
Л64

Выпуск издания осуществлен по заказу
Постоянного Комитета Союзного государства

Литературный альманах = Літаратурны альманах. Вып. 1. — Минск : Издательский дом
Л64 «Звязда», 2013. — 344 с.

В первый выпуск «Литературного альманаха» вошли произведения лауреатов I Международного литературного конкурса молодых литераторов Союзного государства России и Беларуси «Мост Дружбы», учреждённого Постоянным Комитетом Союзного государства.

УДК 821.161.1+821.161.3-822
ББК 84(2Рос=Рус)

© Постоянный Комитет
Союзного государства, 2013
© Оформление. РИУ «Издательский
дом «Звязда», 2013
© на рассказы принадлежит
авторам произведений
© на переводы принадлежит
переводчикам

Григорий Рапота
Государственный секретарь Союзного государства

Уважаемые читатели!
Перед вами – первый сборник рассказов лауреатов конкурса Союзного государства для молодых писателей.
Нет никакого парадокса в том, что в эпоху интернета, как никогда «словоохотливую» на мнения и самовыражение в Сети, мы с помощью состоявшихся писателей, литературоведов и представителей издательств ищем и находим одарённых молодых людей, которые стремятся работать над словом и образами, обрести литературный взгляд на жизнь, не ограничиваться информационным потоком, а измерить его глубину.
Мне посчастливилось наблюдать за тем, как энтузиасты, в первую очередь Президент Ассоциации «Познаём Евразию», профессор Антонио Фаллико, осуществили такой проект с участием молодых итальянских и российских авторов. Его успех убедил нас в необходимости перенять этот опыт и провести подобный же конкурс в рамках Союзного государства, которое, как известно, объединяет Беларусь и Россию — две страны с мощнейшими литературными традициями, неразрывно связанные с именами Александра Пушкина и Фёдора Достоевского, Максима Горького, Якуба Коласа, Янки Купалы.
Мы благодарны итальянским друзьям и «Банку Интеза», которые переуступили нам права на формат этого издания.
Постоянный Комитет Союзного государства уделяет большое внимание культурным связям между Беларусью и Россией, в том числе и в обла-

Григорий Рапота
Государственный секретарь Союзного государства

Паважаныя чытачы!
Перад вамі – першы зборнік апавяданняў лаўрэатаў конкурсу Саюзнай дзяржавы для маладых пісьменнікаў.
Няма ніякага парадоксу ў тым, што ў эпоху інтэрнэту, як ніколі «гаваркую» на меркаванні і самавыяўленне ў Сетцы, мы з дапамогай сталых пісьменнікаў, літаратуразнаўцаў і прадстаўнікоў выдавецтваў шукаем і знаходзім адораных маладых людзей, якія імкнуцца працаваць над словам і вобразамі, займець літаратурны погляд на жыццё, не абмяжоўвацца інфармацыйным патокам, а вымераць яго глыбіню.
Мне пашчасціла назіраць за тым, як энтузіясты, у першую чаргу Прэзідэнт Асацыяцыі «Пазнаём Еўразію», прафесар Антоніа Фаліка, ажыццявілі такі праект з удзелам маладых італьянскіх і расійскіх аўтараў. Яго поспех пераканаў нас у неабходнасці пераняць гэты вопыт і правесці падобны конкурс у рамках Саюзнай дзяржавы, якая, як вядома, аб'ядноўвае Беларусь і Расію — дзве краіны з наймацнейшымі літаратурнымі традыцыямі, непарыўна звязаныя з імёнамі Аляксандра Пушкіна і Фёдара Дастаеўскага, Максіма Горкага, Якуба Коласа, Янкі Купалы.
Мы ўдзячны італьянскім сябрам і «Банку Інтэза», якія пераўступілі нам правы на фармат гэтага выдання.

сти литературы. Помимо издательской деятельности, регулярно участвуем в выпуске специальных номеров, состоящих из произведений белорусских и российских писателей, в авторитетных литературных журналах и газетах двух наших стран. Премиями Союзного государства раз в два года отмечаются работы признанных мастеров слова. Собираемся издавать уникальное исследование, посвящённое болдинскому периоду творчества Александра Пушкина, восстанавливать усадьбу Достоевских, причём это задачи самого ближайшего времени.

Поступившие на конкурс работы очень разные, но очень современные. Нервность нашего времени, не слишком оптимистичный взгляд на жизнь даже у совсем молодых людей чувствуются в большинстве рассказов. Но тот факт, что авторы стремятся выразить себя не в социальных сетях, уже очень примечателен. Благодаря конкурсу они находят единомышленников, своих читателей.

Не каждая страна может гордиться тем, что у неё есть Большая литература. У России и Беларуси она есть. Хочу пожелать молодым авторам этого сборника не оставлять творческих усилий, идти вперёд, верить в свои силы и добиться признания у тех, для кого жизнь без талантливой, умной книги немыслима.

Пастаянны Камітэт Саюзнай дзяржавы надае вялікую ўвагу культурным сувязям паміж Беларуссю і Расіяй, у тым ліку і ў галіне літаратуры. Акрамя выдавецкай дзейнасці, рэгулярна прымаем удзел у выпуску спецыяльных нумароў, якія складаюцца з твораў беларускіх і расійскіх пісьменнікаў, у аўтарытэтных літаратурных часопісах і газетах дзвюх нашых краін. Прэміямі Саюзнай дзяржавы раз у два гады адзначаюцца працы прызнаных майстроў слова. Збіраемся выдаваць унікальнае даследаванне, прысвечанае болдзінскаму перыяду творчасці Аляксандра Пушкіна, аднаўляць сядзібу Дастаеўскіх, прычым гэта задачы найбліжэйшага часу.

Творы, якія паступілі на конкурс, вельмі розныя, але вельмі сучасныя. Нервовасць нашага часу, не занадта аптымістычны погляд на жыццё нават у зусім маладых людзей адчуваюцца ў большасці апавяданняў. Але той факт, што аўтары імкнуцца адлюстраваць сябе не ў сацыяльных сетках, ужо вельмі характэрны. Дзякуючы конкурсу яны знаходзяць аднадумцаў, сваіх чытачоў.

Не кожная краіна можа ганарыцца тым, што ў яе ёсць Вялікая літаратура. У Расіі і Беларусі яна ёсць. Хачу пажадаць маладым аўтарам гэтага зборніка не пакідаць творчых намаганняў, ісці наперад, верыць у свае сілы і дамагчыся прызнання ў тых, для каго жыццё без таленавітай, разумнай кнігі неймавернае.

Антонио Фаллико
Председатель Совета директоров ЗАО «Банк Интеза»

Дорогой читатель!
Конкурс Союзного государства среди молодых писателей очень похож на премию «Радуга», которая проходит в 2013 году уже в четвёртый раз. Она присуждается молодым писателям и переводчикам России и Италии.
Для всех организаторов премии «Радуга», в том числе для веронской Ассоциации «Познаём Евразию» и ЗАО «Банк Интеза», очень лестно, что идея нашей премии вдохновила ещё один творческий конкурс молодых писателей. Для нас это сигнал, что мы на правильном пути.
Современное общество ищет источники нравственного возрождения, испытывает острый недостаток в духовности и культуре, утраченных и забытых во времена тотального потребления и турбокапитализма.
Классическое искусство и литература в особенности призваны быть проводниками вечных ценностей — добра, милосердия, равенства, красоты человеческой души.
Уверен, что молодые люди, которые принимают участие в конкурсе Союзного государства или в премии «Радуга», именно в этом видят смысл литературного творчества.
«Сейте разумное, доброе, вечное. Сейте! Спасибо вам скажет сердечное русский народ!» Эти слова великого русского поэта Николая Некрасова одинаково актуальны в России, Беларуси, Италии и других странах.

Антоніа Фаліка
Старшыня Савета дырэктараў ЗАТ «Банк Інтэза»

Дарагі чытач!
Конкурс Саюзнай дзяржавы сярод маладых пісьменнікаў вельмі падобны да прэміі «Вясёлка», якая праходзіць у 2013 годзе ўжо ў чацвёрты раз. Яна прысуджаецца маладым пісьменнікам і перакладчыкам Расіі і Італіі.
Для ўсіх арганізатараў прэміі «Вясёлка», у тым ліку для веронскай Асацыяцыі «Спазнаём Еўразію» і ЗАТ «Банк Інтэза», вельмі прыемна, што ідэя нашай прэміі натхніла яшчэ адзін творчы конкурс маладых пісьменнікаў. Для нас гэта сігнал, што мы на правільным шляху.
Сучаснае грамадства шукае крыніцы маральнага адраджэння, адчувае востры недахоп у духоўнасці і культуры, згубленых і забытых у часы татальнага спажывання і турбакапіталізму.
Класічнае мастацтва і літаратура асабліва закліканыя быць праваднікамі вечных каштоўнасцей – дабра, міласэрнасці, роўнасці, прыгажосці чалавечай душы.
Упэўнены, што маладыя людзі, якія прымаюць удзел у конкурсе Саюзнай дзяржавы або ў прэміі «Вясёлка», менавіта ў гэтым бачаць сэнс літаратурнай творчасці.
«Сейте разумное, доброе, вечное. Сейте! Спасибо вам скажет сердечное русский народ!» Гэтыя словы вялікага рускага паэта Мікалая Някрасава аднолькава актуальныя ў Расіі, Беларусі, Італіі і іншых краінах.

Борис Тарасов
Председатель жюри конкурса «Мост Дружбы»

Уважаемые читатели!
Мне доставляет особое удовольствие приветствовать вас и выразить вам искреннее почтение за интерес к вступающим на творческую стезю литераторам. Вашему вниманию представляются результаты I Международного литературного конкурса молодых литераторов Союзного государства России и Беларуси «Мост Дружбы», учреждённого Постоянным Комитетом этого государства по инициативе его Государственного секретаря Григория Алексеевича Рапоты в партнёрстве с Ассоциацией «Познаём Евразию», Литературным институтом им. А. М. Горького и «Издательством ‘‘Белорусская Энциклопедия имени Петруся Бровки’’».
Цель конкурса – дальнейшее развитие и укрепление культурных связей двух наших братских народов в очень важной и перспективной сфере. Речь идёт об открытии новых имён в литературе, о поощрении творчества молодых авторов в возрасте от 18 до 30 лет, о предоставлении им возможности первой публикации и донесения их произведений до читателя. Литературный институт им. А. М. Горького с радостью поддержал столь перспективное начинание, поскольку оно целиком совпадает с задачами его деятельности.
Учреждённая премия особенно важна сейчас, в условиях сегодняшнего контраста между достижениями научно-технического прогресса и оскудением жизненных смыслов, душевно-духовного мира человека, что отра-

Барыс Тарасаў

Старшыня журы конкурсу «Мост Дружбы»

Паважаныя чытачы!

Мне прыносіць асаблівае задавальненне вітаць вас і выказаць вам шчырае шанаванне за цікавасць да літаратараў, якія становяцца на творчую сцяжыну. Вашай увазе прадстаўляюцца вынікі І Міжнароднага літаратурнага конкурсу маладых літаратараў Саюзнай дзяржавы Расіі і Беларусі «Мост Дружбы», устаноўленага Пастаянным Камітэтам гэтай дзяржавы па ініцыятыве яго Дзяржаўнага сакратара Рыгора Аляксеевіча Рапоты ў партнёрстве з Асацыяцыяй «Пазнаём Еўразію», Літаратурным інстытутам імя А. М. Горкага і «Выдавецтвам "Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі"».

Мэта конкурсу – далейшае развіццё і ўмацаванне культурных сувязей двух нашых братэрскіх народаў у вельмі важнай і перспектыўнай сферы. Размова ідзе пра адкрыццё новых імёнаў у літаратуры, пра ўсхваленне творчасці маладых аўтараў ва ўзросце ад 18 да 30 год, пра наданне ім магчымасці першай публікацыі і данясення іх твораў да чытача. Літаратурны інстытут імя А. М. Горкага з радасцю падтрымаў такое перспектыўнае пачынанне, бо яно цалкам супадае з задачамі яго дзейнасці.

Устаноўленая прэмія асабліва важная зараз, ва ўмовах сённяшняга кантрасту паміж дасягненнямі навукова-тэхнічнага прагрэсу і збядненнем жыццёвых сэнсаў, душэўна-духоўнага свету чалавека, что адлюстроўваецца і ў сферы мастацтва. Маючы на ўвазе творчасць Пушкіна, Л. М. Талстой пісаў: «Воб-

жается и в сфере искусства. Говоря о творчестве Пушкина, Л. Н. Толстой писал: «Область поэзии бесконечна, как жизнь, но все предметы поэзии предвечно распределены по известной иерархии, и смешение низших с высшими или принятие низших за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства».

В атмосфере потребительских и гедонистических координат современной цивилизации господствуют феномены массовой культуры, в которой нарушается иерархия ценностей и гармоническая правильность распределения предметов, смешивается высокое и низкое и которая оказывает своё влияние на литературный процесс. В результате свойственный подлинной литературе глубокий по мысли и чувству, объёмный и художественно выверенный анализ действительности, разнообразных проявлений коренных противоречий человеческой природы (и «царь», и «раб», по слову Г. Р. Державина) нередко подменяется плоской мозаикой череды эпизодов в детективах, в «сериалах» любовных или приключенческих романов, в беспочвенной игре воображения фэнтезийных сочинений и т. п.

В такой «игре на понижение» конкурс «Мост Дружбы» может стимулировать творчество тех молодых авторов в России и Беларуси, которые не соблазняются быстрым успехом во временно популярных тенденциях и целенаправленно стремятся совершенствовать своё письмо на далеко не лёгких путях. Этому способствует и избранный для конкурса жанр рассказа – один из самых трудных в литературе. Он требует от автора особой писательской ёмкости, когда с помощью искусного и точного отбора

ласць паэзіі бясконцая, як жыццё, але ўсе прадметы паэзіі спрадвечна размеркаваны па вядомай іерархіі, і змяшэнне ніжэйшых з вышэйшымі ці прыняцце ніжэйшых за вышэйшых ёсць адным з галоўных камянёў спатыкнення. У вялікіх паэтаў, у Пушкіна, гэтая гарманічная правільнасць размеркавання прадметаў даведзена да дасканаласці».

У атмасферы спажывецкіх і геданістычных каардынат сучаснай цывілізацыі пануюць феномены масавай культуры, у якой парушаецца іерархія каштоўнасцей і гарманічная правільнасць размеркавання прадметаў, змешваюцца высокае і нізкае і якая аказвае свой уплыў на літаратурны працэс. У выніку ўласцівы сапраўднай літаратуры глыбокі па сэнсе і пачуцці, аб'ёмны і мастацкі спраўджаны аналіз сапраўднасці, разнастайных праяў карэнных супярэчнасцей чалавечай прыроды (і «цар», і «раб», па слову Г. Р. Дзяржавіна) нярэдка змяняецца плоскай мазаікай шэрагу эпізодаў у дэтэктывах, у серыялах любоўных ці прыгодніцкіх раманаў, у беспадстаўнай гульні ўяўлення фэнтэзійных сачыненняў і да т. п.

У такой «гульні на паніжэнне» конкурс «Мост Дружбы» можа стымуляваць творчасць тых маладых аўтараў у Расіі і Беларусі, якія не спакушаюцца хуткім поспехам у часова папулярных тэндэнцыях і мэтанакіравана імкнуцца ўдасканальваць сваё пісьмо на далёка не лёгкіх шляхах. Гэтаму садзейнічае і абраны для конкурсу жанр апавядання – адзін з самых складаных у літаратуры. Ён патрабуе ад аўтара асаблівай пісьменніцкай ёмістасці, калі з дапамогай выкшталцонага і дакладнага адбору адпаведных сюжэтных, псіхалагічных, гістарычных, сацыяльных, бытавых дэталяў і нюансаў неабходна пераўтварыць

соответствующих сюжетных, психологических, исторических, социальных, бытовых деталей и нюансов необходимо превратить изображение единичного события или случая из жизни тех или иных людей и их отношений в интересное для многих читателей художественное повествование, воплощающее общечеловеческую проблематику и соблюдающее иерархию ценностей, гармоническую правильность раскрытия в их душах «царских» или «рабских» свойств, борьбы высокого и низкого, добра и зла.

Представленные в альманахе рассказы победителей конкурса «Мост Дружбы» по-разному демонстрируют профессиональное умение их авторов всматриваться во внутренний мир человека, без всякого морализаторства разглядеть в нём светлые и тёмные стороны, тонкие движения души и её преображения, передать неизбывные тревоги и заботы нашего времени, сложные социальные и интимные связи личности с окружающими людьми и метаморфозами родной истории.

Пожелаем им успешного творческого пути!

выяўленне адзінкавай падзеі ці выпадку з жыцця тых або іншых людзей і іх адносін у цікавае для шматлікіх чытачоў мастацкае апавяданне, якое ўвасабляе агульначалавечую праблематыку і прытрымліваецца іерархіі каштоўнасцей, гарманічнай правільнасці ракрыцця ў іх душах «царскіх» ці «рабскіх» уласцівасцей, барацьбы высокага і нізкага, дабра і зла.

Прадстаўленыя ў альманаху апавяданні пераможцаў конкурсу «Мост Дружбы» па-рознаму дэманструюць прафесійнае ўменне іх аўтараў углядацца ва ўнутраны свет чалавека, без усялякага маралізатарства разгледзець у ім светлыя і цёмныя бакі, тонкія рухі душы і яе ператварэння, перадаць нязбыўныя трывогі і клопаты нашага часу, складаныя сацыяльныя і інтымныя сувязі асобы з акаляючымі людзьмі і метамарфозамі роднай гісторыі.

Пажадаем ім паспяховага творчага шляху!

Литературный институт им. А. М. Горького

Литературный институт им. А. М. Горького – государственное образовательное учреждение, основанное в ~~1993~~ году по инициативе А. М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 году институт награждён орденом Дружбы народов. С 1992 года находится в распоряжении Министерства образования и науки Российской Федерации.

На данный момент образовательный процесс идёт на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»), бакалавра и магистра.

Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных наук и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы. Институт ведёт активную международную деятельность, контактирует с многочисленными профильными зарубежными университетами.

Літаратурны інстытут імя А. М. Горкага

Літаратурны інстытут імя А. М. Горкага – дзяржаўная навучальная ўстанова, заснаваная ў 1933 годзе па ініцыятыве А. М. Горкага. Сучасную назву інстытут атрымаў у 1936 годзе. З 1942 года прыняты дзённая і завочная формы навучання. З 1953 года пры інстытуце дзейнічаюць Вышэйшыя літаратурныя курсы. У 1983 годзе інстытут узнагароджаны ордэнам Дружбы народаў. З 1992 года знаходзіцца ў распараджэнні Міністэрства адукацыі і навукі Расійскай Федэрацыі.

На дадзены момант навучальны працэс ідзе на двух факультэтах: дзённым і завочным – па праграмах спецыяліста (кваліфікацыі «Літаратурны работнік» і «Літаратурны работнік, перакладчык мастацкай літаратуры»), бакалаўра і магістра.

Сістэма навучання ў інстытуце прадугледжвае вывучэнне курсаў гуманітарных і грамадскіх дысцыплін, заняткі ў творчых семінарах па родах і жанрах мастацкай літаратуры: проза, паэзія, драматургія, дзіцячая літаратура, літаратурная крытыка, нарыс і публіцыстыка, пераклад мастацкай літаратуры.

Інстытут вядзе актыўную міжнародную дзейнасць, кантактуе са шматлікімі профільнымі замежнымі ўніверсітэтамі.

Конкурс молодых литераторов Союзного государства «Мост Дружбы»

Перед вами первое издание литературного альманаха конкурса молодых литераторов Союзного государства «Мост Дружбы», созданного с целью укрепления российско-белорусских культурных связей и содействия молодым писателям из России и Беларуси, а также для того, чтобы дать возможность молодым талантам найти издателя и получить известность среди многочисленной читательской аудитории.

В первую очередь конкурс молодых литераторов Союзного государства «Мост Дружбы» был организован для тех молодых талантов, которые с помощью рассказа с характерным отточенным стилем передают все сложности и тревоги нашего времени.

В альманах включены произведения, которые по решению жюри были названы лучшими. Все работы опубликованы с параллельными переводами. Литературный альманах выдан в обеих странах. Его главная задача – познакомить читателей с творчеством молодых писателей.

Конкурс маладых літаратараў Саюзнай дзяржавы «Мост Дружбы»

Перад вамі першае выданне літаратурнага альманаха конкурсу маладых літаратараў Саюзнай дзяржавы «Мост Дружбы», які быў створаны з мэтай умацавання расійска-беларускіх культурных сувязей і садзейнічання маладым пісьменнікам з Расіі і Беларусі, а таксама для таго, каб даць магчымасць маладым талентам знайсці выдаўца і атрымаць вядомасць сярод шматлікай чытацкай аўдыторыі.

У першую чаргу конкурс «Мост Дружбы» ствараўся для тых маладых талентаў, якія з дапамогай апавядання з характэрным адладжаным стылем перадаюць усе складанасці і трывогі нашага часу.

У альманах уключаны творы, якія па рашэнні журы былі названыя лепшымі. Усе работы апублікаваныя з паралельнымі перакладамі.

Літаратурны альманах выдадзены ў абедзвюх краінах. Яго галоўная задача – пазнаёміць чытачоў з творчасцю маладых пісьменнікаў.

Члены экспертного совета:

Анатолий Николаевич Андреев, прозаик, доктор филологических наук, профессор.

Александр Николаевич Бадак, заместитель директора редакционно-издательского учреждения «Издательский дом ‘‘Звязда’’», главный редактор журнала «Нёман».

Александр Константинович Кожедуб, шеф-редактор приложения «ЛАД» в «Литературной газете».

Елена Александровна Овчаренко, пресс-секретарь Государственного секретаря.

Татьяна Николаевна Сивец, главный редактор еженедельника «Літаратура і мастацтва».

Борис Николаевич Тарасов, ректор Литературного института им. А. М Горького, доктор филологических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук).

Александр Петрович Торопцев, прозаик. Доцент Литературного института им. А. М. Горького. Главный редактор журнала «Проза», главный редактор журнала «Вестник детской литературы».

Члены экспертнага савета:

Анатоль Мікалаевіч Андрэеў, празаік, доктар філалагічных навук, прафесар.

Аляксандр Мікалаевіч Бадак, намеснік дырэктара рэдакцыйна-выдавецкай установы «Выдавецкі дом "Звязда"», галоўны рэдактар часопіса «Нёман».

Аляксандр Канстанцінавіч Кажадуб, шэф-рэдактар дадатку «Лад» у «Литературной газете».

Алена Аляксандраўна Аўчарэнка, прэс-сакратар Дзяржаўнага сакратара.

Таццяна Мікалаеўна Сівец, галоўны рэдактар штотыднёвіка «Літаратура і мастацтва».

Барыс Мікалаевіч Тарасаў, рэктар Літаратурнага інстытута імя А. М. Горкага, доктар філалагічных навук, прафесар. Заслужаны дзеяч навукі РФ, акадэмік Міжнароднай акадэміі навук (Інсбрук).

Аляксандр Пятровіч Торапцаў, празаік. Дацэнт Літаратурнага інстытута імя А. М. Горкага. Галоўны рэдактар часопіса «Проза», галоўны рэдактар часопіса «Вестник детской литературы».

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
МАЛАДЫЯ РАСІЙСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

Маргарита Каткова (псевдоним Маргарита Урчева)	Маргарыта Каткова (псеўданім Маргарыта Урчава)
Сергей Лагодин	Сяргей Лагодзін
Александр Москвин	Аляксандр Масквін
Татьяна Трофимова	Таццяна Трафімава
Георгий Фомин	Георгій Фамін

Маргарита Каткова (псевдоним **Маргарита Урчева)**

Перевод на белорусский язык Татьяны Сивец

Маргарыта Каткова (псеўданім **Маргарыта Урчава)**

Пераклад на беларускую мову Таццяны Сівец

Маргарита Каткова (псевдоним – Маргарита Урчева) родилась в городе Белорецке (Республика Башкортостан). Занималась танцами и живописью. Выпускница Литературного института им. А. М. Горького. Училась на семинаре прозы Александра Рекемчука. С 2012 года работает в детской библиотеке № 258/2 руководителем детской художественной студии «Палитра». Печаталась в альманахе «Пятью пять» (Альманах молодых писателей для молодых читателей. — М.: Независимое издательство «Пик», 2011). Проиллюстрировала несколько книг. Волонтёр молодёжного движения «Даниловцы» при Свято-Даниловом монастыре.

Маргарыта Каткова (псеўданім – Маргарыта Урчава) нарадзілася ў горадзе Беларэцку (Рэспубліка Башкортастан). Займалася танцамі і жывапісам. Выпускніца Літаратурнага інстытута імя А. М. Горкага. Займалася на семінары прозы Аляксандра Рэкемчука. З 2012 года працуе ў дзіцячай бібліятэцы № 258/2 кіраўніком дзіцячай мастацкай студыі «Палітра». Друкавалася ў альманаху «Пятью пять» (Альманах молодых писателей для молодых читателей. – М.: Независимое издательство «Пик», 2011.). Праілюстравала некалькі кніг. Валанцёр моладзевага руху «Данілаўцы» пры Свята-Данілавым манастыры.

БЫЛО, ЕСТЬ И БУДЕТ

Я давно поняла, что меня много. Нет, конечно, для всех я одна – Лена Холикова, с длинной чёлкой и полосатым рюкзаком через плечо. Но внутри меня существует несколько Лен. Каждая из них не похожа на предыдущие: в институте видят одну Лену, друзья общаются со второй. Дома с мамой я совсем другая, а когда задумываюсь или сижу в одиночестве, я необычная, но мне кажется, что именно тогда я настоящая, такая, какая должна быть везде. Но быть одной и той же у меня не получается. Наверное, у всех людей эта же проблема. Я спускаюсь по эскалатору и разглядываю пассажиров. Вообще-то задерживать взгляд на постороннем человеке не позволяют правила приличия, но в метро они не действуют – что ещё там делать, пока едешь! Поэтому я всегда спускаюсь и смотрю.

Поникшие, уставшие, разочарованные и печальные, в очках и без них, накрашенные и просто такие, какие есть, – в то утро, как обычно, сотни людей ехали на работу. Я вглядывалась в их лица и пыталась понять, что чувствуют люди и сколько в них скрывается других людей.

– Знаю! Знаю! – неожиданно закричала Сонька, стоящая рядом со мной. – Я знаю, куда мы поедем! – и замахала свежим выпуском газеты «Метро».

Я безо всякого энтузиазма раскрыла первую страницу и прочитала: «Генеральная репетиция международного конкурса Евровидение-2009 состоится сегодня в СК “Олимпийский”…»

– Ты дальше, дальше читай!

БЫЛО, ЁСЦЬ І БУДЗЕ

Я даўно зразумела, што мяне шмат. Не, вядома, для ўсіх я адна – Лена Холікава, з доўгай грыўкай і паласатым заплечнікам цераз плячо. Але ўнутры мяне існуе некалькі Лен. Кожная з іх не падобная на папярэднія: у інстытуце бачаць адну Лену, сябры маюць зносіны з другой. Дома з мамай я зусім іншая, а калі задумаюся ці сяджу ў адзіноце, я незвычайная, але мне здаецца, што менавіта тады я сапраўдная, такая, якая павінна быць паўсюль. Але быць адной і той жа ў мяне не атрымліваецца. Напэўна, ва ўсіх людзей гэтая ж праблема. Я спускаюся на эскалатары і разглядаю пасажыраў. Увогуле затрымліваць позірк на незнаёмым чалавеку правілы прыстойнасці не дазваляюць, але ў метро яны не дзейнічаюць – што яшчэ там рабіць, пакуль едзеш! Таму я заўсёды спускаюся і назіраю.

Паніклыя, стомленыя, расчараваныя і самотныя, у акулярах і без іх, нафарбаваныя і такія, якія ёсць, – той раніцай, як звычайна, сотні людзей ехалі на працу. Я ўглядалася ў іх твары і імкнулася зразумець, што адчуваюць людзі і колькі ў іх унутры хаваецца іншых людзей.

– Ведаю! Ведаю! – нечакана выгукнула Сонька, якая стаяла побач са мной. – Я ведаю, куды мы паедзем! – І замахала свежым нумарам газеты «Метро».

Я без усялякага энтузіязму зірнула на першую старонку і прачытала: «Генеральная рэпетыцыя міжнароднага конкурсу Еўрабачанне-2009 адбудзецца сёння ў СК "Алімпійскі"...»

«На просмотр концерта привезут школьников из Москвы и области…»
– Халя-ява!
«Перед ними совершенно бесплатно выступят лучшие звёзды нашей эстрады…»
– Ну и что? – спросила я, не решаясь озвучить мысль.
– Едем?
- В «Олимпийский»? А институт?
– Ды – не выгонят! Поехали, а? Такое раз в жизни. Ну пожа-алуйста, – канючила Сонька.
Я закинула поудобнее рюкзак и представила, сколько пар мы пропустим. Сегодня новая постановка должна быть. Не догоним ведь. Особенно глупо было вчера полночи готовиться к истории, чтобы блеснуть сегодня…
– Ладно, едем, – согласилась я.
– Ура-а!
Сонька стала подпрыгивать на ступеньке, хлопать в ладоши, не замечая удивлённых взглядов со стороны, и чуть было не споткнулась, когда неожиданно закончился эскалатор и надо было переступать на платформу.
Мы учились с Сонькой второй год в Педагогическом институте на преподавателей рисования, изошек, как нас все называли. Сами не знали, зачем учимся и что с нами будет после института. Это казалось слишком далёким будущим. Пока можно было просто наслаждаться жизнью. У моей подруги это получалось гораздо лучше, чем у меня. Я была рациональной частью Соньки. Я давала ей советы, и она меня слушала. Я её одёргивала, и она угомонялась, я ей подставляла плечо, и она отчаянно ревела из-за

– Ты далей, далей чытай!
«На прагляд канцэрта прывязуць школьнікаў з Масквы і вобласці...»
– Халя-я-ява!
«Перад імі бясплатна выступяць лепшыя зоркі нашай эстрады...»
– Ну і што? – запытала я, не адважваючыся агучыць думку.
– Едзем?
– У «Алімпійскі»? А інстытут?
– Ды – не выганяць! Паехалі, а? Такое раз у жыцці. Ну, калі ла-а-аска! – упрошвала Сонька.
Я закінула ямчэй заплечнік і ўявіла, колькі пар мы прапусцім. Не нагонім жа. Асабліва недарэчна было ўчора паўночы рыхтавацца да гісторыі... Бліснула...
– Добра, едзем, – пагадзілася я.
– Ура-а!
Сонька стала падскокваць на прыступцы, пляскаць у далоні, не заўважаючы здзіўленых позіркаў вакол, і ледзь не спатыкнулася, калі нечакана скончыўся эскалатар і трэба было пераступаць на платформу.
Мы другі год навучаліся з Сонькай у Педагагічным інстытуце на выкладчыкаў малявання, «мастачак», як нас усё называлі. Самі не ведалі, навошта вучымся і што з намі будзе пасля інстытута. Гэта здавалася занадта далёкай будучыняй. Пакуль можна было проста атрымліваць асалоду ад жыцця. У маёй сяброўкі гэта атрымлівалася значна лепш за мяне. Я была рацыянальным адбіткам Сонькі. Я давала ёй парады, і яна мяне слухалася. Я яе выхоўвала, і яна паводзіла сябе лепш, я падстаўляла ёй плячо, на якім яна адчайна раўла з-за

своих совсем ещё детских обид – не заметил, не пригласил, не поздравил… Даже странно, что такое существо, как Сонька – комочек энергии, непосредственный и забавный, – дружило со мной, флегматичной и вечно загруженной своими мыслями. По утрам во мне совершенно не было сил. Я с трудом вставала и заставляла себя идти в институт. Спускалась в метро и видела таких же уставших и поникших людей и совсем не понимала, зачем всё это нужно, зачем они так живут и мучаются. И что их только держит в этом огромном городе. Если бы не институт, я бы…
Я вспомнила день своего отъезда в Москву. Мама стояла на вокзале и махала мне рукой. Натянуто улыбалась. Как будто ей было весело… Мне казалось, что больше ничего на свете нет. Только мама и вокзал, тот самый, на который я любила приезжать и который я всегда ненавидела в день отъезда. Я садилась в поезд. Мама стояла на платформе, крестила меня. Раньше я сопротивлялась, но тогда стерпела. Пусть делает так, как ей нравится.

На стенах спорткомплекса красовались странные плакаты – полуобнажённые женщины с разноцветными волосами. Человек на страховочном поясе висел под крышей здания и расправлял складку на полотне, чтобы разгладить перекошенную щёку у модели. По правую сторону на площади выстроились в ряд машины скорой помощи. Около входа – милицейские автобусы. «Олимпийский» был оцеплен. Мы подошли к центральной двери, охранник сказал, что ничего не знает про репетицию. Рядом с ним рабочие собирали турникеты. Они даже не захотели нам отвечать. То же

сваіх зусім яшчэ дзіцячых крыўдаў – не заўважыў, не запрасіў, не павіншаваў... Нават дзіўна, што такая істота, як Сонька – камячок энергіі, непасрэдны і пацешны, – сябравала са мной, флегматычнай і вечна паглыбленай ва ўласныя думкі. Штораніцы ўва мне зусім не было сіл. Я з цяжкасцю ўставала і прымушала сябе ісці ў інстытут. Спускалася ў метро, дзе бачыла такіх самых стомленых і паніклых людзей, і зусім не разумела, навошта ўсё гэта трэба, навошта яны так жывуць ды пакутуюць. І што іх толькі трымае ў гэтым вялізным горадзе. Каб не інстытут, я б...

Я ўспомніла дзень свайго ад'езду ў Маскву. Мама стаяла на вакзале і махала мне рукой. Нацята ўсміхалася. Нібыта ёй было весела... Мне здавалася, што больш нічога на свеце не існуе. Толькі мама і вакзал, той самы, на які я любіла прыязджаць і які я заўсёды ненавідзела у дзень ад'езду. Я садзілася ў цягнік. Мама стаяла на платформе, хрысціла мяне. Раней я супраціўлялася, але тады пражыла. Хай робіць так, як ёй падабаецца.

Сцены спарткомплексу стракацелі дзіўнымі плакатамі. На іх былі напаўаголеныя жанчыны з рознакаляровымі валасамі. Чалавек на страховачным поясе вісеў пад дахам будынка і распраўляў зморшчыну на палатне, каб разгладзіць перакошаную шчаку мадэлі. Па правым баку плошчы сталі ў шэраг машыны хуткай дапамогі. Каля ўваходу – міліцэйскія аўтобусы. «Алімпійскі» быў ацэплены. Мы падышлі да цэнтральных дзвярэй, ахоўнік заявіў, што нічога не ведае пра рэпетыцыю. Побач з ім рабочыя ўсталёўвалі турнікеты. Яны нават не захацелі з намі гаварыць. Тое ж самае было і каля іншага ўваходу –

самое было и у другого входа – мы пытались выяснить хоть что-нибудь, показывали газету, но на все наши вопросы охранники пожимали плечами.
Отчаявшись, мы расстелили газетку на бетонный выступ около стены спорткомплекса и сели передохнуть.
– А если они уже выступают… – начала Сонька трагическим голосом, – а если мы опоздали. Вдруг детей привезли рано утром?
– Да какой дурак к ним утром поедет!
– Все поедут… А потом рассказывать будут. «Фабрику» живую видели. Мангу…
– Ды кому рассказывать?
– Хоть кому… Думаешь, много у тебя в жизни такого будет? Потом окажется, что и рассказать нечего.
– Да ладно тебе, приедут они. И вообще, если бы они были уже там, здесь бы автобусы стояли.
Мой последний аргумент немного утешил Соньку. А тут к нам парень подошёл познакомиться. Бритый, похожий на зека, с красноватыми глазами – либо не выспался, либо напился. Сонька сразу оживилась, вынула из-под себя двойной газетный листок и расстелила ему.
– А кого такие красавицы ждут?
– Евровидение!
– Еврови-иденье? – растягивал парень.
– А как звать-то?
– Со-оня.

мы спрабавалі высветліць хоць штосьці, паказвалі газету, але на ўсе нашы пытанні ахоўнікі паціскалі плячыма.
Страціўшы надзею, мы разаслалі газетку на бетонным выступе каля сцяны спарткомплексу і селі адпачыць.
– А калі яны ўжо выступаюць ... – пачала Сонька трагічным голасам, – а калі мы спазніліся. Раптам дзяцей прывезлі з самай раніцы?
– Ды які дурань да іх раніцай паедзе!
– Усе паедуць... А потым распавядаць будуць. «Фабрыку» жывую бачылі. Мангу...
– Каму распавядаць?
– Хоць каму... Думаеш, шмат у цябе ў жыцці падобнага будзе? Потым акажацца, што і распавесці няма чаго.
– Ды супакойся, прыедуць яны. І наогул, калі б яны былі там, тут бы ўжо аўтобусы стаялі.
Мой апошні аргумент трохі суцешыў Соньку. І тут да нас хлопец падышоў знаёміцца. Падобны да зэка, з паголенай галавой, з вачыма чырвонымі – ці не выспаўся, ці п'янаваты. Сонька адразу ажывілася, дастала з-пад сябе двайны газетны лісток і разаслала яму.
– А каго такія прыгажуні чакаюць?
– Еўрабачанне!
– Еўраба-а-ачанне? – працягнуў хлопец.
– А як завяцеся?
– Со-о-оня.
– Ух ты! – незразумела чаму ўзрадаваўся ён. – А цябе?

– Ох ты! – непонятно чему обрадовался он. – А тебя?
– Никак.
Я отвернулась. Парень достал из кармана сигарету и закурил.
– Здесь репетиция должна быть. Что-нибудь знаешь? – спросила его Сонька.
– Репетиция?.. Хм… Не слышал. Но вы всё равно зря так рано. Репетиции обычно вечером бывают.
– Вечером?.. – поникла Сонька.
– После четырёх где-нить. Только вас всё равно не пустят. Нас-то никогда не пускают, а мы свои – работаем здеся, я вот в охране второй месяц, – и всё ближе, ближе к Соньке пододвигается.
– Давай ещё раз обойдём? – предложила я подруге.
Но Сонька посмотрела на меня таким взглядом, как будто я враг народа.
– Иди сама. А я пока посижу.
Идти мне не хотелось. Я просто так сказала, думала, надо её спасти от докучливого собеседника. Но, оказывается, ошиблась. Соньке было вполне комфортно общаться. Оставаться на месте гордость не позволяла.
Я демонстративно поднялась и пошла вдоль «Олимпийского».
В ту секунду я поняла, что Сонька мне не подруга. И вообще у человека никогда не может быть настоящих друзей. Он неизбежно одинок в этом мире. Я иду, а Сонька даже не предполагает, что у меня творится на душе. Каждый закован в себе, с рождения и до самой смерти он остаётся один на один с собственным сознанием. Оттого у людей в метро печальные лица. Их никто не понимает. Они не хотят в это верить, но чувствуют, что

– Ніяк.
Я адвярнулася. Хлопец дастаў з кішэні цыгарэту і запаліў.
– Тут рэпетыцыя павінна быць. Штось ведаеш? – спыталася ў яго Сонька.
– Рэпетыцыя?.. Хм... Не чуў. Але вы ўсё роўна дарма так рана. Рэпетыцыі звычайна ўвечары бываюць.
– Увечары?.. – сумелася Сонька.
– Дзесь пасля чатырох. Толькі вас усё адно не пусцяць. Нават нас ніколі не пускаюць, а мы свае – працуем тутака, я вось у ахове другі месяц, – і ўсё бліжэй, бліжэй да Сонькі падсоўваецца.
– Давай яшчэ раз абыдзем? – прапанавала я сяброўцы.
Але Сонька зірнула на мяне, як на ворага народа.
– Ідзі сама. А я пасяджу.
Ісці мне не хацелася. Я проста так сказала, думала, трэба яе ратаваць ад надакучлівага суразмоўцы. Але, аказваецца, памылілася. Соньцы было цалкам камфортна. Заставацца на месцы гонар не дазволіў.
Я дэманстратыўна паднялася і пайшла ўздоўж «Алімпійскага».
У тую секунду я зразумела, што Сонька мне не сяброўка. І ўвогуле ў чалавека ніколі не можа быць сапраўдных сяброў. Ён непазбежна самотны ў гэтым свеце. Я іду, а Сонька нават не здагадваецца, што ў мяне робіцца на душы. Кожны закаваны ў сабе, з нараджэння і да самай смерці застаецца сам-насам з уласнай свядомасцю. Таму ў людзей у метро сумныя абліччы. Іх ніхто не разумее. Яны не хочуць у гэта верыць, але адчуваюць, што ў шматмільённым горадзе яны па-ранейшаму адны. І нікому яны не патрэбныя.

в многомиллионном городе они по-прежнему одни. И никто в них не нуждается. У каждого своя жизнь и свои переживания.
Я вспомнила глаза собаки, которую видела у выхода из метро. Она страдала от одиночества. Она сидела на проходе, и все люди были вынуждены её обходить. Огромная рыжая собака. Она ждала, что её спасут. А люди безразлично проходили мимо, не удосуживаясь даже повернуться. С каждым промелькнувшим человеком собака понимала собственную обречённость. Мы встретились взглядами. За эту секунду я успела почувствовать, что брошенная собака гораздо лучше меня, ей так мало надо в этой жизни. У меня есть всё необходимое – еда и съёмная комната, но я не умею радоваться. У собаки приподнялись висячие уши и дёрнулись лапы. Она готова была сорваться и бежать за мной, чтобы никогда больше не быть одной. Но в последний момент я опустила глаза и прошла мимо. Собака поняла, что я такая же, как все, что в этом мире ничего не стоит ждать. Я её разочаровала. Возбуждённое сознание не позволило мне заснуть в ту ночь. Я молилась, чтобы поскорее наступил конец света. Люди разучились любить и понимать окружающий мир. Дальше некуда.
…Но наступило утро.
Все мысли растворились. Я пошла в институт, сидела на лекциях и ни о чём больше не вспоминала.

– Лен, Ленка! – запыхавшаяся Сонька толкнула меня в спину. – Он сказал, что охранники нас не пустят. Там к тому же эти дебильные турникеты поставили.

У кожнага сваё жыццё і свае перажыванні.
Я ўспомніла сабачыя вочы, што бачыла каля выхаду з метро. Сабака пакутаваў ад адзіноты. Сядзеў на праходзе, і людзі мусілі яго абыходзіць. Велізарны руды сабака. Ён чакаў, што нехта яго выратуе. А людзі абыякава абміналі яго, не знаходзячы часу азірнуцца. З кожным чалавекам, які не вяртаўся, сабака разумеў уласную асуджанасць. Мы сустрэліся позіркамі. За гэтую секунду я паспела адчуць, што кінуты сабака значна лепшы за мяне, яму так мала трэба ў гэтым жыцці. У мяне ёсць усё неабходнае – ежа і здымны пакой, але я не ўмею радавацца. У сабакі прыўзняліся абвіслыя вушы, напружыліся лапы. Ён гатовы быў сарвацца з месца і бегчы за мной, каб ніколі больш не быць адным. Але ў апошні момант я адвяла вочы і прайшла міма. Сабака зразумеў, што я такая ж, як усё, што ў гэтым свеце нічога не варта чакаць. Я расчаравала яго.
Узбуджаная свядомасць не дала мне заснуць у тую ноч. Я малілася, каб хутчэй надарыўся канец свету. Людзі развучыліся любіць і разумець навакольны свет. Далей няма куды.
… Але надышоў ранак.
Усе думкі расталі. Я пайшла ў інстытут, сядзела на лекцыях і ні пра што больш не ўзгадвала.

– Лен, Ленка! – задыханая Сонька штурханула мяне ў спіну. – Ён сказаў, што ахоўнікі нас не пусцяць. Там да таго ж гэтыя дэбільныя турнікеты паставілі.
– Тэлефончыкамі абмяняліся?

– Телефончиками обменялись?
– …Какими?
– Обыкновенными.
– Ты про него, что ли?
Молчу.
– Нужен он мне.
– Я и вижу, как нужен, – обиженно ответила я.
– Ну Ле-ен, чё ты…
– Ладно, что там?
– Он сказал, что с той стороны «Олимпийского» проводится какая-то книжная ярмарка, нам можно зайти на неё, а потом как-нибудь улизнуть на склад. Послезавтра финал Евровидения. Посидим там, а как всё начнётся, выйдем в зал!
– Два дня на складе?
– Почему два? Один день и две ночи... И ещё полдня.
– Без еды?
– Ну… потерпим.
– Не пойду, – наотрез отказалась я.
– Ну один ра-аз… Там «Фабрика» будет.
– Не пойду.
– Ну Ле-ен…
– Отстань.
– Ну…

– ... Якімі?
– Звычайнымі.
– Ты што – пра гэтага?
Маўчу.
– Патрэбны ён мне.
– Я і бачу, што патрэбны, – пакрыўджана адказала я.
– Ну, Ле-е-ен, чаго ты...
– Добра, што там?
– Ён сказаў, што з таго боку «Алімпійскага» праводзіцца нейкі кніжны кірмаш, нам можна зайсці на яго, а потым як-небудзь прабрацца на склад. Паслязаўтра фінал Еўрабачання. Пасядзім там, а як усё пачнецца, выйдзем у залу!
– Два дні на складзе?
– Чаму два? Адзін дзень і дзве ночы... І яшчэ паўдня.
– Без ежы?
– Ну... пацерпім.
– Не пайду, – наадрэз адмовілася я.
– Ну адзін ра-а-аз... Там «Фабрыка» будзе.
– Не пайду.
– Ну, Ле-е-ен...
– Адчапіся.
– Ну...
– Сама ідзі.
– Ну, як хочаш. Я табе прапаноўвала!

– Сама иди.
– Ну, как хочешь. Я тебе предлагала!
Сонька развернулась и пошла к «Олимпийскому». Я – в противоположную сторону.
Обогнула площадь и увидела вдалеке, около сквера, толпу людей. Направилась к ним.
На скамейке сидел бомж в потрёпанной куртке, смотрел под ноги и улыбался всеми морщинками на лице. Около него в песчаной луже плескался воробей. Он неуклюже чистил свои пёрышки на крыльях и хвосте, хмурился от усердия, его глазки блестели на солнце. Взрослый, потрёпанный жизнью мужчина умилялся, видя перед собой птенчика.
Как мало нам требуется для радости! Совсем ничего. Только умение видеть и понимать настоящее, выделять из жизни главное.
Когда-то давно я осознала, что каждый рождённый человек уже счастливый. Радость преследует его всегда. Дети это знают. Только с течением времени почему-то мы забываем самое главное.
Когда мне было пять, а может, семь лет, я пообещала себе никогда не потерять это ощущение счастья. Я рассказала обо всём, что чувствовала, подруге со двора. Она в ответ только посмеялась. Стало грустно. А в школе меня за это прозвали «философом». Мне показалось, что это обидно. И я стала бегать за всеми, кто обзывался.
А, собственно, в чём тут дело… Человек должен быть безмерно благодарен тому, что он родился, что ему предоставилась возможность видеть красивый мир вокруг себя. Мне было не понятно тогда, мне не ясно и сейчас,

Сонька павярнулася і пайшла да «Алімпійскага». Я – у процілеглы бок.
Абышла плошчу і ўбачыла здалёк, каля сквера, людскі натоўп. Накіравалася туды.
На лаўцы сядзеў бомж у зношанай куртцы, глядзеў пад ногі і ўсміхаўся ўсімі зморшчынкамі на твары. Каля яго ў лужыне пяску купаўся верабейка. Ён нязграбна чысціў пёркі на крылах і хвасце, хмурыўся ад старання, яго вочкі блішчалі на сонцы. Дарослы, патрапаны жыццём мужчына замілавана глядзеў на птушаня.
Як мала нам трэба для радасці! Зусім нічога. Толькі ўменне бачыць і разумець, знаходзіць галоўнае ў жыцці.
Калісьці даўно я ўсвядоміла, што кожны народжаны чалавек ужо шчаслівы. Радасць праследуе яго заўсёды. Дзеці гэта ведаюць. Толькі з цягам часу чамусьці мы забываем пра самае галоўнае.
Калі мне было пяць, а можа, сем гадоў, я паабяцала сабе ніколі не страціць гэта адчуванне шчасця. Я распавяла пра тое, што адчула, сяброўцы з двара. Яна толькі пасмяялася ў адказ. Стала прыкра. А ў школе мне далі мянушку «філосаф». Мне падалося гэта крыўдным. І я стала бегаць за ўсімі, хто мяне дражніў.
А, уласна, што тут такога... Чалавек павінен быць бязмерна ўдзячны таму, што ён нарадзіўся, што ў яго ёсць магчымасць бачыць прыгожы свет вакол сябе. Мне было незразумела тады, мне незразумела і цяпер, для чаго людзі носяць сонечныя акуляры, скажаюць рэчаіснасць. Мне не хапае двух вачэй, каб паспець атрымаць асалоду ад усяго, а людзі засланяюцца ад жыцця. Нават калі

для чего люди носят солнечные очки и искажают действительность. Мне не хватает двух глаз, чтобы успеть насладиться всем, а люди заслоняют от себя последнее. Даже когда я выросла, всё равно всегда себя чувствовала маленьким ребёнком, которого возят на колясочке, а он озирается с искренним любопытством и восхищением по сторонам.
Но чтобы коляска не раздавила случайно пробегающего по своим делам муравья, чтобы не помяла ни один листик, я хочу быть подвешенной в воздухе в гигантском прозрачном шарике, пузыре, чтобы с меньшим вредом для остальных летать и смотреть на всё, что нас окружает. А окружает нас множество красивых вещей. Что-то мы не в силах создать – небо, цветы, зверей… А что-то вполне можем. Мы с Сонькой, например, учимся рисовать. И если одна из нас нарисует что-нибудь стоящее, то эта картина будет для людей чудом, сольётся с тем же самым прекрасным миром и станет его составляющей. Все смогут любоваться и вновь радоваться, что они живут и видят это. Мы не имеем права обижать других – вдруг именно они призваны украсить этот мир. Вдруг именно им дозволено действовать. А нам, неспособным, сидеть в своём шарике и любоваться, любоваться, насколько красив и захватывающе необычен этот мир.

Подбежала Сонька.
– Лен…
– Чего?
– Я не пойду без тебя.
– А как же твоя Манга?

я вырасла, усё роўна заўсёды адчувала сябе дзіцём, якое сядзіць у вазочку ды азіраецца са шчырай цікавасцю і захапленнем па баках.
Але каб мой вазок не расціснуў выпадковага дбайнага мураша, каб не прыціснуў долу ніводнага лістка, я хачу вісець у паветры ў гіганцкім празрыстым шарыку, бурбалцы, каб з меншай шкодай для іншых лётаць і глядзець на ўсё, што нас атачае. А вакол нас мноства прыгожых рэчаў. Нешта мы няздольныя стварыць – неба, кветкі, жывёлу... А нешта можам. Мы з Сонькай, напрыклад, вучымся маляваць. І калі адна з нас створыць што-небудзь вартае, то гэтая карціна будзе для людзей цудам, зліецца з тым жа самым выдатным светам, стане яго складнікам. Усе змогуць любавацца і радавацца, што жывуць і бачаць гэта. Мы не маем права крыўдзіць іншых – а раптам менавіта яны прыйшлі, каб упрыгожыць гэты свет. Раптам менавіта ім дазволена дзейнічаць. А нам, няздатным, толькі сядзець у сваім шарыку і любавацца, любавацца, наколькі прыгожы і захапляльна чароўны гэты свет.

Падбегла Сонька.
– Лен...
– Чаго?
– Я не пайду без цябе.
– А як жа твая Манга?
– Я хачу з табой на яе, – насупілася яна. – Давай яшчэ да вечара пачакаем. Яны прыедуць.

– Я хочу с тобой на неё, – насупилась она. – Давай ещё до вечера подождём. Они приедут.
– Ну давай.
– А что это там? – она махнула рукой в сторону толпы людей.
– Не знаю. Самой интересно.
– Пойдём посмотрим.
Мы подошли к крайнему мужичку, низкорослому, как ребёнок. Мне понравились его гусарские усы и лопнувшие на месте сгибов ботинки. С таким можно запросто поговорить.
– Не подскажете, сколько время? – спросила Сонька.
– Без часов, – он развёл руками. – Счастливый, значит! А вы что – тоже, что ли?
– Что?
– Я вас не видел раньше. Тоже стоите?
– Ну да... А что здесь такое?
– Ждём!
– Кого ждёте?
– Как кого?! – выказал мужик неподдельное удивление. – Его!!
– Мессию? – пошутила Сонька.
– Тьфу ты! Вы как с другой планеты! Да Тимати должен приехать, – мужик до сих пор не понимал, что мы всерьёз. – Тимати на своей оранжевой машине.
Я имела смутные представления, кто такой Тимати – маленький негритёнок, который поёт реп, – но как-то не хотелось верить, что все ждут именно его.
– А что, он здесь концерт давать будет? – робко спросила я.

– Ну, давай.
– А што гэта там? – яна махнула ў бок натоўпу.
– Не ведаю. Самой цікава.
– Хадзем паглядзім.
Мы падышлі да крайняга мужчынкі, нізенькага, як дзіця. Мне спадабаліся яго гусарскія вусы і аблупленыя чаравікі. З такім можна пагутарыць папросту.
– Не падкажаце, колькі часу? – спытала Сонька.
– Не маю гадзінніка, – ён развёў рукамі. – Шчаслівы, значыць! А вы што – таксама?
– Таксама што?
– Я вас не бачыў раней. Таксама стаіце?
– Ну так... А што тут такога?
– Чакаем!
– Каго чакаеце?
– Як каго?! – мужчына непадробна здзівіўся. – Яго!!
– Месію? – пажартавала Сонька.
– Цьфу ты! Вы як з іншай планеты! Ды Цімаці павінен прыехаць, – мужык да гэтага часу не разумеў, што мы сур'ёзна. – Цімаці на сваёй аранжавай машыне.
Я мела невыразнае ўяўленне пра тое, хто такі Цімаці – маленькае негрыцяня, якое спявае рэп, – але чамусьці не хацелася верыць, што ўсе чакаюць менавіта яго.
– А што, ён тут канцэрт даваць будзе? – нясмела спытала я.
– Ды не. Ён у царкву прыязджае. Маліцца. І грошы раздае. Каму па тысячы, каму па пяцьсот. Прама партманетку вымае і вось так раздае, – му-

– Да нет. Он в церковь приезжает. Молиться. И деньги раздаёт. Кому по тысячи, кому по пятьсот. Прямо кошелёк вынимает и вот так раздаёт, – мужик показал, как Тимати раздаёт деньги. Это было похоже на засев огорода зерном.
– Ммм… – у Соньки надулись губы. Она зашептала мне в ухо: – А может, ну его, Евровидение. Давай лучше здесь постоим. Там не заплатят. А здесь хотя бы деньги будут.
Я задумалась... Пятьсот рублей в день – неплохо. Особенно если учесть, как мы пытаемся подрабатывать. Сонька – ночным барменом в круглосуточном кафе. Я – репетитором рисования у одной пятилетней девочки. Деньги нужны нам обеим.
– А, давай! – поддержала я.
Пока стояли в толпе, выяснили, что Тимати приезжает сюда один-два раза в неделю на своей оранжевой машине. Такой машины нет ни у кого в Москве! Он специально её в апельсиновый цвет выкрасил, чтобы не угнали. Тимати очень верующий, это следует из величины золотого креста, который он надевает поверх одежды. Ещё Тимати уважают все священники. Он отдаёт много денег на восстановление храма. Проблема только в одном – никто не знает, когда он приедет, вот и ждут его здесь день и ночь на протяжении всей недели.
Мы прикинули с Сонькой – если по пятьсот рублей два раза в неделю, то в месяц наберётся четыре тысячи – неплохая прибавка к стипендии. Надо стоять, что бы ни случилось, стоять.

жык паказаў, як Цімаці раздае грошы. Гэта было падобна на засеў агарода збожжам.
– Ммм... – у Сонькі надзьмуліся вусны. Яна зашаптала мне ў вуха: – А можа, ну яго, Еўрабачанне. Давай лепш тут пастаім. Там не заплацяць. А тут хоць грошы будуць.
Я задумалася... Пяцьсот рублёў у дзень – някепска. Асабліва калі ўлічыць, як мы спрабуем падпрацоўваць. Сонька – начным барменам у кругласутачнай кавярні. Я – рэпетытарам малявання ў адной пяцігадовай дзяўчынкі. Грошы патрэбныя абедзвюм.
– А, давай! – падтрымала я.
Пакуль стаялі ў натоўпе, высветлілі, што Цімаці прыязджае сюды адзін-два разы на тыдзень на сваёй аранжавай машыне. Такой машыны няма ні ў кога ў Маскве! Ён спецыяльна яе ў аранжавы колер пафарбаваў, каб не скралі. Цімаці вельмі веруючы, гэта вынікае з велічыні залатога крыжа, які ён носіць на майку. Яшчэ Цімаці паважаюць усе святары. Ён дае шмат грошай на аднаўленне храма. Праблема толькі ў адным – ніхто не ведае, калі ён прыедзе, вось і чакаюць яго тут дзень і ноч на працягу ўсяго тыдня.
Мы прыкінулі з Сонькой – калі па пяцьсот рублёў два разы на тыдзень, то ў месяц набярэцца чатыры тысячы – нядрэнная прыбаўка да стыпендыі. Трэба стаяць, што б ні здарылася, стаяць.
Праз гадзіну ў стоме мы апусціліся на кукішкі і чакалі так. А яшчэ праз паўгадзіны, калі канчаткова зацяклі ногі, мы адышлі да царкоўнага плота і прыселі каля яго. Так было зручней.

Через час от усталости мы опустились на корточки и ждали так. А ещё через полчаса, когда окончательно затекли ноги, мы отошли к каменному заборчику у церкви и присели около него. Так было удобнее.
Солнце зашло за купола, и от них по площади потянулась длинная тень. Голуби топтались по асфальту. Изредка проходили люди.
Казалось, что так было всегда – церкви, голуби, люди. И даже когда нас не будет, станут жить совсем другие люди, всё равно также будут стоять церкви, а возле них будут бегать серые голуби.
И наверное, все люди, которые когда-нибудь стояли возле церковного забора и смотрели на голубей, думали о том же самом. Мне приятно переживать заново их мысли.

Помню, мама рассказывала мне историю о моей прабабушке. А я пыталась себя представить в этой старушке и почувствовать, что переживала она в то время. Но у меня не получалось. Может, оттого, что я почти ничего не знала про неё…
Я знаю, что её звали Ксения, и знаю один факт из жизни, который позволяет моему воображению нарисовать её. Прабабушка жила в маленькой умирающей деревеньке. Всю свою жизнь, до глубокой старости, она вставала рано утром, до рассвета, и плыла на лодке в соседнее село, где стояла церковь. Прабабушка не пропустила ни одной службы. Всегда поспевала к началу. Она всё время у меня перед глазами. Дряхлая худенькая старушка в зелёной кофте гребёт вёслами и разбивает лунное отражение в реке... Она молилась за всех нас, даже когда мы ещё не родились. А где она теперь?

Сонца зайшло за купалы, і ад іх па плошчы пацягнуўся доўгі цень. Галубы тупалі па асфальце. Зрэдку праходзілі людзі.
Здавалася, што так было заўсёды – цэрквы, галубы, людзі. І нават калі нас не стане, будуць жыць зусім іншыя людзі, усё роўна будуць стаяць цэрквы, а каля іх будуць мітусіцца шызыя галубы.
І напэўна, усе людзі, якія аднойчы стаялі каля царкоўнага плота і глядзелі на галубоў, думалі пра тое ж самае. Мне прыемна перажываць наноў іх думкі.

Памятаю, мама распавядала мне гісторыю маёй прабабулі. А я імкнулася ўявіць сябе старой і адчуць, што перажыла яна ў свой час. Але ў мяне не атрымлівалася. Можа, таму, што я амаль нічога пра яе не ведала...
Толькі тое, што яе звалі Ксеніяй, і адзіны факт з жыцця, які дазваляе майму ўяўленню дамаляваць яе. Прабабуля жыла ў маленькай паміраючай вёсачцы. Усё сваё жыццё, да глыбокай старасці, яна ўставала да світання і плыла ў чоўне ў суседнюю вёску, дзе стаяла царква. Прабабуля не прапусціла ніводнай службы. Заўсёды паспявала да пачатку. Яна ўвесь час у мяне перад вачыма. Лядашчая худзенькая бабулька ў зялёнай кофце старанна вяслуе і вёсламі разбівае адлюстраванне месяца ў рацэ... Яна малілася за ўсіх нас, нават калі мы яшчэ не нарадзіліся. А дзе яна цяпер?
Я ўглядаюся ў нябесную вышыню, па якой плывуць паважныя аблокі, і ўяўляю прабабулю, якую ніколі не бачыла. Мне не здаецца гэта звышнатуральным, што недзе там, зверху, жыве яна і астатнія людзі. Яны ведаюць пра нас, моляцца і просяць.

Я вглядываюсь в небесную вышину, по которой плывут степенные облака, и представляю прабабушку, которую никогда не видела. Мне не кажется это сверхъестественным, что где-то там, сверху, живёт она и остальные люди. Они знают о нас, молятся и просят.
Я живу в городе, где церкви на каждом шагу, но никак не могу зайти и просто поставить свечку за всех, кто был до меня. За прабабушку.
Я стала другой. За последнее столетие всё стало другим.
А каким будет тот мир, в котором будут жить мои дети? Церкви останутся прежними, я в этом уверена. Но вот сочтут ли люди будущего возможным зайти туда и помолиться, вспомнят ли нас? Найдут ли за что вспомнить?
Надо им всё объяснить... Надо, но я не умею. Я не могу выразить словами всё то, что чувствую. Я умею только молчать. Наверное, я должна была родиться немой, но в последний момент Господь наградил меня голосом, чтобы я смогла сама себе покупать в магазине краски и наконец-то выучилась на эту «изошку».

– Слушай, Лен, а Бог есть?
Я испуганно посмотрела на Соньку. Думала, шутит. Но она не улыбалась.
– Наверное, – пожала плечами.
– Тогда давай зайдём, – она указала в сторону входной двери.
– Зачем?
– Ну, ты знаешь, что сделать, чтобы исполнилось желание? Ну там свечки поставить, ещё что-то.
– А чего ты хочешь?

Я жыву ў горадзе, дзе цэрквы на кожным кроку, але ніяк не магу зайсці і проста паставіць свечку за ўсіх, хто быў да мяне. За прабабулю.
Я стала іншай. За апошняе стагоддзе ўсё стала іншым.
А на што будзе падобны свет, у якім давядзецца жыць маім дзецям? Цэрквы застануцца ранейшымі, я ў гэтым упэўнена. Але вось ці палічаць людзі будучыні магчымым зайсці туды і памаліцца, ці ўспомняць пра нас? Ці знойдуць што ўспомніць?
Трэба ім усё патлумачыць... Трэба, але я не ўмею. Я не магу выказаць словамі ўсё тое, што адчуваю. Я ўмею толькі маўчаць. Напэўна, я павінна была нарадзіцца нямой, але ў апошні момант Гасподзь узнагародзіў мяне голасам, каб я змагла сама купляць сабе ў краме фарбы і вывучыцца нарэшце на «мастачку».

– Слухай, Лен, а Бог ёсць?
Я спалохана зірнула на Соньку. Думала, жартуе. Але яна не ўсміхалася.
– Напэўна, – паціснула плячыма.
– Тады давай зойдзем, – яна паказала ў бок ўваходных дзвярэй.
– Навошта?
– Ну, ты ведаеш, што зрабіць, каб споўнілася жаданне? Свечкі там паставіць, яшчэ нешта.
– А чаго ты хочаш?
– Таго самага. Ці ты да ночы збіраешся тут стаяць?
– Не збіраюся.

– Того же самого. Или ты до ночи собираешься здесь стоять?
– Не собираюсь.
– Идём тогда?
– Идём.
Народу в храме было немного. В основном стояли у алтаря.
Купили по свечке, поставили их у образа Божьей Матери. Я забыла даже про желание. Зато Сонька долго выговаривала просьбу, беззвучно шевеля губами.
Бабушка в чёрном собирала огарки с подсвечника, неодобрительно поглядывала на нас и ворчала, что мы в штанах и без косынок. А это вообще недопустимо. «Вот вселится бес, буте знать, что это!»
Стало неловко за наш вид: кофты со стразами, джинсы, у Соньки вообще разрез на спине, и плечо совсем оголилось.
– Пойдём, – потянула её к выходу.
– А теперь он приедет? Мы всё правильно сделали?
– Да приедет, приедет.
На улице было куда комфортнее стоять, здесь мы не привлекали внимания.
Толпа ожидающих заметно увеличилась. Наверное, некоторые подошли после работы. Сонька забеспокоилась, что на всех не хватит денег. На этот раз я не стала её разубеждать. Мне и самой так казалось.
Возле «Олимпийского» остановились длинные автобусы. Из них высыпали школьники с разноцветными ранцами. Началась толкотня. Бегали взволнованные учителя, успокаивали детей. Мы наблюдали за ними через пло-

– Хадзем тады?
– Хадзем.
Народу ў храме было няшмат. У асноўным стаялі каля алтара.
Купілі па свечцы, паставілі іх да абраза Божай Маці. Я забылася нават пра жаданне. Затое Сонька доўга вымаўляла просьбу, бязгучна варушачы вуснамі. Бабуля ў чорным збірала недагаркі з падсвечніка, няўхвальна пазірала на нас і бурчэла, што мы ў штанах і без хустак. А гэта наогул недапушчальна. «Вось уселіцца нячысты, будзеце ведаць!»
Стала няёмка за наш выгляд: кофты са стразамі, джынсы, у Сонькі наогул разрэз на спіне і плячо зусім агаліліся.
– Пайшлі, – пацягнула яе да выхаду.
– А цяпер ён прыедзе? Мы ўсё правільна зрабілі?
– Прыедзе, прыедзе.
На вуліцы было куды больш камфортна стаяць, тут мы не прыцягвалі ўвагі.
Натоўп прыкметна павялічыўся. Напэўна, некаторыя падышлі пасля працы. Сонька занепакоілася, што на ўсіх не хопіць грошай. На гэты раз я не стала яе пераконваць. Мне і самой так падалося.
Каля «Алімпійскага» спыніліся доўгія аўтобусы. З іх высыпалі школьнікі з рознакаляровымі ранцамі. Пачалася штурханіна. Бегалі ўсхваляваныя настаўнікі, супакойвалі дзяцей. Мы назіралі за імі праз плошчу. Вось ім раздалі квіткі, і яны сталі ў чаргу перад турнікетамі, каб нарэшце ўбачыць на вялікай сцэне зорак. А там і «Фабрыка», і Манга, і Джокер... Сонька ледзьве не плакала. Я сядзела ў метры ад яе, абапёршыся спінай аб плот, складала

щадь. Вот им раздали билеты, и они выстроились в очередь перед турникетами, чтобы, наконец, зайти внутрь и увидеть на большой сцене звёзд. А там и «Фабрика», и Манго, и Джокер… Сонька чуть не плакала. Я сидела в метре от неё, облокотившись спиной о забор, составляла из камушков бессмысленную картинку и думала, что всё у нас идёт не так, как должно быть. А вдруг сейчас, в эту секунду, на нас смотрит Бог и скорбит оттого, что мы такие. Мы не сможем оправдаться – не получится. Почему-то стало грустно.

Толпа людей вглядывалась в поток машин и всё ждала, ждала, когда же в нём мелькнёт заветное оранжевое пятно.

з каменьчыкаў бессэнсоўную карцінку і думала, што ўсё ў нас ідзе не так, як павінна быць. А раптам цяпер, у гэтае імгненне, на нас глядзіць Бог і смуткуе з таго, што мы такія. Мы не зможам апраўдацца – не атрымаецца. Чамусьці стала прыкра.

Натоўп узіраўся ў плынь машын і ўсё чакаў, чакаў, калі ж мільгане запаветная аранжавая пляма.

Сергей Лагодин

Перевод на белорусский язык Татьяны Сивец

Сяргей Лагодзін

Пераклад на беларускую мову Таццяны Сівец

Сергей Лагодин родился 11 января 1990 года в с. Нерчинский Завод Забайкальского края. В 2011 году окончил экономический факультет ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского. В 2011 году поступил в магистратуру того же учебного заведения на исторический факультет. Публиковался в литературно-художественном журнале «Встречи» № 3 2011 года.

Сяргей Лагодзін нарадзіўся 11 студзеня 1990 года ў с. Нерчынскі Завод Забайкальскага краю. У 2011 годзе скончыў эканамічны факультэт ЗабГГПУ імя М. Г. Чарнышэўскага. У 2011 годзе паступіў у магістратуру той жа навучальнай установы на гістарычны факультэт. Публікаваўся ў літаратурна-мастацкім часопісе «Встречи» № 3 2011 года.

ДЖУЛАЙ

Жил он у самой реки на отшибе. И часто, по весне, его дом затопляла река.

Уже никто не строил своих домов у реки, а те, кто и решался по глупости построить, сразу перебирались подальше – вверх от весенней злой воды. Так и был его дом – один у реки. Да и сам он жил один.

Как я помнил, он всё время жил один, и никто к нему не приезжал. Я как-то спросил у матери, есть ли у этого деда семья. Она в это время месила тесто на хлеб. Тут сразу оставила работу, задумалась и вымолвила:

– Да я и не помню, кто у него и был. Вроде всю жизнь бобылём прожил.

А потом опять начинала своими белыми руками поднимать мучную пыль, приговаривая про себя: «Вот бедный дед Василь, совсем себе никого не нажил. Ведь так и помрёт совсем один».

Мне было его жалко.

Все в деревне его звали дед Василь, а я просто – Дед.

Часто я помогал ему. Мать просила меня:

– Сходи к деду Василию. Мужики привезли на зиму дров ему, а раскалывать-то не кому. Помоги ему, а то он немощный уже.

Меня не надо было просить, я сам ходил к нему. Помогал ему по хозяйству: носил воду, колол дрова. Он никогда не говорил «спасибо». Я и не ждал благодарностей.

ДЖУЛАЙ

Жыў ён каля самай ракі, наводшыбе. І часцяком па вясне яго дом падтапляла рака.

Ужо ніхто не будаваў дамоў каля ракі, а тыя, хто рашаліся на такое глупства, адразу перабіраліся падалей ад вясновай злой вады.

Так і стаяла яго будыніна – адна каля ракі. Ды і сам ён жыў на адзіноце.

На маёй памяці, ён увесь час быў адзін, і ніхто да яго не прыязджаў. Я неяк запытаў у маці, ці ёсць у гэтага дзеда сям'я. Яна тым часам мясіла цеста на хлеб. Тут пакінула працу, задумалася і прамовіла:

– Ды я і не памятаю, ці быў у яго хто. Бадай, усё жыццё бабылём пражыў.

А потым зноў пачала сваімі белымі рукамі ўздымаць мучны пыл, прыгаворваючы:

– Вось бедны дзед Васіль, зусім сабе нікога не нажыў. Так і памрэ самотнікам.

Мне было шкада яго.

Усе ў вёсцы звалі яго дзед Васіль, а я казаў проста Дзед.

Я часта дапамагаў яму. Маці прасіла:

– Схадзі да дзеда Васіля. Мужыкі прывезлі дроў яму на зіму, а пасячы няма каму. Дапамажы, а то ён нямоглы ўжо.

Мяне не трэба было прасіць, я сам хадзіў да яго. Дапамагаў па гаспадарцы: насіў ваду, сек дровы. Ён ніколі не казаў «дзякуй». А я і не чакаў падзякі.

Он вообще был молчаливым, говорил редко. Иногда только бормочет что-то сам себе в свою светлую бороду. Кажется, хочет сказать, начнёт, а не получается говорить длинно. Борода, видимо, съедает все его слова. Таких людей, как дед, называют нелюдимыми.

Я был не совсем прав, сказав, что он жил совсем один. У него была коза, старая. Которая уже давно не давала молока, ходила плохо, а дед её любил. Заботился о ней как о ребёнке. Между козой и дедом я находил некоторые сходства. Например, водил дед козу в поле за деревню, чтобы она там прогулялась. Идут вместе – впереди с костылём, прихрамывая на левую ногу, шёл дед, а следом плелась коза, тоже почему-то прихрамывая на заднюю левую ногу. Да и бороды у них были похожи – седые.

Мне было интересно, почему про него так мало знали в нашей деревне. Деревня же была маленькая, как «крошка» хлебная! Все друг про друга знали абсолютно всё.

Слышал я только, что он приехал в нашу деревню, когда ему было где-то лет тридцать. Был он крепким мужчиной.

– Не красавцем, но девки за ним бегали, – вспоминала наша соседка – старая женщина. – Потому что не пил и хозяйство умел держать.

Зарабатывал он тем, что помогал всем, кто попросит по хозяйству, в общем калымил. То сено летом поможет накосить, то дрова наготовить, то сруб поставить. Его уважали. Ведь не пил и не курил. И притом работал.

У самой реки построил дом и стал там жить.

Ён наогул быў маўчун, гаварыў рэдка. Часам толькі прамармыча штось сабе ў бараду. Здаецца, хоча сказаць, а не атрымліваюцца доўгія прамовы. Барада, мабыць, з'ядае ўсе словы. На такіх людзей, як дзед, кажуць «мармоль».

Я, бадай, не зусім меў рацыю, сказаўшы, што ён жыў зусім адзін. У яго была каза, старая. Якая даўно ўжо не давала малака, хадзіла цяжка, але дзед яе любіў. Клапаціўся пра яе, як пра дзіця. Нешта агульнае я знаходзіў паміж казой і дзедам. Напрыклад, вядзе дзед казу ў поле за вёску, каб яна там папасвілася. Ідуць разам – паперадзе з мыліцай, накульгваючы на левую нагу, дзед, а следам пляцецца каза, таксама чамусьці накульгваючы на заднюю левую нагу. Ды і бароды ў іх былі падобныя – сівыя.

Мне было цікава, чаму пра яго так мала ведалі ў нас. Вёска ж была маленькая як асушак хлебны! Усе адно пра аднаго ведалі абсалютна ўсё.

Чуў я толькі, што прыехаў ён у нашу вёску, калі яму было дзесьці гадоў пад трыццаць. Быў ён дужым мужчынам.

– Не прыгажуном, але дзеўкі за ім бегалі, – узгадвала наша суседка – старая жанчына. – Бо не піў і гаспадарку трымаў.

Зарабляў ён тым, што дапамагаў кожнаму, хто папросіць, калыміў, адным словам. То сена накосіць, то дровы нарыхтуе, то зруб паставіць. Паважалі яго. Бо не піў і не курыў. І да таго ж працаваў. Каля самай ракі паставіў дом і пачаў там жыць.

– А давайце ў яго казу ноччу звядзём, выпэцкаем яе ўсю дзёгцем, раніцаю ён прачнецца, а яна ўся чорная, – Колька заўжды падбіваў хлопцаў на свавольствы.

– А давайте у него козу ночью уведём, вымажем её всю дёгтем, а по утру он проснётся, а она вся чёрная, – Колька всегда подбивал всех мальчишек на шалость.

Он был старше всех нас. У него были большие и сильные руки, поэтому мы его боялись.

– Я не пойду, – мне было страшновато отказывать, но и одинокого деда обижать мне тоже не хотелось.

Все остальные пацаны посмотрели на меня как на припадочного. Всем было понятно, что Колька меня не поймёт и не простит.

– Чё, ты как девка ломаешься?! – начал грозить мне Колька. – Идут все. Или ты не пацан?

– Я не пойду, – повторил я.

В одно мгновение мне прилетел хороший удар в лицо от Кольки. От неожиданности я упал на землю. Попал точно в глаз.

– Пойдёмте отсюда. Пусть посидит и подумает, – довольный Колька. – А если кому проговоришься, то тебе худо будет. Понял? – Колька не простил мне ослушания.

Я ничего не ответил. Он и не ждал ответа. Он понимал, что я ничего не скажу. Я догадывался, что меня потом ждёт.

Я обедал после школы, когда мать зашла и сказала:

– Слыхал, у деда-то Василия козу украли. Он бедный утром рано вышел покормить, а её нет.

– И…

Ён быў старэйшы за ўсіх нас. У яго былі вялікія і дужыя рукі, таму мы яго баяліся.

– Я не пайду, – мне было страшнавата адмаўляць, але і самотнага дзеда крыўдзіць мне таксама не хацелася.

Пацаны пазіралі на мяне як на дзівака. Усім было ячна, што Колька не зразумее і не даруе.

– Чаго як дзеўка манежышся?! – пачаў пагражаць мне Колька. – Ідуць усё. Ці ты не пацан?

– Я не пайду, – паўтарыў я.

У імгненне я атрымаў удар у твар ад Колькі. Я не чакаў і паваліўся на зямлю. Пацэліў ён дакладна ў вока.

– Хадзем адсюль. Хай пасядзіць і падумае, – Колька быў задаволены. – А калі скажаш каму, то табе дрэнна будзе. Уцяміў? – Колька не дараваў мне непаслушэнства.

Я нічога не адказаў. Ён і не чакаў адказу. Ён разумеў, што я нічога нікому не скажу. Я здагадваўся, што мяне чакае пасля.

Я абедаў пасля школы, калі маці зайшла і сказала:

– Чуў, у дзеда Васіля казу ўкралі. Бедны, ранкам выйшаў даць ёй, а казы няма.

– І...

– Ходзіць цяпер, шукае. Шкада дзеда, адна каза ў яго была. І тая прапала. Паеш ды ідзі дапамажы яму ў пошуках, а то шкада старога.

Я ўскочыў і пабег да дзеда.

– А есці хто будзе?! – пачуў я ўслед.

– Ходит теперь, ищет. Жалко деда, одна коза у него была. И та пропала.
– Поешь да иди помоги ему в поисках, а то жалко старого.
Я тут же побежал к деду.
– А кушать кто будет?! – услышал я вслед.
– Потом.
Дед был у себя. Сидел он на завалинке как крючок – что-то тяжелое, невидимое клонило его к земле. Я стоял около калитки, не решался зайти. Отчего-то я чувствовал свою вину, и мне было стыдно.
– Дед Василь, что случилось? – крикнул я ему.
Он посмотрел на меня как в пустоту. Не узнал. Ничего не ответил.
Я не знал, что ему сказать дальше, с чего начать. Все мои слова потерялись. Да и что говорить, ведь я знал, чьих это рук дело. Я всё знал и ничего не мог сделать. Но проговориться мне было нельзя.
Я стоял и не знал, что делать, хотя сердце что-то подсказывало…
Через пять минут я уже был за школой – там во дворе часто собирался Колька с пацанами. Вчера там был и я, пока не получил смачную вяху.
Колька с пацанами был на месте. Было страшно получить ещё, но я решил сразу начать.
– Где коза? – спросил я, собрав всю свою скуластую пацанью волю.
– Какая коза? – Колька улыбался нахально, с вызовом.
– Деда Василия! – хотел сказать я свинцово, но от волнения голос сорвался, и в конце я дал «петуха»: – Я знаю, что ты её украл! Где она?
– Я ничего не знаю, – сказал он спокойным голосом. – А что, ты уже всем растрепал, что это я?

– Потым.

Дзед быў у сябе. Сядзеў ён на прызбе як кручок – штосьці цяжкое, нябачнае хіліла яго да зямлі. Я стаяў каля брамкі, не адважваўся зайсці. Чамусьці я адчуваў сваю віну, мне было сорамна.

– Дзед Васіль, што здарылася? – выгукнуў я.

Ён паглядзеў на мяне як у прорву. Не пазнаў. Нічога не адказаў.

Я не ведаў, што яму сказаць далей, з чаго пачаць. Усе мае словы згубіліся. Ды і што казаць, калі я ведаў, чыіх гэта рук справа. Я ўсё ведаў і нічога не мог зрабіць. Але прагаварыцца мне было нельга.

Я стаяў і не мог даўмецца, што рабіць, хоць сэрца штось падказвала...

Праз пяць хвілін я ўжо быў за школай – там у двары часта збіраліся пацаны. Учора там быў і я, пакуль не атрымаў смачную вяху. Колька з пацанамі быў на месцы. Было страшна атрымаць яшчэ, але я вырашыў пачаць адразу.

– Дзе каза? – спытаў я, сабраўшы ўсю сваю скуластую хлапчыную волю.

– Якая каза? – Колька ўсміхаўся нахабна, з выклікам.

– Дзеда Васіля! – хацеў сказаць я свінцова, але ад хвалявання голас сарваўся, і ў канцы я пусціў «пеўня»: – Я ведаю, што ты яе скраў! Дзе яна?

– Я нічога не ведаю, – прамовіў ён спакойным голасам. – А што, ты ўжо ўсім размянціў, што гэта я?

– Не, я нікому не казаў... Казу ты мусіш вярнуць або...

– Або што?.. Ідзі ты ведаеш куды... – прашыпеў Колька і ў гэты ж самы момант падскочыў да мяне і ўдарыў у сківіцу.

– Нет, я никому не говорил… Козу ты должен вернуть или…
– Или что?.. Иди ты знаешь куда… – ядовито прошипел Колька и в это же самое мгновение подскочил ко мне и ударил в челюсть.
Заболела челюсть. А сердце билось где-то у кадыка, невыносимо больно и до слёз.
Я пошёл обратно к деду. Он был там же – на завалинке. Сидел неподвижно, с закрытыми глазами.
«А вдруг, пока я ходил, он умер», – эта дурная мысль вкралась в мою голову так вдруг, что меня накрыло чувство невосполнимого вакуума. И я, до этого живой, с сильным сердцем, почувствовал, что всё во мне оборвалось в эту пустоту.
– Дед Василь, что с тобой?! – подбежал я к нему и начал трясти за плечи.
Он открыл глаза и посмотрел на меня.
– Пойдём чаевать, – только и сказал.

Он пожарил картошку на сале – до черноты. И заварил очень густой чай, который заставлял часто биться сердце. Глоток, и я чувствовал себя живым.
Вдруг он заулыбался, заговорил.
– Вот сегодня сон мне снился, – начал он. – Снится, что черти меня на сковороде жарят. И этими меня тыкают… вилами своими… Ну, ты понимаешь… И вот что самое странное… Мне не больно, а обидно во сне. Обидно потому, что жарили меня без масла. Представляешь.
Он засмеялся. Я же не нашёл в чертях ничего смешного, но всё равно улыбнулся.
-Хоть бы сала положили, черти… Всё приятнее, – добавил он.

Сківіцу працяў боль. А сэрца білася дзесьці пад кадыком, невыносна балюча і да слёз. Я пайшоў назад да дзеда. Ён быў там жа – на прызбе. Сядзеў нерухома, з заплюшчанымі вачыма.

«А раптам, пакуль я хадзіў, ён памёр», – гэтая дурная думка прыйшла ў галаву так нечакана, што мяне ахапіла адчуванне абсалютнага вакууму. І я, да гэтага імгнення жывы, з моцным сэрцам, адчуў, што ўсё ўва мне абрынулася ў гэтую пустэчу.

– Дзед Васіль, што з табой?! – я падбег да яго і пачаў трэсці за плечы.

Ён расплюшчыў вочы і паглядзеў на мяне.

– Хадзем піць гарбату, – толькі і сказаў.

Ён пасмажыў бульбы на сале – да чарнаты. І запарыў надта густую гарбату, ад якой сэрца пачало тахкаць. Глыток, і я зноў пачуваўся жывым.

Раптам ён заўсміхаўся, загаварыў.

– Вось сёння сон мне сасніўся, – пачаў ён. – Сніцца, што чэрці мяне на патэльні смажаць. І гэтымі самымі мяне тыкаюць... віламі сваімі... Ну, ты разумееш... І вось што самае дзіўнае... Мне не балюча, а крыўдна ў сне. Крыўдна таму, што смажылі мяне без алею. Уяўляеш.

Ён засмяяўся. Я ж не знайшоў у чарцях нічога смешнага, але ўсё адно ўсміхнуўся.

– Хоць бы сала паклалі, чэрці... Усё лепей, – дадаў ён.

На наступны дзень ад маці я даведаўся, што дзед раніцай знайшоў казу, прывязаную да плота. У школе пацаны сказалі, што прывёў і прывязаў яе Колька. Пэцкаць ён яе не стаў.

На следующий день от матери я узнал, что дед утром нашёл козу привязанной к забору. В школе пацаны сказали, что привёл обратно и привязал её Колька. Вымазывать он её не стал.

Река рвала льдом берега.
В апреле весна ворвалась в нашу деревню нахраписто, по-хозяйски, решив все свои дела.
Было солнечно и тепло. Снега не осталось. Только изредка он лежал в лесу, забытый уходящей в спешке зимой.
Это самое время ставить в лесу берёзовый сок. Мы с дедом ходили в лес за целебным соком. Уходили недалеко, сок ставили совсем рядом с деревней. Дед не мог уходить далеко – ноги его подводили, а мне просто нравилось проводить время в лесу.
Когда мы выходили из леса в поле, за которым лежала наша деревня, дед приговаривал и присвистывал в сторону бесконечно сонных полей.
– Джулай, джулай, джулай.
Следом за этим нехитрым ритуалом всегда, замечал я, приходил ветер.
Эти слова были загадочны и не понятны мне.
– Джулай, что это? – спрашивал я.
– Не знаю, – отвечал он. – Мой отец так ещё говорил. Я у него и услыхал.
– Джулай, джулай, джулай, – повторял я и тоже присвистывал.
Дул ветер. Мы подставляли свои лица навстречу ветру, глотая лёгкими весеннюю свежесть.

Рака рвала лёдам берагі.

У красавіку вясна ўварвалася ў нашу вёску настойліва, па-гаспадарску, выра-шыўшы ўсе свае справы.

Было сонечна і цёпла. Снегу не засталося. Ён дзе-нідзе ляжаў у лесе, кінуты збеглай зімой.

Самы час ставіць бярозавік. Мы з дзедам хадзілі ў лес па гаючы напой. Сыходзілі недалёка, сок ставілі зусім побач з вёскай. Дзед не мог хадзіць доўга: ногі яго падводзілі, а мне проста падабалася бавіць час у лесе.

Калі мы выходзілі з лесу ў поле, за якім стаяла наша вёска, дзед прыгаворваў і прысвістваў у бок бясконца сонных палёў:

– Джулай, джулай, джулай.

Следам за гэтым няхітрым рытуалам заўсёды, заўважаў я, прыходзіў вецер.

Гэтыя словы былі загадкавыя і не зразумелыя мне.

– Джулай, што гэта? – пытаўся я.

– Не ведаю, – адказваў ён. – Мой бацька так яшчэ казаў. Я ад яго і пачуў.

– Джулай, джулай, джулай, – паўтараў я і таксама прысвістваў.

Дзьмуў вецер. Мы падстаўлялі твары насустрач яму, паглынаючы лёгкімі вясновую свежасць.

Я вяртаўся са школы, калі пачуў крыкі людзей ля ракі. Роспачныя і гучныя – гэта жанчыны. Крыгаход шумеў ім у адказ. Рака вырашыла перакрычаць гарластых жанок.

Я шёл из школы, когда услышал крики людей около реки. Исступлённые и громкие – это кричали женщины. Ледоход шумел в ответ им. Река решила перешуметь горластых баб.

Мне стало интересно, что там происходит. Ещё издалека я увидел на берегу реки мужчин, женщин и детей – собралась почти целая деревня. Женщины кричали, а мужики бегали и сильно ругались матом… Точно что-то случилось. Я побежал к реке.

То, что я увидел, меня сильно поразило.

Словно корабль, плыл по реке дом деда Василия. Река несла его по течению – величаво и медленно. У почти целого дома отсутствовала только просторная веранда. Дом мог развалиться в любую секунду.

– Где дед Василь? – спросил я.

Никто не ответил мне.

– Где он? – уже прокричал.

Кто-то из мужиков ответил:

– А кто его знает! Кажись, уже утонул.

– Как утонул?

Я не мог в это поверить. Может быть, он успел выйти, прежде чем его дом подхватила река.

– Никто его не видел. Река шибко злая в этом году. Я не видел такую как живу, – сказал ещё кто то.

– А вдруг он в доме? Мало ли что? Поплыли!

– Ты что! Дом сейчас развалится! Ты видел реку! Льда много. Не доплыть. Хануть с концами можно.

Мне стала цікава, што там адбываецца. Яшчэ здалёк я ўбачыў на беразе ракі мужчын, жанчын і дзяцей – сабралася амаль уся вёска. Жанчыны енчылі, а мужыкі мітусіліся і гучна мацюкаліся... Сапраўды штосьці здарылася.
Я пабег да ракі.
Тое, што я ўбачыў, мяне агаломшыла.
Нібы карабель, плыў па рацэ дом дзеда Васіля. Плынь несла яго – велічна і павольна. У амаль цэлага дома адсутнічала толькі прасторная веранда. Дом мог разваліцца ў любую секунду.
– Дзе дзед Васіль? – спытаў я.
Ніхто не адказаў.
– Дзе ён? – ужо крыкнуў.
Хтосьці з мужыкоў прамовіў у адказ:
– А хто яго ведае! Здаецца, ужо патануў.
– Як патануў?
Я не мог у гэта паверыць. Можа, ён паспеў выйсці, перш чым яго дом падхапіла рака.
– Ніхто яго не бачыў. Рака надта злая ў гэтым годзе. Я не бачыў такой колькі жыву, – сказаў яшчэ нехта.
– А раптам ён у доме? Мала што? Паплылі!
– Ты што! Дом зараз разваліцца! Ты бачыш раку! Лёду шмат. Не даплысці. Патонем.
– Ды што ж вы! – з прыкрасцю выгукнуў я.
Я пабег да самай ракі, якая гула ад лёду і, здавалася, не пускала мяне. Трэба было штось рабіць.

– Да что же вы! – с досадой прокричал я.
Я побежал к самой реке, которая гудела ото льда и, казалось, не пускала меня. Надо было что-то делать.
Я прыгнул в воду. Уже в воде я услышал вопль женщин:
– Потонет же! Спасай его!
Сбоку, сверху, снизу – везде был лёд. Он подхватывал меня и выбрасывал из воды, но потом снова топил. Я не проплыл и двух метров, как сразу почувствовал, что иду на дно. Пальто набрало воду, и из-за этого не получалось грести.
Силы стали покидать меня. Я уже не плыл, а барахтался на одном месте, пытаясь не утонуть. Тут меня накрыла и потащила ко дну очередная льдина, выбираться сил уже не было. Я почувствовал свои тяжёлые ботинки, которые уносили меня на дно. Я закрыл глаза.
«Всё…» – было подумал я, как меня подхватила сильная рука и выдернула из этих ледяных оков.
Жадно вздохнул я уже на берегу. Кислород ворвался в мои упругие лёгкие и разорвал их изнутри. Спас и вытащил меня на берег тот самый мужик, с которым я разговаривал несколько минут назад.
– Вот дурак! Что, жить надоело! – начал ругать меня он.
Сводил озноб. Кто-то накинул на меня пальто.
– Да что с вами сегодня! – услышал я женский крик.
Дом уже довольно далеко отплыл. От отчаяния я был готов закричать, как увидел человека, уверенно плывшего к дому.
Это был Колька.

Я скочыў у вір. Ужо ў вадзе я пачуў жаночы енк:
– Патоне ж! Ратуйце!
Збоку, зверху, знізу – усюды быў лёд. Ён падхопліваў мяне і выкідаў з вады, але потым ізноў тапіў. Я не праплыў і двух метраў, як адчуў, што іду на дно. Паліто набрыняла вадой і не давала грэбці.
Сілы сталі пакідаць мяне. Я ўжо не плыў, а боўтаўся на адным месцы, спрабуючы не патануць. Тут мяне накрыла і пацягнула на дно чарговая крыга, выбірацца сіл ужо не было. Я адчуў свае цяжкія чаравікі, якія цягнулі мяне ўглыб. Я заплюшчыў вочы.
«Усё...» – толькі падумаў я, як мяне сціснула моцная рука і выхапіла з гэтых ледзяных кайданаў.
Прагна ўздыхнуў я ўжо на беразе. Кісларод уварваўся ў мае пругкія лёгкія і разарваў іх знутры. Выратаваў і выцягнуў мяне на бераг той самы мужык, з якім я размаўляў некалькі хвілін таму.
– Вось дурань! Табе жыць надакучыла! – пачаў лаяць мяне ён.
Мяне калаціла. Хтось накінуў паліто.
– Ды што з вамі сёння! – пачуў я жаночы крык.
Дом ужо даволі далёка адплыў. З роспачы я быў гатовы закрычаць, як убачыў чалавека, што ўпэўнена плыў к дому.
Гэта быў Колька.
Ён адграбаў рукамі лёд і рухаўся ўсё далей і далей. Лёд у адказ біў яго па целе, руках, галаве. Пару разоў ён сыходзіў пад ваду, але зноў выплываў і плыў далей...

Он разгребал своими руками лёд и плыл всё дальше и дальше. Лёд в ответ бил его по телу, рукам, голове. Пару раз он уходил под воду, но снова выплывал и плыл дальше…

Всё было очень быстро. Он подплыл к дому, который уже начал косится и медленно уходить под воду. Он схватился рукой за бревно, другой – за окно, подтянулся и быстро заглянул. Тут же оттолкнулся от дома и упал в воду.

Я желал теперь только одного, лишь бы он выплыл и доплыл обратно до берега.

Он плыл обратно к берегу, опять сражаясь со льдом. Осталось совсем немного, как вдруг его накрыло большой льдиной – будь она не ладна! Он же почти доплыл!

Вытащили его мужики, которые тут же прыгнули в воду, когда он скрылся вместе со льдиной.

Колька был весь бледно-синий, его трясло.

–Там, там… – говорил ледяными губами Колька, – дед Василь, мёртвый, а рядом… коза… тоже мёртвая.

Уже позже ниже по течению нашли его дом, точнее то, что от него осталось. Река безжалостно разбросала по всему берегу дом, превратив в щепки. А деда и его козу так и не нашли. Забрала их река.

Я нечасто вспоминаю о нём. Так, когда теперь приезжаю в родные края, я иду сразу в знакомый берёзовый лес – там мы собирали сок; выхожу на знакомое поле, где мы часто с ним останавливались, и там жду холодного ветра.

– Джулай, джулай, джулай! – кричу я.

Усё было вельмі хутка. Ён падплыў к дому, які ўжо пачаў касавурыцца і павольна сыходзіць пад ваду. Ён схапіўся рукой за бервяно, другой – за акно, падцягнуўся і хутка зазірнуў. Тут жа адштурхнуўся і ўпаў у ваду.
Я хацеў цяпер толькі аднаго: толькі б ён выплыў і даплыў назад да берага.
Ён плыў, зноў змагаючыся з лёдам. Засталося зусім крыху, як раптам яго накрыла вялікая крыга – хай на яе ліха! Ён жа амаль даплыў!
Выцягнулі яго мужыкі, якія тут жа скокнулі ў ваду, калі ён схаваўся разам з крыгай.
Колька быў увесь бледна-сіні, яго калаціла.
– Там, там... – шаптаў ледзянымі вуснамі Колька, – дзед Васіль, мёртвы, а побач... каза... таксама мёртвая.

Ужо пазней ніжэй па цячэнні знайшлі яго дом, дакладней тое, што ад яго засталося. Рака бязлітасна раскідала па ўсім беразе бярвенні, ператварыўшы іх у трэскі. А дзеда і яго казу так і не знайшлі. Забрала іх рака.
Я не так часта ўзгадваю яго. Толькі калі наведваюся ў родныя мясціны, іду адразу ў знаёмы бярозавы гай – там мы збіралі сок; выходжу на знаёмае поле, дзе мы часта з ім спыняліся, і чакаю халоднага ветру.
– Джулай, джулай, джулай! – крычу я.

Александр Москвин

Перевод на белорусский язык Татьяны Сивец

Аляксандр Масквін

Пераклад на беларускую мову Таццяны Сівец

Александр Москвин родился 25 ноября 1990 году в посёлке Энергетик. В 2009 году с серебряной медалью окончил школу и переехал в Оренбург. Учится на факультете экономики и управления Оренбургского государственного университета. Печатался в различных коллективных сборниках, журнале «День и ночь». В 2011 году как лауреат конкурса «Оренбургский край – XXI век» получил право на издание дебютного сборника стихов «Последний шаман». В том же году стал победителем конкурса сценариев ОАО РЖД «Сапсан, я тебя люблю». По сценарию был снят короткометражный фильм в рамках одноимённого киноальманаха. В 2012 году стал лауреатом региональной премии имени П. И. Рычкова в номинации «Дебют».

Аляксандр Масквін нарадзіўся 25 лістапада 1990 года ў пасёлку Энергетык. У 2009 годзе з сярэбраным медалём скончыў школу і пераехаў у Арэнбург. Вучыцца на факультэце эканомікі і кіравання Арэнбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Друкаваўся ў розных калектыўных зборніках, часопісе «Дзень і ноч». У 2011 годзе як лаўрэат конкурсу «Арэнбургскі край – XXI стагоддзе» атрымаў права на выданне дэбютнага зборніка вершаў «Апошні шаман». У тым жа годзе стаў пераможцам конкурсу сцэнарыяў ААТ РЖД «Сапсан, я тебя люблю». Па сцэнарыі быў зняты кароткаметражны фільм у межах аднайменнага кінаальманаха. У 2012 годзе стаў лаўрэатам рэгіянальнай прэміі імя П. І. Рычкова ў намінацыі «Дэбют».

ЧУПАКАБРА

Непроглядная тьма вгоняла притихший лес в подобие гипнотического транса. Полная луна, словно единственный глаз старого гипнотизёра, сверлила округу пронзительным взором. Извилистая тропинка уводила в самую чащу. По обе стороны от неё неприступными скалами возвышались могучие дубы, помнящие кровавую мясорубку гражданской войны. За бесконечной чередой деревьев скрывалась поляна, на которой расположился Свято-Даниловский скит – небольшая церквушка с парой приусадебных построек.

Много лет назад монах-отшельник решил уйти от суетного мира. Он забрался далеко в лес, где и построил небольшой скит. Отшельник давно умер. Церковь провозгласила его святым. С тех пор в скиту регулярно жили двое-трое монахов из ближайшего монастыря. Они следили за порядком, принимали многочисленных паломников, вели хозяйство.

По извилистой тропинке брели двое мужчин. Первый – грузный верзила с глубокой складкой на лбу и сутулой спиной. По паспорту его звали Артём Григорьевич Кабанов. В жизни ему чаще приходилось отзываться на кличку Секач. Он имел за плечами уже три ходки на зону. Завязывать с криминальным ремеслом он не собирался. Ничего другого, кроме как воровать всё, что под руку подвернётся, он не умел.

По пятам за Секачом следовал молоденький парнишка, тощий и бледный. Кличкой он обзавестись ещё не успел, а потому откликался на имя Анто-

ЧУПАКАБРА

Непраглядная цемра ўводзіла прыціхлы лес у штосьці накшталт гіпнатычнага трансу. Поўня, нібыта адзінае вока старога гіпнатызёра, свідравала наваколле пранізлівым позіркам. Звілістая сцежка вяла ў самы гушчар. Паабапал яе непрыступных скалаў узвышаліся волаты-дубы, якія памятаюць крывавы млын грамадзянскай вайны. За бясконцай чарадой дрэў схавалася паляна, на якой стаяў Свята-Данілаўскіх скіт – невялікая цэркаўка з парай прысядзібных пабудоў. Шмат гадоў таму манах-пустэльнік вырашыў сысці ад мітуслівага свету. Ён забраўся далёка ў лес, дзе і пабудаваў свой невялічкі скіт. Пустэльнік даўно памёр. Царква абвясціла яго святым. З тых часоў у скіце пастаянна жылі двоетрое манахаў з бліжэйшага манастыра. Яны сачылі за парадкам, прымалі шматлікіх паломнікаў, вялі гаспадарку.

Па звілістай сцежцы брылі двое мужчын. Першы – грузны бамбіза з глыбокай складкай на лбе і сутулай спінай. Па пашпарце яго звалі Арцём Рыгоравіч Кабанаў. У жыцці яму часцей даводзілася адгукацца на мянушку Сякач. Ён меў за плячыма ўжо тры ходкі на зону. Завязваць з крымінальным рамяством не збіраўся. Нічога, акрамя як красці ўсё, што пад руку патрапіць, ён не ўмеў. Па пятах за Секачом ішоў малады хлапчына, худы і бледны. Мянушкай ён абзавесціся яшчэ не паспеў, таму адгукаўся на імя Антоха. У яго крымінальнай біяграфіі асаблівых дасягненняў не значылася. У асноўным ён займаўся драбязой: улетку краў магнітолы з аўтамабіляў, а ўзімку абчышчаў пустыя лецішчы.

ха. В его криминальной биографии особых достижений не значилось. В основном он занимался мелочами: летом воровал магнитолы из автомобилей, а зимой обчищал пустующие дачи. Однажды он угодил на скамью подсудимых. Судья ограничился условным сроком.

Антоха и Секач держали путь в Свято-Даниловский скит. Шли они не за спасением души. Отпущение грехов и прикосновение к святыням их тоже не интересовало. Они шли на дело. Секач недавно разузнал, что в скиту полным-полно старых икон и дореволюционных богословских книг. В годы советской власти всю область охватила атеистическая лихорадка. Воинствующие безбожники разрушили сотни церквей, уничтожили множество реликвий. Разгул мракобесия не повредил скиту. Обитель, затерянная в непролазной чащобе, не привлекла внимания борцов с религиозным дурманом, поэтому там сохранилось множество старинных икон и книг. Всё это богатство почти не охраняется. Братия монастыря насчитывает три человека, один из которых немощный старец, а другой – неоперившийся юнец.

Антохе затея сразу не понравилась. Он недоумевал, кому нужны размалёванные доски и потрёпанные книжки. Секач сослался на знакомого барыгу, который готов отвалить за барахлишко кругленькую сумму. Сумма была настолько кругленькой, что у Антохи округлились глаза. Он согласился подсобить Секачу в нелёгком деле. В ночном лесу энтузиазм его испарился.

Вопросы веры Антоху не занимали. Бешеный ритм жизни не оставлял времени на размышления о боге. Антоха носил на шее крест; Рождество и

Аднаго разу трапіў на лаву падсудных. Суддзя абмежаваўся умоўным тэрмінам. Антоха і Сякач ішлі ў Свята-Данілаўскіх скіт. Спяшаліся яны не па выратаванне душы. Адпушчэнне грахоў і дотык да святыняў іх таксама не цікавілі. У іх была справа. Сякач дазнаўся, што ў скіце поўна старых абразоў і дарэвалюцыйных багаслоўскіх кніг. У гады савецкай улады ўсю вобласць ахапіла атэістычная ліхаманка. Ваяўнічыя бязбожнікі разбурылі сотні цэркваў, знішчылі мноства рэліквій. Але разгул цемрашальства не пашкодзіў скіту. Закінуты ў непралазным гушчары, ён не прыцягнуў увагі змагароў з рэлігійным дурманам, таму там захавалася мноства старадаўніх абразоў і кніг. Усё гэта багацце амаль не ахоўваецца. Брацыя манастыра налічвае тры чалавекі, адзін з якіх нямоглы старац, а другі – неспрактыкаваны юнак.

Антоху задума адразу не спадабалася. Ён не мог уцяміць, каму патрэбныя размаляваныя дошкі і патрапаныя кніжкі. Сякач спаслаўся на знаёмага барыгу, які гатовы адваліць за гэткае барахло кругленькую суму. Сума была настолькі кругленькай, што ў Антохі акругліліся вочы. Ён пагадзіўся падмагчы Секачу ў нялёгкай справе. У начным лесе энтузіязм яго выпарыўся.

Пытанні веры Антоху не займалі. Шалёны рытм жыцця не пакідаў часу на разважанні пра бога. Антоха насіў на шыі крыж, Каляды і Вялікдзень успрымаў як чарговыя падставы выпіць. А бог... ці ёсць ён, ці няма яго, якая розніца!

У гушчары Антоха ўпершыню звярнуў позірк у нябёсы: ці не шарахне маланкай разгневаны Бог па двух блюзнерах, што паквапіліся на манаскія скарбы. На небасхіле не назіралася ні аблачынкі. Добрае надвор'е, аднак, не аслабіла страх перад божай карай.

Пасху воспринимал как очередные поводы выпить. А бог… есть он, нет его, какая разница!

В тёмном лесу Антоха впервые обратил взгляд в небеса: не шарахнет ли молнией разгневанный господь по двум богохульникам, дерзнувшим обворовать обитель. На небосклоне не наблюдалось ни облачка. Хорошая погода не ослабила страх перед божьей карой.

Мало того, взвинченные нервы взялись играть с Антохой злую шутку. В лесу царила тишина, лишь страдающая бессонницей птица заводила печальную песню о неразделённой птичьей любви. Стенания несчастной птахи тонули в море других, надуманных звуков. Антохе слышался громкий хруст веток. Парень оглядывался по сторонам. Он всматривался в темноту воспалённым взглядом. Ничего не видать, а чувство такое, будто по пятам идёт невидимый преследователь, готовый покарать злоумышленников за ещё не совершённое злодеяние. Треск сучьев сменялся протяжным чавканьем, сквозь которое пробивались жалобные стоны и дьявольский хохот. Фантазия прокручивала жуткую картину, в которой неведомые науке хищники кого-то с аппетитом пожирали. Антоха снова вглядывался во тьму. Зрение упиралось в темноту, за которой могло скрываться всё что угодно.

Антоха зажёг фонарик. Луч света самурайским мечом вспорол брюхо темноте. Бесформенные страхи не отступали. Разгонять уральскую ночь светом фонарика занятие бессмысленное. Под ногами становится светлее, а вокруг мрак только сгущается.

– Фонарь выключи! – цыкнул Секач.

– Там кто-то есть! – мотнул головой Антоха.

Мала таго, напружаныя нервы пачалі гуляць з Антохам злыя жарты. У лесе панавала цішыня, толькі нейкая бяссонная птушка выводзіла самотную песню пра непадзельнае птушынае каханне. Стогны няшчаснай патаналі ў моры іншых, уяўных гукаў. Антоху чулася гучнае храбусценне галінак. Хлопец азіраўся па баках. Ён углядаўся ў цемру шалёным позіркам. Нічога не відаць, а адчуванне такое, быццам па пятах ідзе хтось нябачны, гатовы пакараць зламыснікаў за яшчэ не здзейсненае злачынства. Трэск галля змяняўся працяглым чмяканнем, праз якое прабіваліся жаласныя стогны і д'ябальскі рогат. Фантазія малявала жудасную карціну, у якой невядомыя навуцы драпежнікі кагосьці з апетытам жэрлі. Антоха зноў узіраўся ў цемру, у якой магло хавацца што заўгодна.

Антоха запаліў ліхтарык. Промень святла самурайскім мячом успароў бруха цемры. Няўцямныя страхі не адступаліся. Разганяць уральскую ноч святлом ліхтарыка – занятак бессэнсоўны. Пад нагамі робіцца святлей, а навакол змрок толькі згушчаецца.

– Ліхтар выключы! – цыкнуў Сякач.

– Там хтосьці ёсць! – матнуў галавой Антоха.

– Хто? – пасміхнуўся Сякач.

– Не ведаю, – перасмыкнуў плячыма хлопец. – Бабка з адной вёскі нядаўна казала, тут гэтая... як яе... чупакабра водзіцца!

– Якая такая чупакабра?

– Бабка гаварыла, гэта пачвара такая, яна па начах авечак цягае, а потым кроў з іх п'е! Іх сюды, відаць, амерыканцы закінулі!

– Скажаш таксама! Тут ваўкі перадохлі даўно, не тое што гэта твая... скалапендра! Не кіпішуй, Антоха! Усё нармаль!

– Кто? – усмехнулся Секач.
– Не знаю, – повёл плечами парень. – Бабка из одной деревни недавно говорила, тут эта… как её… чупакабра водится!
– Какая такая чупакабра?
– Бабка говорила, эта тварь такая, она по ночам овец утаскивает, а потом кровь из них пьёт! Их сюда вроде американцы забросили!
– Скажешь тоже! Тут волки передохли давно, не то что эта твоя… сколопендра! Не кипишуй, Антоха! Всё ровно!
– Слушай, Секач! Ну его, этот монастырь! Пошли обратно!
– Ты чего, очканул, что ли?
– Да это…
– Что «это»?
– Вдруг бог накажет!
– Вот ему делать больше не фиг! И вообще, пословица есть: «Бог создал вора, чёрт – прокурора», так что не кипишуй, и всё пучком будет!
Секач отвернулся. Под его ногами снова захрустела листва. Антоха поплёлся за ним. Он старался унять докучливые страхи, но они всё равно хватали его за горло цепкими костлявыми пальцами. Антоха с завистью посмотрел на сутулую спину Секача. Старшему товарищу страх неведом. Идёт по ночному лесу на чёрное дело, как на обычную прогулку. Секач не боится ни темноты, ни шорохов, ни божьей кары. Антоха мечтал когда-нибудь стать столь же хладнокровным.
Даже самое длинное путешествие имеет свойство заканчиваться. Лес поредел. Сквозь сплетения ветвей показался купол церквушки. Удалось разгля-

– Слухай, Сякач! Ну яго, гэты манастыр! Пайшлі назад!
– Ты чаго, ачкануў, ці што?
– Ды гэта...
– Што «гэта»?
– Раптам бог пакарае!
– То яму рабіць больш няма чаго! І наогул, прыказка ёсць: «Бог стварыў злодзея, чорт – пракурора», так што не кіпішуй, і ўсё пучком будзе!
Сякач адвярнуўся. Пад яго нагамі зноў захрумсцела лістота. Антоха паплёўся за ім. Ён спрабаваў суцішыць надакучлівыя страхі, але яны ўсё роўна хапалі яго за горла чэпкімі кашчавымі пальцамі. Антоха з зайздрасцю зірнуў на сутулую спіну Секача. Вось каму невядомы страх. Ідзе па начным лесе на чорную справу, як на звычайны шпацыр. Сякач не баіцца ні цемры, ні шоргатаў, ні божай кары. Антоха марыў аднойчы стаць такім жа абыякавым.
Нават самае доўгае падарожжа некалі заканчваецца. Лес парадзеў. Скрозь сплеценыя галіны паказаўся купал цэркаўкі. Можна было разгледзець згорбленыя дахі гаспадарчых пабудоў, роўныя грады невялікага агарода. Сякач схаваўся за разгалістым дубам. Антоха – за шырокай спінай таварыша. Мацёры крадзежнік узіраўся ў цемру. Усё ціха. Манахі спяць. Ніхто не перашкодзіць двум злодзеям зрабіць сваю чорную справу.
– Пайшлі, – махнуў рукой Сякач. Яны выйшлі з-за дрэва і крадком пакіравалі да цэркаўкі. Ззаду пачуўся ледзь чутны шоргат. Антоха павярнуўся. Сярод дрэў мільгануў чорны цень.
– Там нехта ёсць, – шапнуў Антоха. Сякач свідрануў цемру цяжкім позіркам.

деть сгорбленные крыши хозяйственных построек, ровные грядки небольшого огорода. Секач спрятался за раскидистым дубом. Антоха укрылся за широкой спиной товарища. Матёрый вор вглядывался в темноту. Всё тихо. Монахи спят. Никто не помешает двум злодеям провернуть чёрное дело.

– Пошли, – махнул рукой Секач. Они вышли из-за дерева и, крадучись, направились к церквушке. Сзади донёсся чуть слышный шорох. Антоха обернулся. Между деревьями метнулась чёрная тень.

– Там кто-то есть, – шепнул Антоха. Секач пробуравил темноту тяжёлым взглядом.

– Нет там никого, – рассудил он.

Расстояние до церквушки сокращалось. Шорохи не утихали. Антоха то и дело оборачивался. Ему мерещилась смутная тень, носившаяся между деревьями. До церквушки осталось чуть меньше десяти шагов. Шорохи сменились дробным топотом. Антоха снова оглянулся. Чёрная тень стремительно неслась на него. Антоха попятился. Тень замерла.

Перед Антохой стояло живое существо, какое не привидится ни в одном ночном кошмаре. Худое жилистое тело покрывали жёсткие волоски. Толстую шею венчала огромная голова с вытянутой мордой. От покатого лба и до плеч кучерявилась чёрная грива. Овальные ноздри со свистом втягивали прохладный воздух. Существо разинуло пасть. Мертвечиной пахнуло так, будто на ужин чудовище слопало всех покойников с местного кладбища. Взору Антохи предстали острые клыки, каждый размером сантиметров по десять.

– Э-э, – протянул Антоха. От страха он лишился дара речи, равно как и способности здраво мыслить. Он сумел лишь похлопать товарища по пле-

– Няма там нікога, – буркнуў ён.

Адлегласць да цэркаўкі скарачалася. Шоргаты не сціхалі. Антоха раз-пораз азіраўся. Яму мроіўся цьмяны цень, які мітусіўся сярод дрэў. Да цэркаўкі засталося крыху менш як дзесяць крокаў. Шоргаты змяніліся дробным тупатам. Антоха зноў азірнуўся. Чорны цень імкліва нёсся на яго. Антоха падаўся назад. Цень спыніўся.

Перад Антохам стаяла жывая істота, якую не пабачыш і ў самым жахлівым сне. Худое жылістае цела пакрывалі шорсткія валасінкі. Тоўстую шыю вянчала велізарная галава з выцягнутай пысай. Ад пакатага лба і да плячэй кучаравілася чорная грыва. Авальныя ноздры са свістам уцягвалі халаднаватае паветра. Істота разявіла пашчу. Дыхляцінай патыхнула так, быццам на вячэру пачвара зжэрла ўсіх нябожчыкаў з мясцовых могілак. Перад Антохавым тварам паўсталі вострыя іклы, кожны памерам сантыметраў з дзесяць.

– Э-э, – працягнуў Антоха. Ад страху ён пазбавіўся здольнасці гаварыць, гэтаксама як і думаць. Ён змог толькі папляскаць таварыша па плячы. Сякач павярнуўся. Ён таксама ўбачыў пачвару. Сякач віскнуў, як баба, якую незнаёмыя мужыкі заспелі за спраўленнем малой патрэбы.

Істота паднялася на заднія лапы. Так яна стала на дзве галавы вышэй за Антоху. Пачвара махнула правай лапай. На ёй Антоха разгледзеў доўгія кіпці. Мядзведзь ударам лапы можа знесці няўдаламу паляўнічаму паўгалавы. Гэтае стварэнне лёгкім рухам кіпцюроў здольнае зрабіць з чалавека кілбасную нарэзку. Сякач звар'яцеў ад страху. Пукатыя вочы ледзь не вылезлі з арбіт. Адчувальна дыхнула лайном – бясстрашны крымінальнік нарабіў у штаны.

чу. Секач обернулся. Он тоже узрел чудовище. Секач взвизгнул, как баба, которую незнакомые мужики застукали за справлением малой нужды.
Существо поднялось на задние лапы. Так оно стало на две головы выше Антохи. Чудовище взмахнуло правой лапой. На ней Антоха разглядел длинные когти. Медведь ударом лапы может снести незадачливому охотнику полголовы. Эта тварь лёгким движением когтей способна сделать из человека колбасную нарезку. Секач ополоумел от страха. Выпученные глаза едва не выпали из орбит. Ощутимо пахнуло дерьмом – бесстрашный уголовник наделал в штаны. Секач ткнул в существо указательным пальцем, словно хотел указать на него невидимым свидетелям.
– Бежим, – пролепетал Антоха непослушными губами. Секач лишь издал серию высоких звуков, отдалённо похожих на икоту. Антоха не стал дожидаться товарища. Он метнулся в сторону. Ставшие ватными ноги не удержали его. Антоха повалился на землю. Сдаваться он не собирался. Он пополз к лесу, извиваясь, как червяк, брошенный на раскалённую сковородку. Каждый удар запыхавшегося сердца обращался громовым раскатом.
Перед глазами зависла чернота. Антоха не знал, куда ползёт и где находится. Он просто двигался вперёд. Сквозь грохот обезумевшего сердца пробивалось тяжёлое дыхание чудовища и жуткая икота Секача. Желудок сжался. Рот обожгла нестерпимая горечь. Горячая рвота потекла по губам. Антоха долбанулся головой о дерево. Он сменил траекторию движения. Паническое бегство привело его в заросли кустарника. Острые иглы вонзились в кожу. Антоха не обращал на них внимания. Он полз сквозь темноту навстречу спасению. Он бился головой о незамеченные деревья. Он

Сякач ткнуў у істоту ўказальным пальцам, нібы хацеў паказаць на яго нябачным сведкам.

– Бяжым, – прамармытаў Антоха неслухмянымі вуснамі. Сякач толькі выдаў серыю высокіх гукаў, аддалена падобных да ікаўкі. Антоха не стаў чакаць таварыша. Ён кінуўся ўбок. Ногі, якія сталі ватнымі, не ўтрымалі яго. Антоха паваліўся на зямлю. Здавацца ён не збіраўся. Ён папоўз да лесу, выгінаючыся, як чарвяк, кінуты на распаленую патэльню. Кожны ўдар задыханага сэрца здаваўся грымотамі.

Перад вачыма павісла чарната. Антоха не ведаў, куды паўзе і дзе знаходзіцца. Ён проста рухаўся наперад. Скрозь грукат звар'яцелага сэрца прабіваліся цяжкае дыханне пачвары і жудасная ікаўка Секача. Страўнік сцяўся. Рот апякла нясцерпная горыч. Гарачыя ваніты пацяклі па вуснах. Антоха дзюбнуўся галавой аб дрэва, змяніў траекторыю руху. Панічны страх прывёў яго ў зараснікі хмызняку. Вострыя іголкі ўпіліся ў скуру. Антоха не звяртаў на іх увагі. Ён поўз скрозь цемру насустрач выратаванню. Ён біўся галавой аб незаўважаныя дрэвы. Ён разадраў твар аб шурпатую кару, застрэміў рукі пякучымі калючкамі. Спыніцца Антоха не мог. Паўсюль яму чуліся смярдзючае дыханне монстра і адрывістыя стогны Секача...

***

З таго часу мінула без малога пяць гадоў.

Па той жа сцежцы ў Свята-Данілаўскі скіт тупаў Антоха. Гады змянілі яго. На худасочным целе надзьмуліся мышцы. Роўную паставу псавала шкодная

расцарапал морду о шершавую кору, занозил руки жгучими колючками. Остановиться Антоха не мог. Повсюду ему слышались смрадное дыхание монстра и отрывистые стоны Секача...

***

С тех пор минуло без малого пять лет.

По той же извилистой тропинке в Свято-Даниловский скит топал Антоха. Прожитые годы изменили его. На худосочном теле вздулись мышцы. Ровную осанку подпортила зловредная сутулость. Походку изувечила лёгкая хромота. Лицо тонуло в густой бороде. Антоха зябко кутался в осеннюю куртку. Ласковое солнышко клонилось к закату. Нежно-розовые лучи указывали Антохе путь. Помыслы его были чисты, как руки хирурга перед операцией. Собственно говоря, в операции Антоха и нуждался. В операции, которая избавит его от груза прегрешений.

После той ночи десятилетней давности жизнь Антохи в корне изменилась. Жители ближайшей деревни нашли его утром – грязного, оборванного, перемазанного собственным дерьмом. Он неумело крестился и бормотал что-то о дьяволе, который бродит по лесу и собирает свежие души, как ягоды. Собирает и складывает в кузовок, в котором умещается вся преисподняя.

Об этих событиях Антоха знал со слов психиатра. Обезумевшего парня сразу же отправили в психушку. Жёлтый дом надолго стал приютом для Антохи. Первое время он пребывал в полубессознательном состоянии. Антоха не помнил своего имени, не понимал, где находится. Он круглые сутки по-

гарбатасць. Хаду знявечыла лёгкая кульгавасць. Твар патануў у густой барадзе. Антоха зябка хутаўся ў асеннюю куртку. Ласкавае сонейка ішло на захад. Далікатна-ружовыя прамяні паказвалі Антоху шлях. Намеры яго былі чыстыя, як рукі хірурга перад аперацыяй. Уласна кажучы, у аперацыі Антоха і меў патрэбу. У аперацыі, якая пазбавіць яго цяжару грахоў.

Пасля той дзесяцігадовай даўніны ночы жыццё Антохі ў корані змянілася. Жыхары бліжэйшай вёскі знайшлі яго раніцай – бруднага, абарванага, перапэцканага ўласным лайном. Ён няўмела хрысціўся і мармытаў нешта пра д'ябла, які блукае па лесе і збірае свежыя душы, нібы ягады. Збірае і складае ў кузавок, у якім змяшчаецца ўся апраметная.

Пра гэтыя падзеі Антоха ведаў са слоў псіхіятра. Звар'яцелага хлопца адразу ж адвезлі ў псіхушку. Жоўты дом надоўга стаў прытулкам для Антохі. Першы час ён знаходзіўся ў напаўпрытомным стане. Антоха не памятаў свайго імя, не разумеў, дзе знаходзіцца. Ён круглыя суткі парываўся некуды бегчы. З яго рота ліліся то ваніты, то расповеды пра д'ябла, які блукае па лесе.

Праз пару месяцаў трызненне спынілася. Антоха ўспомніў сваё імя і ўсю да дробязяў біяграфію. Аднак вобраз д'ябла яго не адпускаў. Пачвара, якую Антоха называў сатаной, прыходзіла да яго штоночы. Нават кароткая дрымота заканчвалася з'яўленнем пачвары. Ніякія прэпараты не ратавалі ад начных жахаў. Кожны раз жудасныя сны станавіліся ўсё больш крывавымі і дасканалымі. Антоха адчуваў набліжэнне пачвары. Ён крычаў, палохаў суседзяў па палаце. Вечна перабінтаванай галавой Антоха малаціў па сцяне, імкнучыся прабіць шлях на волю. Гутаркі з абыякавым да ўсяго лекарам, рэгулярныя аплявухі ад

рывался куда-то бежать. Его рот исторгал то рвоту, то бредни о гуляющем по лесу дьяволе.

Через пару месяцев бред прекратился. Антоха вспомнил своё имя и всю биографию, вплоть до мелочей. Образ дьявола его не отпускал. Чудовище, которое Антоха величал сатаной, являлось к нему каждой ночью. Даже обрывочная дрёма заканчивалась появлением чудовища. Никакие препараты не спасали от ночных кошмаров. Каждый раз жуткие сновидения становились всё более кровавыми и изощрёнными. Антоха чувствовал приближение чудовища. Он орал, пугал соседей по палате. Вечно перебинтованной головой Антоха молотил по стене, стараясь пробить путь на волю. Беседы с равнодушным ко всему врачом, регулярные зуботычины от озлобленных жизнью санитаров, болезненные инъекции препарата со сложным названием… ничего не помогало.

Справиться с наваждением сумело лишь время. Оно, конечно, лекарь отвратительный, но зачастую работает гуманнее и эффективнее, чем персонал районной психушки. Пять лет непрестанной борьбы с наваждением привели к маломальскому результату. Кошмары прекратились. Вернее, они стали посещать Антоху гораздо реже, в среднем два-три раза в месяц.

После выписки из больницы Антоха отправился в Свято-Даниловский скит. Время исцелило его разум, а душа по-прежнему поражена безумием. Лишь в стенах обители Антоха обретёт покой и прощение, если, конечно, бог прощает тех, кто покушается на святыни. Из-за деревьев показался тусклый купол крохотной церквушки. Забытый страх рвотным комком заворочался в горле. Когда-то здесь Антоха столкнулся с воплощённым злом… или не злом? Оно как-никак наставило его на путь истинный.

пакрыўджаных жыццём санітараў, балючыя ін'екцыі прэпарата са складанай назвай... нічога не дапамагала.
Справіцца з насланнём здолеў толькі час. Ён, вядома, лекар агідны, але часцяком працуе больш гуманна і эфектыўна, чым персанал раённай псіхушкі. Пяць гадоў няспыннай барацьбы з насланнём прывялі да пэўнага выніку. Кашмары спыніліся. Дакладней, яны сталі наведваць Антоху значна радзей, у сярэднім два-тры разы на месяц.
Пасля выпіскі з лякарні Антоха адправіўся ў Свята-Данілаўскіх скіт. Час вылечыў яго розум, але душа па-ранейшаму знаходзілася ў аблозе вар'яцтва. Толькі ў сценах манастыра Антоха здабудзе спакой і прабачэнне, калі, вядома, бог даруе тым, хто квапіцца на святыні. З-за дрэў паказаўся цьмяны купал маленечкай цэркаўкі. Забыты страх ванітавым камяком заварочаўся ў горле. Калісьці тут Антоха сутыкнуўся з увасобленым злом... ці не злом? Яно як-ніяк накіравала яго на правільны шлях.
З кожным крокам ногі наліваліся свінцовым цяжарам. Увушшу зашумела. Ажылі гукі, фарбы і адчуванні той даўняй ночы. Антоху захацелася хутчэй выбрацца адсюль, прыпусціць штосілы і вярнуцца ў псіхушку, дзе прыязныя санітары са звярынымі лычамі ўколюць яму чарговую ін'екцыю заспакаяльнага. Насланню Антоха не паддаўся. Ён сціснуў кулакі. Жаўтаватыя зубы ўпіліся ў ніжнюю губу. Антоха ішоў насустрач выратаванню. Толькі там, у скіце, ён назаўсёды пазбавіцца бясконцага кашмару.
Трое манахаў корпаліся на агародзе, вялі шчырую барацьбу з пустазеллем. Антоха, пераадольваючы няёмкасць, наблізіўся да іх. З сарамлівасцю дагэ-

С каждым шагом ноги наливались свинцовой тяжестью. В ушах зашумело. Ожили звуки, краски и ощущения той давней ночи. Антохе захотелось поскорее убраться отсюда, припустить что есть мочи и вернуться в психушку, где дружелюбные санитары со звериными рылами вколют ему очередную инъекцию успокоительного. Наваждению Антоха не поддался. Он сжал кулаки. Желтоватые зубы впились в нижнюю губу. Антоха шёл навстречу спасению. Лишь там, в скиту, он навсегда избавится от бесконечного кошмара. Трое монахов копошились на огороде, вели усердную борьбу с сорняками. Антоха, перебарывая робость, приблизился к ним. Смущение доселе ему было незнакомо. Он с лёгкостью завязывал разговор с кем угодно. Перед бородатыми мужчинами в чёрных рясах он спасовал. Было в них что-то необычное. Говорят, есть две категории – «мирское» и «священное». Антоха всю жизнь провёл в мирском. Священное ему неведомо. А они – наоборот. Тела их пребывают на грешной земле, а души приблизились к небесам.

Монахи заприметили Антоху. Двое (мужчина богатырского телосложения и худенький, как веточка, парнишка) продолжили работу. Седобородый старик подошёл к Антохе. Антоха вглядывался в его лицо и гадал, сколько монаху лет. Ему легко можно дать и пятьдесят, и восемьдесят. Не будь седой окладистой бороды, он бы сошёл и за сорокалетнего. В лучистых глазах таилась сокровенная мудрость. Не та заумная и недоступная простым смертным, которой кичатся университетские профессора, а житейская, человечная, которая подбирает ключ к любому сердцу.

– Чего тебе, добрый человек? – спросил старик. Антоха замешкался с ответом. Он сам не определился, чего ему надо. Монах терпеливо ждал ответа.

туль ён быў незнаёмы. Ён з лёгкасцю завязваў размову з кім заўгодна. Перад барадатымі мужчынамі ў чорных расах ён спасаваў. Было ў іх штось незвычайнае. Кажуць, ёсць дзве катэгорыі – «мірское» і «святое». Антоха ўсё жыццё правёў у зямным. Святое было яму невядома. А яны – наадварот. Целы іх знаходзяцца на грэшнай зямлі, а душы наблізіліся да нябёсаў.

Манахі заўважылі Антоху. Двое (мужчына волатаўскага целаскладу і худзенькі, як галінка, хлапчук) працягнулі працу. Сівабароды стары падышоў да Антохі. Антоха ўглядаўся ў яго твар і гадаў, колькі манаху гадоў. Яму лёгка можна было даць і пяцьдзесят, і восемдзесят. Не было б сівой шырокай барады, ён сышоў бы і за саракагадовага. У прамяністых вачах хавалася запаветная мудрасць. Не тая мудрагелістая і недаступная простым смяротным, якой ганарацца ўніверсітэцкія прафесары, а жыццёвая, чалавечая, якая знаходзіць ключ да любога сэрца.

– Чаго табе, добры чалавек? – спытаў стары. Антоха замарудзіў з адказам. Ён сам не вызначыўся, што яму трэба. Манах цярпліва чакаў.

– Пакаяцца я хачу, – скеміў ён, нарэшце. – Злодзеем я калісьці быў... Нават гэтую вашу... царкву абнесці... абрабаваць у сэнсе хацеў...

– Мы тут грахі не адпускаем, – паківаў галавой манах. – Мы манахі, а споведзь – гэта таямніца. Паспавядаць цябе можа толькі святар. Ідзі ў любую царкву, там і пакаешся.

– Не, – упарціўся Антоха. – Мне сюды трэба. Я калі рабаваць вас ішоў, ноччу тут самога д'ябла ўбачыў...

Ён здрыгануўся ад жудасных успамінаў.

– Покаяться я хочу, – сообразил он, наконец. – Вором я когда-то был… Даже эту вашу… церковь обнести… ограбить в смысле хотел…

– Мы здесь грехи не отпускаем, – покачал головой монах. – Мы монахи, а исповедь – это таинство. Исповедать тебя может только священник. Ступай в любую церковь, там и покаешься.

– Нет, – упорствовал Антоха. – Мне сюда надо. Я когда грабить вас шёл, ночью тут самого дьявола увидел…

Его передёрнуло от жутких воспоминаний.

– Тогда-то я и понял, что живу неправильно, что меняться надо, – лопотал Антоха. Путаная речь волной всемирного потопа захлестнула монаха. Старик не перебивал. Он внимательно слушал заблудшего путника. Антоха говорил так искренне и эмоционально, словно не делился воспоминаниями, а оправдывался на Страшном Суде перед самим создателем. Он умолк, лишь когда сухость обожгла горло пустынным зноем.

– Пошли, покажу кое-что, – улыбнулся монах и побрёл к одной из подсобных построек. Антоха не тронулся с места. Он ждал совета, молитвы, короче, чего-нибудь такого, что поставит крест на его прежней жизни и откроет путь к спасению души. Старик звал заглянуть в маленький домик. Двое других монахов с сочувствием смотрели на Антоху.

– Чего стоишь? – окликнул его старик. – Пошли, так надо.

Антоха последовал за ним. Они зашли в постройку. В углу сидело то самое существо, которое и свело Антоху с ума. Оно и днём выглядело чересчур уродливым, но порождением преисподней оно больше не казалось, так, заковыристый каприз матушки-природы. Рядом с существом возвышалась

– Тады і зразумеў, што жыву няправільна, што мяняцца трэба, – лапатаў Антоха. Блытаная гаворка хваляй сусветнага патопу захліснула манаха. Стары не перапыняў. Ён уважліва слухаў аблуднага падарожніка. Антоха гаварыў так шчыра і эмацыянальна, быццам не ўспамінамі дзяліўся, а апраўдваўся на Страшным Судзе перад самім стваральнікам. Ён змоўк толькі тады, калі сухасць апякла горла пустэльнай спёкай.

– Пайшлі, пакажу сёе-тое, – усміхнуўся манах і пакрочыў да адной з падсобных пабудоў. Антоха не крануўся з месца. Ён чакаў парады, малітвы, карацей, чаго-небудзь такога, што паставіла б крыж на яго ранейшым жыцці і адкрыла шлях да выратавання душы. Стары запрашаў зазірнуць у маленькі домік. Двое іншых манахаў са спагадай глядзелі на Антоху.

– Чаго стаіш? – звярнуўся да яго стары. – Пайшлі, так трэба.

Антоха рушыў услед за ім. Яны зайшлі ў пабудову. У кутку сядзела тая самая істота, якая і звяла Антоху з глузду. Яна і днём выглядала надта выродлівай, але спараджэннем апраметнай больш не здавалася, так, дзіўны капрыз матухны-прыроды. Побач з істотай узвышалася гара капусты. Яна схапіла буйны качан і ўваткнула ў яго іклы. У такіх кіпцюрах больш натуральна глядзелася б не сакавітая храпка, а чалавечая галава. Адным укусам істота адцяла палову качана і прынялася з прыцмокваннем яго жаваць.

– Гэта што? Гэта што за?.. – лапатаў Антоха, не верачы сваім вачам.

– Чупакабра, – прамовіў стары самым будзённым тонам, нібыта гаворка ішла пра зайца або вераб'я.

– Хто? – удакладніў Антоха.

гора капусты. Оно ухватило крупный кочан и вонзило в него клыки. В его когтях уместнее смотрелась бы не сочная кочерыжка, а человеческая голова. Одним укусом существо оттяпало половину кочана и принялось с причмокиванием его жевать.

– Это чего? Это чего такое? – лопотал Антоха, не веря своим глазам.

– Чупакабра, – сказал старик самым обыденным тоном, будто речь шла о зайце или воробье.

– Кто? – уточнил Антоха.

– Я же тебе сказал, чупакабра! Расскажу я тебе, как дело было. Много лет назад жители окрестных деревень переполошились. Овцы начали исчезать. Поползли слухи, будто их какой-то зверь уносит. Как раз по округе какие-то странные следы появились. Никак не могли люди зверя изловить. Уж и охотники старались, а всё без толку. Только алкашу одному удалось разглядеть в темноте неясный силуэт и клыкастую морду. Зверя назвали чупакаброй. Как раз, одна популярная газета о такой чупакабре написала. Раз простыми средствами извести чупакабру не получилось, жители принялись всяким мракобесием заниматься. И экстрасенса сюда привозили, и уфологов. Они, знай себе, походят, посмотрят, умных слов наговорят и уедут. Уж и в монастырь жители обращались, мол, освятите сараи наши, авось, тварь бесовская и уймётся. Настоятель, человек серьёзный, отказался. Сказал, мол, суеверие всё это. А мне интересно стало. Я ж до того, как монахом стать, учёным был. Зверей изучал. Однажды ночью пошёл я в деревню. Иду, тишина. И вдруг слышу, крадётся кто-то. Оборачиваюсь, а позади меня она, чупакабра, сидит…

– Я ж табе кажу, чупакабра! Слухай, як усё было. Шмат гадоў таму жыхары навакольных вёсак перапалохаліся. Авечкі пачалі знікаць. Папаўзлі чуткі, быццам іх нейкі звер зносіць. Па акрузе нейкія дзіўныя сляды з'явіліся. Ніяк не маглі людзі звера злавіць. Ужо і паляўнічыя стараліся, а ўсё ніяк. Толькі алкашу аднаму ўдалося разгледзець у цемры невыразны сілуэт і ікластую морду. Звера назвалі чупакабрай. Якраз адна газета пра такую чупакабру пісала. Раз простымі сродкамі вынішчыць чупакабру не атрымалася, жыхары пачалі ўсякім цемрашальствам займацца. І экстрасэнса сюды прывозілі, і ўфолагаў. Яны, ведама, паходзяць, паглядзяць, разумных слоў нагавораць і з'едуць. Ужо і ў манастыр жыхары звярталіся, маўляў, асвяціце адрыны нашыя, можа, стварэнне шалёнае і суцішыцца. Настаяцель, чалавек сур'ёзны, адмовіўся. Сказаў, маўляў, забабоны ўсё гэта. А мне цікава стала. Я ж да таго, як манахам стаць, навукоўцам быў. Жывёл вывучаў. Аднойчы ноччу пайшоў я ў вёску. Іду, цішыня. І раптам чую, крадзецца нехта. Абарочваюся, а ззаду яна, чупакабра, сядзіць...

Чупакабра адчула, што гаворка ідзе пра яе, і энергічна затрэсла вушамі, пасля чаго вярнулася да знішчэння капусты.

– Я перапалохаўся, – працягваў стары, – а яна рыкае, зубы ашчэрыла. Я і не ведаю, што рабіць. Парве ж. І тут Гасподзь мяне навучыў. Я руку працягнуў ды і пагладзіў яе па шыі. Яна завуркацела, іклы схавала. Я яе за вушкам пачухаў, як кацяня. Дык яна на заднія лапы села і глядзіць на мяне, а вочы такія разумныя-разумныя, адданыя-адданыя, у чалавека і тое такога позірку не бывае. Думаю, трэба сыходзіць, а яна за мной увязалася. Прыйшлі мы ў скіт. Я браціі пра ўсё

Чупакабра смекнула, что речь идёт о ней, и энергично захлопала ушами, после чего продолжила истреблять капусту.

– Я перепугался, – продолжал старик, – а она рычит и зубы скалит. Я и не знаю, чего делать. Порвёт ведь. И тут Господь меня надоумил. Я руку протянул да и погладил её по загривку. Она заурчала, клыки спрятала. Я её за ушком почесал, как котёнка. Так она на задние лапы села и сморит на меня, а глаза такие умные-умные, преданные-преданные, у человека и то такого взгляда не бывает. Думаю, надо уходить, а она за мной увязалась. Пришли мы в скит. Я братии обо всём рассказал. Решили мы эту чупакабру тут у себя оставить. Всё-таки божья тварь. Оказалось, скотину не чупакабра уносила, травоядная она! Видишь, как на капустку налегает! А овец алкаши местные воровали… Чупакабру мы у себя поселили. Днём она тут, в сарае, сидит. По ночам мы её выпускаем. Пускай побегает, разомнётся.

– А если люди придут? – испугался Антоха.

– По ночам тут мало кто ходит, – объяснил старик. – А если и ходит, то ворьё одно. Узнают про наши иконы да книги, вот и лезут сюда, а чупакабра их отпугивает. Так-то она добрая. Плохого человеку не сделает, но напугать может до полусмерти. Вот товарища твоего она шибко испугала. Он тоже недавно приходил. Прощения просил.

– И вы простили?

– Сам Господь повелел нам прощать.

– А вы не боитесь, что о вашей чупакабре кто-нибудь ещё узнает?

– О ней многие знают, но все они никому о ней не расскажут. И ты молчать о ней будешь.

расказаў. Вырашылі мы гэтую чупакабру ў сябе пакінуць. Усё ж такі божае стварэнне. Аказалася, быдла не чупакабра зводзіла, траваедная яна! Бачыш, як на капустку налягае! А авечак алкашы мясцовыя кралі... Чупакабру мы ў сябе пасялілі. Днём яна тут, у хляве, сядзіць. Ноччу мы яе выпускаем. Няхай пабегае, разамнецца.

– А калі людзі прыйдуць? – спалохаўся Антоха.

– Па начах тут мала хто ходзіць, – прамовіў стары. – А калі і ходзяць, то зладзеі адны. Дазнаюцца пра нашы іконы ды кнігі, вось і лезуць сюды, а чупакабра іх адпуджвае. Так дык яна добрая. Дрэннага чалавеку не зробіць, але напалохаць можа да паўсмерці. Вось таварыша твайго яна надта напужала. Ён таксама нядаўна прыходзіў. Прабачэння прасіў.

– І вы даравалі?

– Сам Гасподзь загадаў нам дараваць.

– А вы не баіцеся, што пра вашую чупакабру хтось яшчэ празнае?

– Пра яе шмат хто ведае, але ўсе яны нікому пра яе не распавядуць. І ты маўчаць пра яе будзеш.

Стары падышоў да чупакабры. Яго маршчыністая рука легла на лабатую галаву жывёлы. Чупакабра прыжмурылася і задаволена зафыркала. Антоха глядзеў на яе і здзіўляўся, як шчырая вера ператварыла вычварэнства прыроды ў хатняга гадаванца. Антоха выйшаў на вуліцу. Двое манахаў працавалі на градах. Яны жылі ў непразлазным гушчары без тэлевізара, супермаркетаў і іншых выгод цывілізацыі. Кожны дзень яны прысвячалі працы і малітвам. На іх натхнёных тварах не было той фальшывасці, што ўласцівая гараджанам.

Старик подошёл к чупакабре. Его морщинистая рука легла на лобастую башку животного. Чупакабра зажмурилась и довольно зафыркала. Антоха смотрел на неё и удивлялся, как искренняя вера превратила безумие природы в домашнего питомца. Антоха вышел на улицу. Двое монахов трудились на грядках. Они жили в непролазной глуши без телевизора, супермаркетов и прочих благ цивилизации. Каждый день они посвящали труду и молитвам. На их одухотворённых лицах не было той фальшивости, что свойственна горожанам. Никогда ещё Антоха не видел таких ярких, таких искренних улыбок.

Он перевёл затуманенный взгляд в небеса, где кровавой царапиной наливался закат. Впервые Антохе показалось, что мир – это нечто большее, чем он привык думать. Вокруг него проносился новогодний хоровод воспоминаний. Его прежняя жизнь не отличалась разнообразием. Кража, поножовщина, пьянка, секс с доступной давалкой и всё по новой. Такое чувство, будто это вовсе и не жизнь, а диск с отвратительным криминальным сериалом, который тупоголовый телезритель прокручивает по сотому разу. От этой круговерти никакой отдачи. Сплошная тоска. Она-то и привела Антоху прямо в лапы к дьяволу. Вернее, для него, для Антохи, это дьявол, а для монахов – лишь домашняя зверушка.

Солнце садилось. Монахи закончили работу и отправились на молитву. Из церквушки доносились их звучные голоса. В сарае завывала чупакабра. По щекам Антохи катились слёзы, горячие, как вулканическая лава.

Точно так же он будет плакать через три года, когда примет монашеский постриг.

Ніколі яшчэ Антоха не бачыў такіх яркіх, такіх шчырых усмешак.
Ён перавёў затуманены позірк у нябёсы, дзе крывавай драпінай наліваўся захад. Упершыню Антоху здалося, што свет – гэта нешта большае, чым ён прывык думаць. Вакол яго праносіўся навагодні карагод успамінаў. Яго ранейшае жыццё не адрознівалася разнастайнасцю. Крадзеж, панажоўшчына, пьянка, секс з даступнай дзеўкай і ўсё па новай. Такое пачуццё, быццам гэта зусім і не жыццё, а дыск з агідным крымінальным серыялам, які тупагаловы глядач пракручвае па сотым разе. У гэтым калаўроце не было ніякай аддачы. Суцэльная туга. Яна і прывяла Антоху прама ў лапы да д'ябла. Дакладней, для яго, для Антохі, гэта быў д'ябал, а для манахаў – хатні звярок.
Сонца садзілася. Манахі скончылі працу і рушылі на малітву. З цэркаўкі даносіліся іх гучныя галасы. У хляве выла чупакабра. Па шчоках Антохі каціліся слёзы, гарачыя, як вулканічная лава.
Гэтак жа ён будзе плакаць праз тры гады, калі прыме манаскі пострыг.

Татьяна Трофимова

Перевод на белорусский язык Татьяны Сивец

Таццяна Трафімава

Пераклад на беларускую мову Таццяны Сівец

Татьяна Трофимова родилась в г. Твери 26 декабря 1981 года. В 2005 году окончила Московский государственный университет технологии и управления по специальности «Экономика и управление на предприятии». С 2008 по 2009 год в Тверском литературном альманахе были опубликованы четыре рассказа. В 2009 году работала в редакции еженедельника «Афанасий-биржа». С 2010 года работает редактором журнала «Точка роста».

Таццяна Трафімава нарадзілася ў г. Цвяры 26 снежня 1981 года. У 2005 годзе скончыла Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт тэхналогіі і кіравання па спецыяльнасці «Эканоміка і кіраванне на прадпрыемстве». З 2008 па 2009 год у Цвярскім літаратурным альманаху былі апублікаваны чатыры апавяданні. У 2009 годзе працавала ў рэдакцыі штотыднёвіка «Афанасий-биржа». З 2010 года працуе рэдактарам часопіса «Точка роста».

РЕКВИЕМ

Дождь похож на Messa da Requiem Джузеппе Верди.
Если только слушать не с самого начала, а остановиться на части Lacrimosa – Слёзная. Гармония. Тихие голоса певцов и мелкий, колкий, моросящий дождик. Хорошо под такую музыку выйти на улицу для созерцания вида, соответствующего внутреннему состоянию. Скажем, на набережную. И смотреть, как капли неутомимо бьются о бетонную мостовую. И где-то между второй и четвертой минутой композиции, когда мелодия почти неотличима от ливня, взглянуть на затянутую до самого горизонта сизым туманом воду. Над ней, как всегда, видны лишь очертания стоящей в нескольких десятках метров от берега колокольни.
Натянуть капюшон. Поправить наушники. Закрыть глаза. Раствориться в звуке.

Земля подпрыгнула, желая, видимо, укрыть собой небо. У неё не получилось. Серая масса туч обрушилась на меня, перемешивая верх и низ, кидая из стороны в сторону, и остановилась, лишь когда мой лоб встретился в страстном поцелуе с деревом.
Это случилось шесть лет назад. Тёплым июльским вечером под улюлюканье толпы подростков изрядно выпивший Сашка с говорящим прозвищем «Гонщик» на спор сорвал с места своего железного коня. Взревевший от возмущения «ИЖ» на бешеной скорости пролетел несколько метров по

РЭКВІЕМ

Дождж падобны да Messa da Requiem Джузэпэ Вердзі.
Калі толькі слухаць не з самага пачатку, а спыніцца на частцы Lacrimosa – Слёзная. Гармонія. Ціхія галасы спевакоў і дробны, калючы дожджык-імжака. Добра пад такую музыку выйсці на вуліцу для сузірання краявіду, які адпавядае ўнутранаму стану. Скажам, на набярэжную. І глядзець, як кроплі сыплюцца на бетон. І недзе паміж другой і чацвёртай хвілінай кампазіцыі, калі мелодыю амаль не адрозніць ад залевы, зірнуць на зацягнутую да самага далягляду шызым туманам ваду. Над ёй, як заўжды, бачныя толькі абрысы званіцы, што стаіць за некалькі дзясяткаў метраў ад берага.
Нацягнуць капюшон. Паправіць навушнікі. Заплюшчыць вочы. Растварыцца ў гуках.

Зямля падскочыла, жадаючы, напэўна, захінуць сабой неба. У яе не атрымалася. Шэрая маса хмар абрынулася на мяне, змешваючы верх і ніз, кідаючы з боку ў бок, і спынілася, толькі калі мой лоб зліўся ў гарачым пацалунку з дрэвам.
Гэта здарылася шэсць гадоў таму. Цёплым ліпеньскім надвячоркам пад цюгаканне натоўпу падлеткаў Сашка з гаваркой мянушкай «Гоншчык», ужо на добрым падпітку, у заклад сарваў з месца свайго жалезнага каня. «ІЖ» зароў ад абурэння і на шалёнай хуткасці праляцеў некалькі метраў па мокрай траве – далей ад рогату шматлікай кампаніі, і быў спынены бліжэйшым слупам. Я, як

мокрой траве – от многочисленной гогочущей компании, и был остановлен ближайшим столбом. Я, как всегда, сидела сзади, накрепко вцепившись обеими руками в Сашкину куртку. Вторая в очереди на столкновение.
В последний момент он, уже не управляющий мотоциклом, заорал:
– Прыгай!
Разумеется, я не успела. Дерево было куда проворнее. Сознание выключилось мгновенно, как будто щёлкнул выключатель. У меня и сейчас такое чувство, что очнулась я в другой реальности или, скорее, в кошмарном сне.

Пустой и до отвращения спокойный лес. Жужжание шмеля над мокрым цветком чертополоха, стук дятла на соседней сосне. Никаких посторонних звуков, человеческих голосов. Ни одного свидетеля аварии и помощника, конечно, тоже ни одного. Остались я, Сашка и покорёженный «ИЖ».
Возле моей правой руки в мокрой траве, как будто подброшен, валялся чужой телефон. Уже не помню, как набирала номер «скорой». Вернее, в нашем краю – очень медленной. В глазах всё ещё двоилось. Ощущение, что я вот-вот проснусь, не пропадало ни на миг.

Потом была больница. Тётка в регистратуре, смачно сжавшая мне обе щёки пальцами одной руки и заявившая на весь коридор:
– Да они пьяные!
Слава богу, дальнейшего хамства сестёр в моей памяти не сохранилось. Помню только, что кровоточащую рану на лбу обрабатывать отказались наотрез. А врачам было совсем не до меня. Они спасали Сашку.

заўсёды, сядзела ззаду, моцна ўчапіўшыся рукамі ў Сашкаву куртку. Другая ў чарзе на сутыкненне.
У апошні момант ён, ужо страціўшы кіраванне, выгукнуў:
– Скачы!
Натуральна, я не паспела. Дрэва аказалася спрытнейшым. Свядомасць адключылася імгненна, як быццам шчоўкнуў выключальнік. У мяне і цяпер такое адчуванне, што апрытомнела я ў іншай рэальнасці або, хутчэй, у жахлівым сне.

Пусты і да агіды спакойны лес. Гудзенне чмяля над мокрай кветкай чартапалоху, грукат дзятла на суседняй хвоі. Ніякіх старонніх гукаў, чалавечых галасоў. Ніводнага сведкі аварыі і памочніка, вядома, таксама ніводнага. Засталіся я, Сашка і пакарабачаны «ІЖ».
Каля маёй правай рукі ў мокрай траве, як быццам падкінуты, валяўся чужы тэлефон. Ужо не памятаю, як набірала нумар «хуткай». Дакладней, у нашым краі – надта павольнай. У вачах усё яшчэ дваілася. Адчуванне, што я вось-вось прачнуся, не знікала ні на імгненне.

Потым была бальніца. Цётка ў рэгістратуры, якая смачна сцяла мне абедзве шчакі пальцамі адной рукі і заявіла на ўвесь калідор:
– Ды яны п’яныя!
Дзякуй богу, далейшага хамства сясцёр мая памяць не захавала. Памятаю толькі, што крывяную рану на лбе апрацоўваць адмовіліся наадрэз. А дактарам было зусім не да мяне. Яны ратавалі Сашку.

Я стояла в больничном коридоре и пыталась понять, почему нас все бросили. Где-то там, за выкрашенными в прошлом веке в белый цвет дверями, над которыми висела на честном слове табличка «Операционная», он пытался выжить. А здесь, по другую сторону, действительность, освещённая тусклыми казёнными лампочками, раскачивалась вокруг меня. Слёзы как будто кто-то специально нагревал и подсаливал. Невыносимо. Я заснула на полу, вернее, провалилась в тяжкий бред, из которого, грубо растолкав, вывела ночная медсестра.

– А ну, пошла в палату. Нечего здесь околачиваться, больная.

Сопротивляться сил не было: я уныло побрела куда-то по огромному коридору, держась за стену. Казалось, двигаюсь по новым уровням своего кошмара. По жёлтому грязному кафелю мимо пустых каталок прямиком в ад.

В палате, издав противное шипение и с полминуты помигав, под потолком зажглась засиженная мухами жёлтая лампочка.

– Тьфу ты, опять электрика вызывать, – то ли пожаловалась, то ли выругалась сестра. – Смотри, вон койка. Тебе туда.

Лучше бы осталось темно. Четыре кровати вдоль стен, грязные матрасы – белые в узкую чёрную полоску, да тараканы на подоконнике. Обычная палата провинциальной больницы.

Только вот на койке справа, у самой двери, лежала она. Взгляд абсолютно потух. Старушка свернулась маленьким калачиком, прикрыла живот, словно пытаясь защитить его от боли, и дышала, как выброшенная на берег рыба. Сестра, указав мне на особенно грязную кровать слева, кинула туда жёлтый куль: видимо, постельное бельё.

Я стаяла ў бальнічным калідоры і спрабавала зразумець, чаму нас усе кінулі. Дзесьці там, за пафарбаванымі ў мінулым стагоддзі ў белы колер дзвярыма, над якімі ледзь ліпела таблічка «Аперацыйная», ён спрабаваў выжыць. А тут, па іншы бок, рэчаіснасць, асветленая цьмянымі казённымі лямпачкамі, калыхалася вакол мяне. Слёзы як быццам хтосьці спецыяльна награваў ды падсольваў. Невыносна. Я заснула на падлозе, дакладней, правалілася ў цяжкае трызненне, з якога, груба расштурхаўшы, вывела мяне начная медсястра.

– А ну, пайшла ў палату. Няма чаго тут швэндацца, хворая.

Супраціўляцца не было сілы: я паныла пацягнулася кудысьці па даўжэзным калідоры, трымаючыся за сцяну. Здавалася, што я рухаюся па новых узроўнях свайго жахлівага сну. Па жоўтай бруднай кафлі ўздоўж пустых каталак наўпрост у пекла.

У палаце, выдаўшы непрыемнае шыпенне і з паўхвіліны памігаўшы, пад столлю запалілася заседжаная мухамі жоўтая лямпачка.

– Цьху ты, ізноў электрыка выклікаць, – ці то паскардзілася, ці то вылаялася сястра. – Глядзі, вунь койка. Табе туды.

Лепш было б цёмна. Чатыры ложкі ўздоўж сцен, брудныя матрацы – белыя ў вузкую чорную палоску, ды прусакі на падаконніку. Звычайная палата правінцыйнай бальніцы.

Толькі вось на ложку справа, каля самых дзвярэй, ляжала яна. Пагаслыя вочы. Бабулька скруцілася, прыкрыўшы жывот, нібы спрабуючы абараніць яго ад болю, і дыхала, як выкінутая на бераг рыбіна. Сястра, паказаўшы мне на

И лишь после этого окинула равнодушным взглядом скрюченное старушечье тельце:
– Надо же, держится.
– Ей же больно! – охнула я.
– Слушайте, дайте поспать, – заныла женщина в углу. – Она и так сутки напролёт воет. А ты новенькая, да? Ну так располагайся. Ей уже не поможешь. Ничем не поможешь.
– Почему?
– О! – женщина, не поворачиваясь, пригладила одной рукой грязные спутанные волосы, а другой натянула тонкое казённое одеяло на плечи. – А потому что поздно. Ну вот сейчас спросим, например… Сделай что-нибудь, сестра, а то эта старушка и мёртвого разбудит своим воем.
– Сейчас ведь всё тихо, – спокойно ответила работница больницы. – Когда завоет, тогда и позовёшь.
– Клятва Гиппократа, – сказала, как выплюнула, женщина. – Такая переменчивая. Свет хоть погаси.

Но я проснулась не от воя, как предсказывали, а от тихого дребезжащего:
- Девочка, принеси воды. Стакан вон на тумбочке. Кран в конце коридора. Не дойти мне.
Не дойти… Значит, раньше ходила сама. Или посылали. Я выбежала за водой как ошпаренная, в коридоре уже закричала:
- Сестра, сестра!
Мой голос разнёсся по всей больнице… Но ответа не последовало.

асабліва брудны ложак злева, кінула туды жоўты скрутак: пэўна, пасцельную бялізну.
І толькі пасля акінула абыякавым позіркам перакручанае старэчае цельца:
– Трэба ж, трымаецца.
– Ёй жа балюча! – вохнула я.
– Слухайце, дайце паспаць, – заныла жанчына ў куце. – Яна і так суткі навылёт вые. А ты новенькая, так? Ну дык уладкоўвайся. Ёй ужо не дапаможаш. Нічым не дапаможаш.
– Чаму?
– О! – жанчына, не паварочваючыся, прыгладзіла рукой брудныя зблытаныя валасы, а другой нацягнула тонкую казённую коўдру на плечы. – А таму што позна. Ну вось зараз спытаем, напрыклад... Зрабі хоць штосьці, сястра, а то гэтая бабулька і мёртвага падыме сваім выццём.
– Цяпер жа ўсё ціха, – спакойна адказала медсястрыца. – Калі завые, тады і паклічаш.
– Клятва Гіпакрата, – сказала, як плюнула, жанчына. – Такая пераменлівая. Святло хоць патушы.

Але прачнулася я не ад выцця, як прадказвалі, а ад дрыготкага шэпту:
– Дзяўчынка, прынясі вады. Шклянка вунь на тумбачцы. Кран у канцы калідора. Не дайсці мне.
Не дайсці... Значыць, раней хадзіла сама. Ці пасылалі. Я выбегла з палаты як абвараная, у калідоры ўжо закрычала:

– Ну что орёшь? – опять услышала я за спиной голос женщины, которая не поворачивала головы. – Пятница же. Нет никого. Скажи спасибо ещё, твоего молодца прооперировали.

Этого я не ожидала.

– Это невозможно, есть же дежурный врач. Есть…

Женщина за моей спиной тихонько рассмеялась. Коридор был пуст. Дойдя до ржавой мойки с обрубком крана, я едва не разбила стакан – руки ходили ходуном. Сжав зубы и немного постояв, подпирая стену, нашла в себе силы налить воды, вернуться и подать старушке стакан.

– Это ты зря, – снова подала голос та женщина, – бабушка писается. От того ей не очень-то и хотят воды давать. Государственное имущество портится.

– Пусть пьёт, если что, заплачу за матрас.

Я наклонилась над ней.

– Вы как?

Старушка поймала мою руку в темноте и тихонько сказала:

– Не вини их. Ты вся дрожишь от злости. А они ни в чём не виноваты. Послушай, что скажу. Это они не сами, поверь, лишили свою жизнь радости и стали равнодушнее вон булыжника под ногами. Город забирает их души.

Пришлось нахмуриться. Что за бред?

– Поспите, пожалуйста.

Она сжала мою руку и притянула к себе, переходя на шёпот.

– Послушай меня, – потребовала старушка. – Думаешь, я сошла с ума? Но я видела, своими глазами видела… Мне сейчас почти 90. Всю жизнь живу в этом городе, никуда не ездила, никуда. Так вот, 72 года назад, скажу тебе, Калязин был совсем не такой, как сейчас.

– Сястра, сястра!

Мой голас, здаецца, прагрымеў па ўсёй бальніцы... Але адказу не было.

– Чаго крычыш? – зноў пачуўся голас жанчыны, якая не паварочвала галавы. – Пятніца ж. Няма нікога. Скажы дзякуй яшчэ, што твайго хлопца прааперыравалі.

Гэтага я не чакала.

– Гэта немагчыма, ёсць жа дзяжурны доктар. Ёсць...

Жанчына за маёй спінай засмяялася. Калідор быў пусты. Дайшоўшы да ржавай мыйкі з абрубкам крана, я ледзь не разбіла шклянку – рукі хадзілі ходырам. Сціснуўшы зубы і трохі пастаяўшы каля сцяны, знайшла ў сабе сілы наліць вады, вярнуцца і падаць бабульцы шклянку.

– Гэта ты дарма, – зноў падала голас жанчына, – бабуля ходзіць пад сябе. Ёй таму не надта хочуць вады даваць. Дзяржаўная маёмасць псуецца.

– Хай п'е, калі што, заплачу за матрац.

Я схілілася над ёй.

– Вы як?

Бабулька злавіла маю руку ў цемры і ціхенька сказала.

– Не вінаваць іх. Ты ўся дрыжыш ад злосці. А яны ні ў чым не вінаватыя. Паслухай, што скажу. Гэта яны не самі, павер, пазбавілі сваё жыццё радасці і сталі раўнадушней за брук пад нагамі. Горад забірае іх душы.

Я зніякавела. Што за трызненне?

– Паспіце, калі ласка.

Яна сціснула маю руку і прыцягнула да сабе, пераходзячы на шэпт.

Ну вот, подумала я с тоской, и даже секунды не было страшно. Начались воспоминания. Сейчас она расскажет, что молодёжь никуда не годится, потом про прежние времена, даже, возможно, довоенные, и всё пойдёт по накатанной.

Не пошло.

Бабуля сильнее сжала мою руку, фактически царапая.

– Послушай. Люди были совершенно другие. Добрые, приветливые. Трудно в это поверить, да? А дело, думаю я, вот в чём. У города была душа. А потом её отобрали. Помнишь колокольню на воде? Ну как же её не помнить. Так вот, она – единственное, что осталось. А был собор, огромный, красивый, белый. Нет, не так. Светлый. Сколько людей в него приходили. Даже не в том дело, что молились, а в том, что было место, куда мог прийти любой горожанин. Где рады были всем. Душа, одним словом. Когда его не стало, что-то произошло с этим городом и с этими людьми. Мой Калязин, которым я так гордилась, стал бездушен и безличен. Колокольня — то единственное, что осталось от былого величия. По какой нелепой случайности её не тронули – загадка. Оставили вот так: торчать посреди реки без колоколов. Пять ярусов, семьдесят метров, безголосых и страшных. Лучше бы разрушили.

– Вы устали.

– Нет, – она продолжила: – Представь себе, что человек мог бы обходиться без сердца. И вот кто-то вырезал ему сердце… А кусочек оставил зачем-то. Плохо. Хочется ведь дышать полной грудью, иметь целые органы. Городу тоже хочется. Вот он и восполняет за счёт нас, тех, кто ещё живёт тут.

– Паслухай мяне, – запатрабавала бабулька. – Ты думаеш, я з глузду з'ехала? А я бачыла, на свае вочы бачыла... Мне амаль 90. Усё жыццё жыву ў гэтым горадзе, нікуды не ездзіла, нікуды. Дык вось, 72 гады таму, скажу табе, Калязін быў зусім не такі, як цяпер.

Ну вось, падумала я з сумам, нават секунды не страшна. Пачаліся ўспаміны. Цяпер яна раскажа, што моладзь нічога не вартая, потым пра ранейшыя часы, нават, магчыма, даваенныя, і ўсё пакаціцца...

Не пакацілася.

Бабуля мацней сціснула маю руку, фактычна раздзіраючы яе.

– Паслухай. Людзі былі зусім іншыя. Добрыя, ветлівыя. Цяжка ў гэта паверыць, так? А справа, думаю я, вось у чым. У горада была душа. А потым яе адабралі. Памятаеш званіцу на вадзе? Ну як жа яе не памятаць. Дык вось, яна – адзінае, што засталося. А быў сабор, велізарны, прыгожы, белы. Не, не так. Светлы. Колькі людзей у яго прыходзіла. Нават не ў тым справа, што маліліся, а ў тым, што было месца, куды мог прыйсці любы гараджанін. Дзе рады былі ўсім. Душа, адным словам. Калі яго не стала, нешта адбылося з гэтым горадам і з гэтымі людзьмі. Мой Калязін, якім я так ганарылася, стаў бяздушны і абыякавы. Званіца – адзінае, што засталося ад былой велічы. Па якой недарэчнай выпадковасці яе не кранулі – загадка. Пакінулі так вось: тырчаць пасярод ракі без званоў. Пяць ярусаў, семдзесят метраў, безгалосых і страшных. Лепш бы разбурылі.

– Вы стаміліся.

– Не, – яна працягвала: – Уяві сабе, што чалавек мог бы абыходзіцца без сэрца. І вось нехта выразаў яму сэрца... А кавалачак пакінуў чамусьці. Дрэнна. Хочац-

Я тебе зачем это говорю, ты беги отсюда, пока не поздно. Те, у кого душа на месте, плохо кончают в этом городе.
Я отдёрнула руку и попятилась. Очень уж страшным показался старушкин предсмертный бред.
За ночь больше не подходила. А бабуля так и не издала ни стона.

Врач, невыспавшийся, похмельный, обработал рану на лбу, весело заявил, что мой дружок на редкость крепкий подонок. После такой аварии выжить – большое искусство. Я расплакалась. Он назвал меня дурёхой и выписал, мельком взглянув на опустевшую койку у двери.
Прошло ещё несколько дней, и мне разрешили навестить Сашку. Он лежал в залитой солнечным светом реанимации, куда пускали только по великому блату... и иногда из жалости. Вокруг него суетилась медсестра.
– Ирка, – он попытался улыбнуться, но получилось плохо, мешал шов на губе, – давай съедемся.

Мы съехались. Первое время, пока Сашка учился ходить заново, пока восстанавливались переломанные ноги, жили душа в душу. А потом невидимая тень поглотила моё счастье, заставила внутреннюю Волгу выйти из берегов. Меня стали некстати одолевать головные боли, но при малейшем намёке на больницу бил такой озноб, что я честно признавалась Сашке, что лучше сдохну. Его тоже одолевала, но совершенно иная боль. Смерть, на волосок от которой он побывал, перестала страшить, стала ближе и понятнее. И воспринималась как неизбежность, причём неизбежность скорее приятная. Мы стали говорить о смерти каждый вечер.

ца дыхаць на поўныя грудзі, мець цэлыя органы. Гораду таксама хочацца. Вось ён і жывіцца за кошт нас, тых, хто яшчэ жыве тут. Я табе чаму гэта кажу, ты бяжы адсюль, пакуль не позна. Тыя, у каго душа на месцы, дрэнна заканчваюць у гэтым горадзе.
Я выхапіла руку і адхіснулася. Вельмі ўжо страшным падалося бабульчына перадсмяротнае трызненне.
За ноч больш не падыходзіла. А бабуля так і не застагнала.

Лекар, нявыспаны, пахмельны, апрацаваў рану на лбе, весела заявіў, што мой сябрук на рэдкасць трывалы падонак. Пасля такой аварыі выжыць – вялікае мастацтва. Я расплакалася. Ён назваў мяне дурніцай і выпісаў, мімаходзь зірнуўшы на апусцелы ложак каля дзвярэй.
Прайшло яшчэ некалькі дзён, і мне дазволілі наведаць Сашку. Ён ляжаў у залітай сонечным святлом рэанімацыі, куды пускалі толькі па вялікім блаце... і часам з жалю.
Вакол яго мітусілася медсястра.
– Ірка, – ён паспрабаваў усміхнуцца, але атрымалася кепска, перашкаджала шво на губе, – давай жыць разам.

Мы пачалі жыць разам. Па першым часе, пакуль Сашка наноў вучыўся хадзіць, пакуль аднаўляліся пакалечаныя ногі, жылі душа ў душу. А потым нябачны цень паглынуў маё шчасце, прымусіў унутраную Волгу выйсці з берагоў. Мяне стаў адольваць галаўны боль, але пры найменшым намёку на бальніцу

Долго и привычно, на костылях, позже – с палкой, а теперь и без неё, гуляя по городу, сидя в кафе и даже приходя в гости. Только смерть. Сначала, во время болезни, я всё ещё пыталась сопротивляться, расшевелить, подбодрить. Но со временем всё больше углублялась в свои невесёлые мысли. Я наблюдала за прохожими. Ни одного улыбающегося лица. Ни одного пойманного краем уха весёлого разговора.

– Ир, помнишь Витьку из третьего подъезда? – отвлёк однажды от созерцания колокольни Сашка.

– Как не помнить, он, наверное, первый тогда из леса усвистал, – усмехнулась я. – И телефон, я тебе рассказывала, кажется, ему принадлежал.

– Вчера из окна выбросился.

Я расширила глаза. Скорее по привычке.

А чему удивляться? В нашем доме суицидников – не меньше десятка.

– Записку оставил, – продолжил Сашка. – Не могу, мол, жить больше, потому как бросил товарищей в беде. Нас с тобой то есть. Его мать приходила, пока ты на работе была. Звала на похороны.

Меня как током ударило. Живо вспомнила старушку и её скрипучее: «Те, у кого душа на месте, плохо кончают в этом городе».

– В смерти нет ничего отвратительного. Там, за гранью, такой покой, которого ты просто не можешь испытать в жизни. Понимаешь? И если один раз ты туда идёшь, то уже не остановишься во второй.

Сашкина улыбка стала блаженной, спокойной, словно он никогда не был диким мотоциклистом. После похорон долго молчал, а потом выдал вот

білі такія дрыжыкі, што я шчыра прызнавалася Сашку, што лепш здохну. Яго таксама адольваў, але зусім іншы боль. Смерць, на валасок ад якой ён пабываў, перастала палохаць, стала больш блізкай і зразумелай. І ўспрымалася як непазбежнасць, прычым непазбежнасць хутчэй прыемная. Мы пачалі гаварыць пра смерць кожны вечар.

Доўга і звыкла, на мыліцах, пазней – з кійком, а потым і без яго, гуляючы па горадзе, седзячы ў кавярні і нават завітваючы ў госці. Толькі смерць. Спачатку, падчас хваробы, я ўсё яшчэ спрабавала супраціўляцца, разварушыць, падбадзёрыць. Але з часам усё больш паглыблялася ў свае невясёлыя думкі. Я назірала за мінакамі. Ніводнага ўсмешлівага твару. Ніводнай злоўленай краем вуха вясёлай размовы.

– Ір, памятаеш Віцьку з трэцяга пад'езда? – неяк адцягнуў маю ўвагу ад сузірання званіцы Сашка.

– Як не памятаць, ён, напэўна, першы тады з лесу збег, – пасміхнулася я. – І тэлефон, я табе распавядала, здаецца, яму належаў.

– Учора з акна выкінуўся.

Я ўтаропілася ў яго. Хутчэй з неспадзяванасці.

А чаго дзівіцца? У нашым доме суіцыднікаў – не менш як тузін.

– Цыдулку пакінуў, – працягваў Сашка. – Не магу, маўляў, жыць пасля таго, як пакінуў таварышаў у бядзе. Нас з табой, значыцца. Яго маці прыходзіла, пакуль ты на працы была. Клікала на пахаванне.

Мяне як токам выцяла. Жыва ўспомніла бабульку і яе рыпучае: «Тыя, у каго душа на месцы, дрэнна заканчваюць у гэтым горадзе».

очередную тираду про смерть. И как назло, Витёк в гробу лежал словно живой, хорошо его загримировали. Саша, к сожалению, проникся.
– И ещё, думаю, если ты сам выбираешь для неё время и место, всё становится по-другому.

Ночью проснулась от ощущения пустоты рядом. Саши действительно не было в постели, и я, от страшной, невероятной тревоги, подскочив как ужаленная направилась в ванную, где горел свет. Он спокойно разглядывал себя в зеркале – с бритвой в руке.
– Саша?
Сашка испугался, как ребёнок, застигнутый врасплох за поеданием конфет, предназначенных гостям. Несколько секунд мы просто смотрели друг другу в глаза. И я не нашла в его взгляде ничего, кроме невероятного, огромного, близкого к истерике желания уйти. Я сползла по дверному косяку вниз от очередного приступа дикой головной боли.
С той ночи Сашку словно подменили. Он был идеален: дарил цветы, водил на набережную, придумывал совместный досуг, целовал за ушком, признавался в любви каждые 10 минут... И чем больше и романтичнее всё это становилось, тем отчётливей стучал в висках молоточек: «ненадолго». Я просыпалась по ночам в холодном поту и шарила по постели руками в поисках живого тела.

Мы слушали «Реквием». Саша всегда любил Моцарта. Я предпочитала Верди. В нашей тихой квартире вместе со звуками классиков поселялась

– У смерці няма нічога агіднага. Там, за гранню, такі спакой, якога ты проста не можаш адчуць у жыцці. Разумееш? І калі аднойчы ты туды ідзеш, то ўжо не спынішся другім разам.
Сашкава ўсмешка стала блажэннай, спакойнай, нібы ён ніколі не быў дзікім матацыклістам. Пасля пахавання доўга маўчаў, а потым выдаў вось чарговую тыраду пра смерць. І як на злосць, Віцька ў труне ляжаў нібы жывы, добра яго загрыміравалі. Сашу, на жаль, закранула.
– І яшчэ, думаю, калі ты сам выбіраеш для яе час і месца, усё іначай.

Ноччу прачнулася ад адчування пустаты побач. Сашы сапраўды не было ў ложку, і я, ад страшнай, неверагоднай трывогі, падскочыла як уджаленая і пабегла ў ванную, дзе гарэла святло. Ён спакойна разглядаў сябе ў люстэрку – з брытвай у руцэ.
– Саша?
Сашка спалохаўся, як дзіця, знянацку заспетае за паглынаннем цукерак, схаваных для гасцей. Некалькі секунд мы проста глядзелі адно аднаму ў вочы. І я не знайшла ў яго позірку нічога, акрамя неверагоднага, велізарнага, блізкага да істэрыкі жадання сысці. Я спаўзла па дзвярным вушаку ад чарговага прыступу дзікага галаўнога болю.
З той ночы Сашку нібы падмянілі. Ён быў ідэальны: дарыў кветкі, вадзіў на набярэжную, вынаходзіў спосабы сумеснага баўлення часу, цалаваў за вушкам, прызнаваўся ў каханні кожныя 10 хвілін... І чым часцей і рамантычней усё гэта рабілася, тым больш выразна грукаў у скронях малаточак: «ненадоўга». Я прачыналася па начах у халодным поце і мацала па ложку рукамі ў пошуках жывога цела.

темнота отчуждения. Мне нужно выжить. Я отчётливо поняла, что не вижу будущего с ним и не вижу его будущего. Да и какое будущее может быть у того, кто совершенно не прочь умереть. Ни одно человеческое существо не может не бояться собственной смерти. Сашка её звал.
Звуки становились громче. Верди. Мучительное громовое Dies Irae и Сашкино, согласное с моими безмолвными обвинениями, молчание.

Последний аккорд. Я была в гостях у родителей и там же решила заночевать. В половине одиннадцатого раздался звонок. Мой мобильный переполнился тревожным Confutatis. Сашка спросил:
– Ира, какое место ты больше всего любишь в городе?
– Колокольню, – машинально ответила я.
Он тихонько рассмеялся.
– Так и думал. Хочу, чтобы она всегда напоминала тебе обо мне. Я жду тебя.
Он повесил трубку. Я сорвалась с места в дикий ливень, подняла половину города на ноги и до посинения искала лодочника, который бы довёз до колокольни. Разумеется, мы не успели. Природа взбесилась, взбеленилась, обрушивая на нас потоки воды. Мы промокли и обессилели… Под сводом колокольни было тихо, как в том лесу. Он лежал в привязанной к одной из стен резиновой лодке: руки спущены в воду, от запястий всё ещё медленно растекаются огромные красные пятна.
Сашка улыбался.
Каждая собака в Калязине знает историю колокольни. В 1939, когда формировалось Угличское водохранилище, 72 года назад, как и говорила ста-

Мы слухалі «Рэквіем». Саша заўсёды любіў Моцарта. Я аддавала перавагу Вердзі. Нашу ціхую кватэру разам з гукамі класікаў апаноўвала цемра адчужэння. Мне трэба выжыць. Я выразна зразумела, што не бачу будучыні з ім і не бачу яго будучыні. Ды і якая будучыня можа быць у таго, хто не супраць памерці. Ні адна чалавечая істота не можа не баяцца ўласнай смерці. Сашка яе клікаў.
Гукі мацнелі. Вердзі. Пакутлівае, як гром, Dies Irae і Сашкава, згоднае з маімі ціхімі абвінавачваннямі, маўчанне.

Апошні акорд. Я была ў гасцях у бацькоў і там жа вырашыла заначаваць. А палове на адзінаццатую раздаўся званок. Мой мабільны адгукнуўся трывожным Confutatis. Сашка спытаў:
– Іра, якое месца ты больш за ўсё любіш ў горадзе?
– Званіцу, – машынальна адказала я.
Ён ціха засмяяўся.
– Так і думаў. Хачу, каб яна заўсёды нагадвала табе пра мяне. Я чакаю цябе.
Ён павесіў трубку. Я сарвалася з месца ў дзікі лівень, узняла палову горада на ногі і да пасінення шукала лодачніка, які б давёз да званіцы. Зразумела, мы не паспелі. Прырода звар'яцела, ашалела, абрынаючы на нас струмені вады. Мы прамоклі і знясілелі... Пад зводам званіцы было ціха, як у тым лесе. Ён ляжаў у прывязанай да адной са сцен гумовай лодцы: рукі апушчаныя ў ваду, ад запясцяў усё яшчэ павольна разыходзяцца вялізныя чырвоныя плямы.
Сашка ўсміхаўся.

рушка, взорвали собор. А потом затопили половину города. От старого Калязина осталась она, и всё. Башня на воде. Колоколов на ней нет, вырвали язык, и что-то мне подсказывает, всё те же 72 года назад.

Я снова стала ходить по городу, окончательно перемолотая предчувствиями, в поисках хотя бы одного счастливого лица. Хоть одно! Нет, даже дети какие-то слишком серьёзные и равнодушные. Моё «не может быть» превратилось во «вполне вероятно». Саша стал сниться каждую ночь. И я не выдержала. Сбежала в Тверь.

Всё утихло ещё на четыре долгих года, меня перестали мучить головные боли. Забылось знание о душах, о городе, о колокольне. И я позволила себе думать, что спаслась. Пока однажды, во время деловых переговоров, не грохнулась в обморок.

Через две недели в светлом кабинете дорогой клиники доктор с сожалением развёл руками, сказав, что под моей черепной коробкой спрятана опухоль таких размеров, что помочь уже нельзя. Он спросил, не было ли травм, и я живо вспомнила падение с мотоцикла. Калязин хитёр, он уже тогда отметил меня, поставил клеймо.

И вот тут-то я задала свой главный вопрос:

– Скажите, есть в Твери место, которое можно назвать душой города?

Доктор, готовый уже утешать, выронил мою карточку и тихо сказал:

– Нет, пожалуй.

– А было?

Так я узнала про Спас Златоверхий и про то, что Тверь наличием души не отличается от Калязина. Правда, здесь всё было намного страшнее. Храм,

Кожная сабака ў Калязіне ведае гісторыю званіцы. У 1939, калі будавалася Угліцкае вадасховішча, 72 гады таму, як і казала бабулька, узарвалі сабор. А потым затапілі палову горада. Ад старога Калязіна засталася яна, і ўсё. Вежа на вадзе. Званоў на ёй няма, вырвалі языкі, і штосьці мне падказвае, усё тыя ж 72 гады таму.

Я зноў пачала блукаць па горадзе, канчаткова адужаная прадчуваннямі, у пошуках хаця б адной шчаслівай асобы. Адной! Не, нават дзеці нейкія занадта сур'ёзныя і абыякавыя. Маё «не можа быць» ператварылася ў «цалкам верагодна». Саша пачаў сніцца кожную ноч. І я не вытрымала. Збегла ў Цвер.

Усё суцішылася яшчэ на чатыры доўгія гады, мяне перастаў мучыць галаўны боль. Забыліся веды пра душы, пра горад, пра званіцы. І я дазволіла сабе думаць, што ўратавалася. Пакуль аднойчы, падчас дзелавых перамоў, не страціла прытомнасць.

Праз два тыдні ў светлым кабінеце дарагой клінікі доктар са шкадаваннем развёў рукамі, сказаўшы, што ў маёй галаве хаваецца пухліна такіх памераў, што дапамагчы ўжо нельга. Ён спытаў, ці не было ў мяне траўмаў, і я жыва ўспомніла падзенне з матацыкла. Калязін хітры, ён ужо тады пазначыў мяне, паставіў таўро. І вось тут я задала сваё галоўнае пытанне:

– Скажыце, ёсць у Цвяры месца, якое можна назваць душой горада?

Доктар, гатовы ўжо да суцяшэнняў, выпусціў з рук маю картку і ціха прамовіў:

– Не, напэўна.

– А было?

впервые построенный в XIII веке, имел такое значение, что жителей тогда ещё Тверского княжества называли «гражданами Спаса». Разумеется, то, что он простоял аж до 1935 года, – настоящее чудо. Но и его взорвали. А камни пошли на строительство набережной. И не то, чтобы я была шибко религиозна, но вот такое варварское отношение даже не к вере, а к тем, кто строил, восстанавливал, расписывал, ухаживал и даже приходил посмотреть, такое невыносимое равнодушие должно иметь свои ядовитые плоды. Конечно, от них можно бежать, перелистывая города, как страницы. Но скажите, где нет своего Никольского?
Я вернулась в Калязин.

Плачущая Lacrimosa в моих наушниках медленно становится торжественным Sanctus. Реквием. Всё ещё размышляя над феноменом разрушенных церквей, я думаю, а в храмах ли дело? Или в тех, кто взорвал храм? Может быть, мы настолько потерянные не от того, что кто-то разрушил, а от того, что буквально на глазах наших дедов произошло такое… а они не помешали. Это значит, что равнодушие у нас в крови, заложено генетически. И строительством тысячи храмов тут не поможешь.
Но я всё же надеюсь, что мои догадки далеки от истины, а права была та бабуля в больнице. Это значит, что однажды моему городу станет достаточно душ его жителей. И здесь вырастет поколение способных улыбаться друг другу.

Так я даведалася пра Спас Залатаверхі і пра тое, што Цвер наяўнасцю душы не адрозніваецца ад Калязіна. Праўда, тут усё было нашмат страшней. Храм, упершыню пабудаваны ў XIII стагоддзі, меў такое значэнне, што жыхароў тады яшчэ Цвярскога княства называлі «грамадзянамі Спаса». Зразумела, тое, што ён прастаяў аж да 1935 года, – сапраўдны цуд. Але і яго ўзарвалі. А камяні пайшлі на будаўніцтва набярэжнай. І не тое, каб я была надта рэлігійнай, але такое вось варварскае стаўленне нават не да веры, а да тых, хто будаваў, аднаўляў, распісваў, даглядаў і нават проста прыходзіў паглядзець, такая нясцерпная абыякавасць мусіла даць свае атрутныя плады. Вядома, ад іх можна бегчы, перагортваючы гарады, як старонкі. Але скажыце, дзе няма свайго Нікольскага?
Я вярнулася ў Калязін.

Lacrimosa, якая плача ў маіх слухаўках, паволі пераходзіць ва ўрачысты Sanctus. Рэквіем. Усё яшчэ разважаючы над феноменам разбураных цэркваў, я думаю, а ці ў храмах справа? Ці ў тых, хто ўзарваў храм? Можа, мы настолькі страчаныя не ад таго, што нехта разбурыў, а ад таго, што літаральна на вачах нашых дзядоў адбывалася такое... а яны не спынілі. Гэта значыць, што абыякавасць у нас у крыві, закладзена генетычна. І будаўніцтвам тысячы храмаў тут не дапаможаш.
Але я ўсё ж такі спадзяюся, што мае здагадкі далёкія ад праўды, а рацыю мела тая бабулька ў бальніцы. Гэта значыць, што аднойчы майму гораду хопіць душ яго жыхароў. І тут вырасце пакаленне людзей, здольных усміхацца адно аднаму.

Георгий Фомин

Перевод на белорусский язык Татьяны Сивец

Георгій Фамін

Пераклад на беларускую мову Таццяны Сівец

Георгий Фомин родился в г. Улан-Удэ в 1991 году, окончил школу № 19 (1998–2008). Поступил в университет «Физической культуры, спорта, молодёжи и туризма» в г. Иркутске в 2008 году. На данный момент учится на V курсе.

Георгій Фамін нарадзіўся ў г. Улан-Удэ ў 1991годзе, скончыў школу № 19 (1998–2008). Паступіў ва ўніверсітэт «Фізічнай культуры, спорту, моладзі і турызму» ў г. Іркуцку ў 2008 годзе. На дадзены момант вучыцца на V курсе.

СООБЩЕНИЕ

Ты просыпаешься от сигнала SMS. Тянешь руку, нащупал телефон, открыл глаза.
«Доброе утро, родной ☺».
Улыбнулся. Посмотрел на часы. Расстроился. 8:30. Рано. Суббота. Солнце светит. Начало лета. Почему я в субботу отдыхаю, а она – нет?
«Утро доброе, милая».
Как же противны эти слова и фразы, заезженные трактором по сельской дороге. А что делать? Ей нравится, когда я так пишу. А мне – нет.
Отчёт о доставке.
Говорят, что сердца девушки можно добиться, только говоря ей комплименты. Ну и чуть-чуть критики.
Спать уже не хочется. Поднялся с кровати. Где долбаные тапки? Блин, с другой стороны кровати. Плевать на них.
Ванная, вожу зубной щёткой по зубам.
Сигнал сообщил, что кто-то мне отправил письмо, если это так можно назвать.
Сплюнул, умылся, вытер лицо.
«Проснулся? Не разбудила?»
«Проснулся ☺ Не разбудила, конечно ☺ Ты где сейчас?»
Долбаные смайлы!!! Хотя и придумали их в 1951 году, и они меня старше в два с половиной раза… всё равно долбаные…

ПАВЕДАМЛЕННЕ

Ты прачынаешся ад сігналу SMS. Выцягваеш руку, намацаў тэлефон, расплюшчыў вочы.
«Добрай раніцы, родны ☺».
Усміхнуўся. Зірнуў на гадзіннік. Скрывіўся. 8:30. Рана. Субота. Сонца свеціць. Пачатак лета. Чаму я ў суботу адпачываю, а яна – не?
«Добрай раніцы, мілая».
Як жа брыдка ад гэтых слоў і фраз, заезджаных трактарам па вясковай дарозе. А што рабіць? Ёй падабаецца, калі я так пішу. Мне – не.
Справаздача аб дастаўцы.
Кажуць, што сэрца дзяўчыны можна дамагчыся, толькі кажучы ёй кампліменты. Ну і крыху-крыху крытыкі.
Спаць ужо не хочацца. Падняўся з ложка. Дзе, халера на іх, тапкі? Блін, з другога боку ложка. Пляваць на іх.
Ванная, ваджу зубной шчоткай па зубах.
Сігнал паведаміў, што хтосьці даслаў мне ліст, калі гэта так можна назваць.
Сплюнуў, памыўся, выцер твар.
«Прачнуўся? Не разбудзіла?»
«Прачнуўся ☺ Не разбудзіла, вядома ☺ Ты дзе зараз?»
Халерныя смайлы!!! Хоць і прыдумалі іх у 1951 годзе, і старэйшыя яны за мяне ў два з паловай разы... усё адно халерныя...

Отчёт о доставке.
Смайлы. Один писатель в социальных сетях вместо мерзких рожиц печатает «улыбка».
Кухня, чай, яичница, хлеб.
SMS расшифровывается как short message service. В переводе с английского – сервис коротких сообщений.
«На лекции, она скучная ☹ вот тебе дорогой пишу ☺».
«Дорогой» должно быть обособлено запятыми. Лучше бы лекцию слушала.
«☺ Что за лекция?»
Зачем я спрашиваю? Я и так прекрасно знаю. Надо выйти в интернет и проверить почту.
Отчёт о доставке.
Учёные говорят, что проверка электронной почты в социальных сетях является новой зависимостью, как курение, алкоголизм, наркомания. Я с ними согласен. Я уснул в два часа ночи, а сейчас девять. Кто мне мог написать ночью в этот промежуток времени? Никто, но надо проверить.
Нажимаю на ярлык браузера.
«Экономтеория ☺».
Я знаю.
«Хоть что-нить написала?»
Отправить. Все в SMS сокращают слова, чтобы сэкономить время и деньги. Каждую секунду в мире отправляют двести тысяч SMS. Получается, что в ту секунду, когда я нажал кнопку «Отправить», ещё двести тысяч людей по всему миру таких же, как я, сделали то же самое.

Справаздача аб дастаўцы.
Смайлы. Адзін пісьменнік у сацыяльных сетках замест брыдкіх пысаў друкуе «ўсмешка».
Кухня, гарбата, яечня, хлеб.
SMS расшыфроўваецца як short message service. У перакладзе з англійскай – сервіс кароткіх паведамленняў.
«На лекцыі, яна сумная ☹ вось табе дарагі пішу ☺».
«Дарагі» павінна адасабляцца коскамі. Лепш бы лекцыю слухала.
«☺ Што за лекцыя?»
Навошта я пытаюся? Я і так выдатна ведаю. Трэба выйсці ў інтэрнэт і праверыць пошту.
Справаздача аб дастаўцы.
Навукоўцы сведчаць, што праверка электроннай пошты ў сацыяльных сетках з'яўляецца новай залежнасцю, як курэнне, алкагалізм, наркаманія. Я з імі згодны. Я заснуў у дзве гадзіны ночы, а зараз дзевяць. Хто мог мне напісаць ноччу ў гэты прамежак часу? Ніхто, але трэба праверыць.
Націскаю на ярлык браўзера.
«Эканамтэорыя ☺».
Я ведаю.
«Хоць што напісала?»
Адаслаць. Усе ў SMS скарачаюць словы, каб сэканоміць час і грошы. Кожную секунду ў свеце адсылаецца 200 тысяч SMS. Атрымліваецца, што ў тую секунду, калі я націснуў «Адаслаць», яшчэ дзвесце тысяч чалавек па ўсім свеце зрабілі тое ж самае.

А секунду спустя ещё двести тысяч.
Отчёт о доставке.
Двухстам тысячам человек больше нечем заняться, как писать SMS.
В среднем, чтобы написать одну SMS, уходит около восьми секунд.
Так и знал, что никто не написал.
Тогда проверю «Новости». Может быть, здесь что-то изменилось?
Здесь всё по-старому.
Тогда зайду в «Рекомендации». Может быть, здесь что-то изменилось?
Здесь всё по-старому.
SMS пришло.
Тогда зайду в «Фотографии». Может быть, здесь что-то изменилось?
Здесь всё по-старому.
Печалишься, но есть ещё «Комментарии».
Ах, SMS пришло.
«Только дату ☺☺☺☺».
Что я должен писать?!! Ведь даже вопроса нет. Опять эти смайлы.
«Мне в интернете никто не пишет ☹».
Грустный смайл, грустная улыбка, улыбка грусти. Как это понимать?
Тогда зайду в «Комментарии». Может, здесь что-то изменилось?
Здесь всё по-старому.
Поставлю скачиваться фильм.
Отчёт о доставке.
Надо по группам пошариться. Думаю, скажи я так своей маме или своему папе, они бы меня не поняли. А что бы они поняли? Не знаю. Мой мозг

А праз секунду яшчэ дзвесце тысяч.
Справаздача аб дастаўцы.
Дзвесце тысяч чалавек больш не мае чым заняцца, як пісаць SMS.
У сярэднім, каб напісаць адну SMS, трэба каля васьмі секунд.
Так і ведаў, што ніхто не напісаў.
Тады праверу «Навіны». Можа, тут нешта змянілася?
Тут усё па-старому.
Тады зайду ў «Рэкамендацыі». Можа, тут нешта змянілася?
Тут усё па-старому.
Гук SMS.
Тады зайду ў «Фотаздымкі». Можа, тут нешта змянілася?
Тут усё па-старому.
Сумна, але ёсць яшчэ «Каментарыі».
Так, SMS.
«Толькі дату ☺☺☺☺».
Што я павінен пісаць?!! Тут нават пытання няма. Ізноў гэтыя смайлы.
«Мне ў інтэрнэце ніхто не піша ☹».
Сумны смайл, сумная ўсмешка, усмешка суму. Як гэта разумець?
Тады зайду ў «Каментарыі». Можа, тут нешта змянілася?
Тут усё па-старому.
Пастаўлю спампоўвацца фільм.
Справаздача аб дастаўцы.
Трэба па групах пашныряць. Думаю, скажы я так сваёй маме або тату, яны б мяне не зразумелі. А што б яны зразумелі? Не ведаю. Мой мозг настолькі

настолько «обинтернетился», что не могу мыслить по-другому. Браузер, юзер, торрент, логин, пароль, личная страничка, электронная почта заняли все места в зрительном зале моего жёсткого диска. Заняли места, которые должны занимать действительно полезные вещи.

Сейчас и не нужно запоминать ничего полезного. Заболел живот? Введи в поисковой системе «заболел живот». Хочешь приготовить романтический ужин? Введи в поисковике.

«Как приду домой, я тебе напишу ☺».

Будто бы мне не хватает твоих SMS. Напиши и там. Будем переписываться и по телефону, и через интернет. Можем SMS-ками обсуждать что-то серьёзное и одновременно шутить друг над другом в интернете.

«Я буду радостный очень ☺».

И опять вместе со мной по всему миру двести тысяч человек нажали кнопку «Отправить».

Она обрадуется такому сообщению. Если написать правду, то она обидится. Я этого не хочу.

Люди не привыкли слышать правду.

Отчёт о доставке.

Нам врут в газетах. Нам врут в телевизоре. Нам врут в школе, университете, работе! Врут везде. Мы привыкли к вранью. Мы боимся услышать правду.

«Я сделаю всё, чтобы тебя порадовать ☺».

Перестань мне писать!!!

«Давай встретимся сегодня».

«абынтэрнэціўся», што не магу думаць па-іншаму. Браўзер, юзер, торэнт, лагін, пароль, хатняя старонка, электронная пошта занялі ўсё месца ў маёй памяці. Занялі месца, якое павінны займаць сапраўды вартыя рэчы.
Зараз і не трэба нічога запамінаць. Баліць жывот? Увядзі ў пошукавай сістэме «баліць жывот». Хочаш прыгатаваць рамантычную вячэру? Увядзі ў пошукавіку.
«Як прыйду дамоў, я табе напішу ☺».
Быццам бы мне мала тваіх SMS. Напішы і там. Будзем перапісвацца і па тэлефоне, і праз інтэрнэт. Можам SMS-камі абмяркоўваць нешта сур'ёзнае і адначасова кпіць адно з аднаго ў інтэрнэце.
«Я буду рады вельмі ☺».
І зноў адначасова са мной па ўсім свеце дзвесце тысяч чалавек націснулі «Адаслаць».
Яна будзе рада такому паведамленню. Калі напісаць праўду, то яна пакрыўдзіцца. Я гэтага не хачу.
Людзі не прывыклі да праўды.
Справаздача аб дастаўцы.
Нам хлусяць у газетах. Нам хлусяць па тэлевізары. Нам хлусяць у школе, ва ўніверсітэце, на працы! Хлусяць усюды. Мы прызвычаіліся да хлусні. Мы баімся пачуць праўду.
«Я зраблю ўсё, каб цябе парадаваць ☺».
Перастань мне пісаць!!!
«Давай сустрэнемся сёння».
Мы не бачыліся амаль тыдзень. З мінулай пятніцы, ужо субота. Гулялі нядоўга. Цяжка было размаўляць. Не мелі чаго сказаць. Пасадзіў на аўтобус. Праз

Мы не виделись почти неделю. С прошлой пятницы, сейчас суббота. Гуляли недолго. Тяжело было разговаривать. Нечего было сказать. Посадил на автобус. Через несколько секунд от неё пришло SMS. «Хорошо погуляли ☺», и так до самой ночи переписывались. А при встрече нечего было сказать.
Зато раньше могли на несколько дней уехать куда-нибудь, никого не предупредив. Телефоны не брали, чтобы никто не мешал, чтобы были только она и я. Зато сейчас без телефона никуда. Что произошло?
Отчёт о доставке.
Зато эсэмэситься – до глубокой ночи. А ей с утра на пары в субботу. Я в субботу не учусь, сплю утром. А у неё – экономическая теория.
Ей скучно.
А я сплю.
Она пишет мне.
Я не сплю.
Фильм почти скачался, раздался сигнал.
«Я сегодня не могу ☹ с подругой по магазинам ☺ а вечером маме помогать извини ☹».
Какая подруга? У моего друга сегодня День Рождения!!!
«У моего друга ДР ☺».
Отчёт о доставке.
Сразу же.
«Ты же знаешь, как отношусь к твоим друзьям ☹» .
Знаю. Я слабак. Не умею выбирать друзей.

некалькі секунд ад яе прыйшло SMS. «Добра пагулялі ☺». Так да самай ночы і перапісваліся. А пры сустрэчы не было чаго сказаць.
Затое раней маглі на некалькі дзён паехаць куды-небудзь, нікога не папярэдзіўшы. Тэлефоны не бралі, каб ніхто не перашкаджаў, каб былі толькі яна і я. Затое цяпер без тэлефона нікуды. Што адбылося?
Справаздача аб дастаўцы.
Затое эсэмэсіцца – хоць да глыбокай ночы. А ёй з раніцы на пары ў суботу. Я ў суботу не вучуся, сплю раніцай. А ў яе – эканамічная тэорыя.
Ёй сумна.
А я сплю.
Яна піша мне.
Я не сплю.
Фільм амаль спампаваны, пачуўся сігнал.
«Я сёння не магу ☹ з сяброўкай па крамах ☺ а ўвечары маме дапамагаць прабач ☹».
Якая сяброўка? У майго сябра сёння дзень народзінаў!
«У майго сябра ДН ☺».
Справаздача аб дастаўцы.
Адразу ж.
«Ты ж ведаеш маё стаўленне да тваіх сяброў ☹».
Ведаю. Я слабак. Не ўмею выбіраць сяброў.
Хай бы сяброўка апынулася нейкім хлопцам, і ты нарэшце адстала ад мяне.
«А сяброўка выпадкова не мужчынскага роду? ☺»

Хоть бы подруга оказалась каким-нибудь парнем, и ты наконец отстала от меня.
«А подруга случайно не мужского рода? ☺»
Вот я юморной, аж тошнит. Желаемое выдаю за шутку.
За последние три года количество сообщений в мире утроилось.
Отчёт о доставке. Долбаные отчёты! Как их отключить?!
Людям втрое надоело живое общение.
Людям втрое надоели живые эмоции.
Людям втрое надоели живые люди.
«Хаха ☺ это Светка ☺».
Смайлы заменили точки ☺
«Ясно».
Один мой хороший знакомый сказал, что когда ты получаешь в SMS «Ясно», понимаешь, что тебя тактично послали. Я запомнил это высказывание надолго.
Отчёт о доставке.
Надоели отчёты. Раздражает. Отключил.
«Любишь пончики?»
Еду американских полицейских?
«Так же, как и тебя ☺».
Фильм скачался.
Может, пробежаться?
Но фильм уже скачался.
Может, сходить на турники?

Вось я гумарыст, аж ванітуе. Жаданае выдаю за жарт.
За апошнія тры гады колькасць паведамленняў у свеце патроілася.
Справаздача аб дастаўцы. Халерныя справаздачы! Як іх адключыць?!
Людзям утрая надакучылі жывыя зносіны.
Людзям утрая надакучылі жывыя эмоцыі.
Людзям утрая надакучылі жывыя людзі.
«Хаха ☺ гэта Светка ☺».
Смайлы замянілі кропкі ☺
«Зразумела».
Адзін мой добры знаёмы сказаў, што калі ты атрымліваеш у SMS «Ясна», разумееш, што цябе тактоўна паслалі. Я запомніў гэта выказванне надоўга.
Справаздача аб дастаўцы.
Надакучылі справаздачы. Раздражняе. Адключыў.
«Любіш пончыкі?»
Ежу амерыканскіх копаў?
«Гэтак жа, як і цябе ☺».
Фільм спампаваны.
Можа, прабегчыся?
Але фільм ужо спампаваны.
Можа, схадзіць на турнікі?
Але я даўно хацеў паглядзець гэты фільм.
Можа, прабегчыся, а потым – на турнікі?
Пагляджу фільм, які даўно хацеў паглядзець і які ўжо спампаваны, прабягуся, а потым – на турнікі.

Но я давно хотел посмотреть этот фильм.
Может, пробежаться, а потом – на турники?
Посмотрю фильм, который давно хотел посмотреть и который уже скачан, и пробегусь, а потом – на турники.
«Это как?»
Включил фильм.
Не очень.
«Очень, очень, очень сильно ☺».
Какой бред!
Входящие, функции, удалить всё? Да!
Исходящие, функции, удалить всё? Да!
«Я тебя тоже очень-очень люблю, солнце мое ☺».
Как это мило. Где мой тазик, чтобы проблеваться? Как же она любит сюсюканье.
Может, ей сказать, что я ненавижу сюсюканье?
«Я тебя все равно больше люблю ☺».
Она знает.
Всё начало фильма пропустил, перемотаю на начало.
Она расстроится. Я ей говорил.
Она опять расстроится.
«Я тебя миллион раз люблю ☺».
Как это она так «миллион» с двумя «л» написала? Наверное, сначала печатала с одной, но Т9 понёс чепуху. Потом написала с двумя.
«72 миллиона раз ☺».

«Гэта як?»
Уключыў фільм.
Не вельмі.
«Вельмі, вельмі, вельмі моцна ☺».
Халера!
Прынятыя паведамленні, функцыі, выдаліць усё? Так!
Адасланыя паведамленні, функцыі, выдаліць усё? Так!
«Я цябе таксама вельмі-вельмі люблю, сонца маё ☺».
Як гэта міла. Дзе мой тазік, каб званітаваць? Як жа яна любіць сюсюканне.
Можа, ёй сказаць, што я ненавіджу сюсюканне?
«Я цябе ўсё адно больш люблю ☺».
Яна ведае.
Увесь пачатак фільма прапусціў, перамотваю назад.
У яе папсуецца настрой. Я ёй казаў.
Яна зноў засмуціцца.
«Я цябе мільён разоў люблю ☺».
Як гэта яна «мільён» з мяккім знакам напісала? Напэўна, спачатку друкавала з апострафам, але T9 не прапанаваў нічога. Потым напісала правільна.
«72 мільёны разоў ☺».
О-о-о, гэта надоўга.
Фільм на старт.
Фільм на стоп.
На кухню па гарбату.

О-о-о, это надолго затянется.
Фильм на старт.
Фильм на стоп.
На кухню за чаем.
Фильм на старт.
SMS. Ответ на автомате.
Дальше смотреть фильм.
Никуда я не пойду: ни бегать, ни подтягиваться.
SMS. Ответ на автомате.
Говорят, если часто разговаривать по телефону, то можно заработать рак мозга. А если писать много SMS, можно заработать рак пальцев? А есть ли рак пальцев? Потом посмотрю в интернете.
Дальше смотреть фильм.
SMS. Ответ на автомате.
«…О чём ты мечтаешь?»
«Ни о чём. У меня всё есть: работа, дом, машина».
«А то, что не касается ‘‘великой американской мечты’’?»
«В смысле?»
«То, что не касается денег?»
«Другое меня не интересует».
«Так и жизнь пройдёт, не заметишь».
«У меня есть фотоаппарат. И есть деньги. Благодаря им я свободен от всех».
«Ты слишком зависим от своих вещей…»

Фільм на старт.
SMS. Адказ на аўтамаце.
Далей глядзець фільм.
Нікуды я не пайду: ні бегаць, ні падцягвацца.
SMS. Адказ на аўтамаце.
Кажуць, калі часта размаўляць па тэлефоне, то можна захварэць на рак мозгу. А калі пісаць шмат SMS, можна захварэць на рак пальцаў? Ці бывае рак пальцаў? Потым зірну ў інтэрнэце.
Далей гляджу фільм.
SMS. Адказ на аўтамаце.
«...Пра што ты марыш?»
«Ні пра што. У мяне ўсё ёсць: праца, дом, машына».
«А тое, што не датычыць "вялікай амерыканскай мары"?»
«У сэнсе?»
«Тое, што не тычыцца грошай?»
«Іншае мяне не цікавіць».
«Так і жыццё пройдзе, не заўважыш».
«У мяне ёсць фотаапарат. І ёсць грошы. Дзякуючы ім я вольны ад усіх».
«Ты занадта залежны ад сваіх рэчаў...»
А калі я стаў ад іх залежным? У дзяцінстве я не плакаў нават, калі ў мяне скралі ровар. А зараз баюся выйсці з дому, забыўшыся на тэлефон, плэер і зарадныя ад іх, калі сыходжу надоўга. Сотавы тэлефон побач са мной дваццаць чатыры гадзіны на суткі і сем дзён на тыдзень.

А когда я стал от них зависим? Ведь в детстве я даже не плакал, когда у меня украли велосипед. А сейчас боюсь выйти из дома, забыв телефон, плеер и зарядные устройства от них, если ухожу надолго. Сотовый телефон рядом со мной двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю.
SMS. Ответ на автомате.
Фильм на старт.
Куда пропали мои мечты?
Сигнал из соцсетей. Кому-то понравилась моя фотография.
Неужели все мои мечты заменили телефон новой модели, мощный ноутбук, быстрый интернет, громкие наушники?
Кто я без всего этого?
Никто.
SMS. Не до тебя сейчас.
Встаю с дивана, хожу по комнате. Когда-то я прочитал одно стихотворение какого-то современного поэта. Не помню, как его имя. Кажется, оно начинается на Ф. Стих понравился. Даже выписал на листок. Или его имя на Г? Куда я положил этот листок? Лежал на столе же.
Под столом? Нет.
За компьютером? Нет.
Под клавиатурой? Нет.
На книжной полке? Да.

«Если бы всё нормально было,
То я сказку смог бы сделать былью.
Но есть проблемы из другой плоскости:

SMS. Адказ на аўтамаце.
Фільм на старт.
Куды зніклі мае мары?
Сігнал з сацыяльных сетак. Хтосьці ўпадабаў маё фота.
Няўжо ўсе мае мары замянілі тэлефон новай мадэлі, круты ноўтбук, хуткі інтэрнэт, гучныя навушнікі?
Хто я без усяго гэтага?
Ніхто.
SMS. Не да цябе цяпер.
Падымаюся з канапы, хаджу па пакоі. Калісьці я прачытаў верш нейкага сучаснага паэта. Не памятаю, як яго прозвішча. Здаецца, пачынаецца на Ф. Верш спадабаўся. Нават выпісаў на лісток. Ці яго імя на Г? Куды я падзеў гэты аркуш? Ляжаў жа на стале.
Пад сталом? Няма.
За камп'ютарам? Няма.
Пад клавіятурай? Няма.
На кніжнай паліцы? Так.

«Калі б мы ўсё рабілі нармальна,
То жылося б амаль ідэальна.
Але помніць заўжды мы павінны:
Паглядзець у сацсетках навіны,
Можа, выклаў хто 100 фотаздымкаў?
Можа, мне ў каментар нехта «дзынкнуў».

Я ещё в соцсетях не проверил новости.
Может, кто-то выложил сто фотографий?
Кому-то же плохо будет без моих комментариев.
Может, кто-то ждёт от меня сообщений?
А тут ещё двести штук нововведений.
Эти провода, это оптическое волокно
Окутало, сплело, околдовало, заволокло.
Сто мегабит в секунду, конечно, мало.
Жадность-подруга никуда не исчезала.
Посмотрим, сколько здесь, и, всё сравнив,
Выберем себе самый лучший тариф.
А у соседа какой? Зависть появилась тут же.
Надо нам, как у него, или даже в сто раз лучше.
Из окна доносится, как смеются дети.
Солнце зовёт тебя и приветливо светит…
Но слышится знакомый звуковой сигнал.
Пойду проверю, кто это вдруг мне написал».

У меня в жизни всё так же.

Подхожу к окну, смотрю на проезжающие мимо машины. Иду в другую комнату.

Живу один.

Я снимаю двухкомнатную квартиру.

Учусь. Приезжий.

Родители в другом городе.

Хтось чакае маіх эсэмэсак?
Хтось шукае прыгодаў сумесных?
Цянётаў гэтых аптычнае валакно
Ахутала, зачаравала ды апляло.
Сто мегабіт за секунду, вядома, мала.
Прагнасць-сяброўка нікуды пакуль не знікала.
Паглядзім навакол, падаб'ём каштарыс,
Абярэм для сябе самы лепшы тарыф.
А ў суседа які? Зайздрасць тут жа, як клешч.
Трэба ж, як у яго, ці то ў сто разоў лепш.
А за вокнамі, чуеш, вясёлыя дзеці.
Сонца кліча на шпацыр і радасна свеціць…
Але зноўку знаёмы сігнал прагучаў.
Я бягу правяраць, хто там мне напісаў».

У маім жыцці ўсё тое ж самае.
Падыходжу да акна, гляджу на машыны, якія праязджаюць міма. Іду ў іншы пакой.
Жыву адзін.
Я здымаю двухпакаёвую кватэру.
Вучуся. Прыезджы.
Бацькі ў іншым горадзе.
Яны здымаюць мне двухпакаёвую кватэру.
У двары дзеці гуляюць.
Дзевяць гадзін раніцы.

Они снимают мне двухкомнатную квартиру.
Во дворе дети играют во что-то.
Девять часов утра.
Дети играют во дворе.
Девять часов утра.
Что-то спать захотелось.
«Дорогая, я посплю! Как проснусь, тебе напишу».
«Ок ☺».
Потом досмотрю фильм.
Потом пойду на турники.
Надо найти свою мечту.
Нельзя жить без мечты.
Пойду посплю.
Потом найду мечту.
Как проснусь.
Отключу телефон. Нет. Вдруг кто-нибудь напишет.
Ты просыпаешься от сигнала SMS. Тянешь руку, нащупал, открыл глаза.
Посмотрел на часы. 11:00.
«Соня, вставай, уже 11 ☺».
«Встаю».
Отправить. Сообщение не отправлено.
Баланс, вызвать, долг.
Нужно положить денег на телефон.
Отправлю SMS, что у меня долг, так называемую «попрошайку».

Дзеці гуляюць у двары.
Дзевяць гадзін раніцы.
Нешта спаць захацелася.
«Любая, я пасплю! Як прачнуся, табе напішу».
«Ок ☺».
Потым дагляджу фільм.
Потым пайду на турнікі.
Трэба знайсці сваю мару.
Нельга жыць без мары.
Пайду пасплю.
Потым знайду мару.
Як прачнуся.
Адключыць тэлефон. Не. Раптам хтосьці напіша.
Ты прачынаешся ад сігналу SMS. Выцягваеш руку, намацаў, расплюшчыў вочы. Паглядзеў на гадзіннік. 11:00.
«Соня, уставай, ужо 11 ☺».
«Устаю».
Адправіць. Паведамленне не адпраўлена.
Баланс, выклікаць, доўг.
Трэба пакласці грошы на тэлефон.
Адпраўляю SMS, што ў мяне доўг.
«Грошыкі скончыліся? Я чакаю ☺».
Схадзіла б ды закінула мне грошай.

«Денежка закончилась? Я жду ☺».
Сходила и забросила бы мне денег.
Встаёшь, идёшь на кухню, открываешь холодильник, достаёшь сок, пьёшь.
Мне 21 год, а я был только в двух городах: в этом и в котором родился.
Объездить мир?
Объездить страну?
Объездить область?
Объездить город?
Пройтись по улице? Надо пополнить счёт на мобильном телефоне. Надо ей написать.
Ещё раз умылся.
Вышел на улицу. Зажмурился от яркого солнца. Дети до сих пор играют. Я ребёнком тоже играл. Может, это другие дети. Я до сих пор ребёнок. А в детстве я точно так и играл. И жмурился от яркого солнца. Забыл плеер. Пойду обратно. Нет. Обойдусь хотя бы раз без него. Послушаю город. Буду слушать город и жмуриться от яркого солнца. Спустился вниз по улице, перебежал дорогу. Вспомнил. Забыл ещё и кошелёк. Пошёл обратно.
– Парень! Парень, стой! – какой-то мужик из автомобиля окликнул меня. – Где пятый дом?
– А какая улица?
Дорогая немецкая машина, должен быть GPS. Здесь пересечение двух улиц, но ни на одной из них я не знаю, где пятый дом. Зачем я спросил?
Мужик сказал название.
– Нет, не знаю. Спроси у бабушек. Они по-любому знают.

Падымаешся, ідзеш на кухню, адчыняеш лядоўню, дастаеш сок, п'еш.
Мне 21 год, а я быў толькі ў двух гарадах: у гэтым і ў тым, дзе нарадзіўся.
Аб'ехаць свет?
Аб'ехаць краіну?
Аб'ехаць вобласць?
Аб'ехаць горад?
Прайсціся? Трэба папоўніць рахунак на мабільным. Трэба ёй напісаць.
Яшчэ раз памыўся.
Выйшаў на вуліцу. Зажмурыўся ад яркага сонца. Дзеці да гэтага часу гуляюць. Я дзіцёнкам таксама гуляў. Можа, гэта іншыя дзеці. Я да гэтага часу дзіця. А ў дзяцінстве я таксама так гуляў. І жмурыўся ад яркага сонца. Забыўся на плэер. Пайду назад. Не. Абыдуся хоць раз без яго. Паслухаю горад. Буду слухаць горад і мружыць вочы ад зыркага сонца. Спусціўся ўніз па вуліцы, перабег дарогу. Успомніў. Забыўся яшчэ і на гаманец. Пайшоў назад.
– Хлопец! Хлопец, стой! – нейкі мужык з аўтамабіля паклікаў мяне. – Дзе пяты дом?
– А якая вуліца?
Дарагая нямецкая машына, павінен быць GPS. Тут скрыжаванне дзвюх вуліц, але ні на адной з іх я не ведаю, дзе пяты дом. Навошта я спытаў? Мужык назваў.
– Не, не ведаю. Спытай у бабуль. Яны па-любому ведаюць.
– Добра.
З'ехаў.

– Хорошо.
Уехал.
Это первый человек, с кем я разговаривал за последние сутки голосом, а не сообщениями. После того как я вчера ушёл из университета и пришёл домой, я только и делал, что писал сообщения и отправлял письма. Продукты тоже покупал молча. Скайп и тот был отключён.
Погода хорошая, потом пробегусь.
Взял кошелёк, перебежал дорогу, зашёл в магазин. Подошёл к терминалу. Комиссия. Пойду до салона сотовой связи. Как же всё-таки нежелание потратить лишние рубли может заставить пройти лишние двести метров.
Пополнил счёт.
«Я теперь не на мели ☺».
«Ура!!!»
«Что делаешь?»
Можно спокойно идти домой. Блин, как далеко до дома. Идёшь и смотришь вокруг себя на окружающий мир: дома, люди, автомобили. Раньше я этого не замечал. Идёшь и смотришь вокруг.
SMS. Идёшь и смотришь в маленький экран телефона.
«Большая перемена. Пошли с девчатами в кафе ☺».
Следом ещё одна.
«А ты?»
Куда без ответного вопроса? «Как дела?» – «Норм. А у тебя?» – «Ты где?» – «Здесь, а ты?» И так далее.
«Иду домой ☺».

Гэта быў першы чалавек, з якім я размаўляў за апошнія суткі голасам, а не паведамленнямі. Пасля таго як учора сышоў з універсітэта і прыйшоў дахаты, я толькі і рабіў, што пісаў паведамленні і адпраўляў лісты. Прадукты таксама купляў моўчкі. Скайп і той быў адключаны.
Надвор'е добрае, потым прабягуся.
Узяў гаманец, перабег дарогу, зайшоў у краму. Падышоў да тэрмінала. Камісія. Пайду да салона сотавай сувязі. Як жа ўсё-ткі нежаданне выдаткаваць лішнія рублі можа прымусіць прайсці лішнія дзвесце метраў.
Папоўніў рахунак.
«Маю грошы ☺».
«Ура!!!»
«Што робіш?»
Можна спакойна ісці дадому. Блін, як далёка. Ідзеш і глядзіш на навакольны свет: дамы, людзі, аўтамабілі. Раней я гэтага не заўважаў. Ідзеш і глядзіш вакол. SMS. Ідзеш і глядзіш на маленькі экран тэлефона.
«Вялікі перапынак. Пайшлі з дзяўчатамі ў кавярню ☺».
Следам яшчэ.
«А ты?»
Куды без пытання ў адказ? «Як справы?» – «Нармаль. А ў цябе?» – «Ты дзе?» – «Тут, а ты?» І гэтак далей.
«Іду дадому ☺».
Сонца свеціць ярка, аўтамабілі праязджаюць міма не так часта, як у будзённыя дні. Трэба часцей выбірацца з электроннага палону.

Солнце светит ярко, автомобили, проезжающие мимо, не так часты, как в будни. Надо почаще выбираться из электронного плена.
Побежал через дорогу. SMS. Отвлёкся. Остановился.
«Вы пополнили счёт…» и что-то ещё.
Гудок. Удар. SMS. Боль. Полёт. Крики людей. Падение. Боли нет.

Ты лежишь на асфальте посреди дороги. Вокруг тебя собралась толпа. Кто-то щупает пульс. Кто-то говорит по телефону в слезах. У кого-то истерика. Кто-то делает массаж сердца. Насмотрелись американских фильмов. Боли нет.
«Ты чего не отвечаешь?»
Ты смотришь на всё это со стороны. Слышится крик: «Здесь есть врач? Кто-нибудь, вызовите врача!»
В ответ чья-то истерика.
«Ты почему молчишь?»
Странно, но телефон не разбился. Он отлетел метров на десять от меня.
«Опять деньги закончились?»
А я – метров на десять от машины.
Кто-то пытается остановить кровь.
«Ты чего меня игноришь?»
«Скорая» еще не приехала. Водитель пытается мне помочь изо всех сил. Толпа зевак становится меньше.
«Всё, я обиделась ☹».
Извини…

Конец.

Пабег цераз дарогу. SMS. Прыпыніўся.
«Вы папоўнілі кошт...» і нешта яшчэ.
Гудок. Удар. SMS. Боль. Палёт. Крыкі людзей. Падзенне. Болю няма.

Ты ляжыш на асфальце пасярод дарогі. Вакол цябе сабраўся натоўп. Хтосьці мацае пульс. Хтосьці ў слязах гаворыць па тэлефоне. У кагосьці істэрыка. Хтосьці робіць масаж сэрца. Наглядзеліся амерыканскіх фільмаў. Болю няма.
«Ты чаго не адказваеш?»
Ты глядзіш на ўсё гэта збоку. Чуецца крык: «Тут ёсць доктар? Хто-небудзь, доктара!»
У адказ чыясь істэрыка.
«Ты чаму маўчыш?»
Дзіўна, але тэлефон не разбіўся. Ён адляцеў метраў на дзесяць ад мяне.
«Ізноў грошы скончыліся?»
А я – метраў на дзесяць ад машыны.
Хтосьці спрабуе спыніць кроў.
«Ты чаго мяне ігнаруеш?»
«Хуткая» яшчэ не прыехала. Кіроўца спрабуе мне дапамагчы, як можа. Натоўп разявак меншае.
«Усё, я пакрыўдзілася ☹».
Прабач...

Канец.

МОЛОДЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
МАЛАДЫЯ БЕЛАРУСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

Николай Андреев	Мікалай Андрэеў
Алёна Белоножка	Алёна Беланожка
Дарья Вашкевич	Дар'я Вашкевіч
Маргарита Латышкевич	Маргарыта Латышкевіч
Ольга Черкас	Вольга Чэркас

Николай Андреев

Авторский перевод на белорусский язык

Мікалай Андрэеў

Аўтарскі пераклад на беларускую мову

Николай Андреев родился 15 октября 1987 года в г. Минске. С 2003 по 2005 год учился в Лицее при БГУ. В 2010 году окончил исторический факультет Белорусского государственного университета. С 2010 по 2012 год работал в отделе рекламы и маркетинга страховой компании «Белгосстрах». В 2009 году в журнале «Нёман» был опубликован рассказ «Пока есть время».

Мікалай Андрэеў нарадзіўся 15 кастрычніка 1987 года ў г. Мінску. З 2003 па 2005 год навучаўся ў Ліцэі пры БДУ. У 2010 годзе скончыў гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. З 2010 па 2012 год працаваў у аддзеле рэкламы і маркетынгу страхавой кампаніі «Белгосстрах». У 2009 годзе ў часопісе «Нёман» было апублікавана апавяданне «Пока есть время».

МИНСКЪ-CITY

1.

Из чего, как вы думаете, состоит город?

Из кварталов, крыш, площадей, рынков и проезжей части? Или из памятников, музеев, кинотеатров, исторических достопримечательностей? Или, может, из набережных, кафе, парков и фонтанов?

Если быть до конца откровенным – то из всего сразу. Каждый человек в отдельности воспринимает город как что-то родное. Волей-неволей, оказываясь в незнакомом городе, мы стремимся почувствовать себя как можно комфортней и как можно скорей. А что может быть лучше, чем просто размотать клубок своих родных ассоциаций и протянуть нити воспоминаний по незнакомым проспектам и улицам?

Вот если взять в общем, то любой город в мире складывается из двух главных частей. Из города и горожан. Как бы там ни было, его внешний облик изменяется не так стремительно, как образ в головах людей. Образы. Поколения. Когда думаешь «старый город», сразу же представляются дореволюционные фотокарточки с последними экипажами и доисторическими трамваями на первом плане. А кто-нибудь думает такими категориями, например, как «новый город»? Разве что только из-за местных самоназваний.

Минск не стал исключением из этого правила. Объективно – город удалён от современного восприятия столицы. Город, если можно так сказать,

МІНСКЪ-CITY

1.

Як вы думаеце, з чаго складаецца горад?

З кварталаў, дахаў, плошчаў, рынкаў і праезджай часткі вуліцы? Ці з помнікаў, музеяў, кінатэатраў, гістарычных мясцін? Ці, можа, з узбярэжжаў, кафэ, паркаў і фантанаў?

Калі быць да канца шчырым – то з усяго адразу. Кожны чалавек сам па сабе ўспрымае горад як нешта роднае. Апынуўшыся ў незнаёмым горадзе, мы міжволі імкнемся адчуць сябе як мага камфортней і як мага хутчэй. А што можа быць лепей, чым проста разматаць клубок сваіх родных асацыяцый і працягнуць ніткі ўспамінаў па незнаёмых праспектах і вуліцах?

А вось калі ўзяць у агульным, то любы горад на свеце складаецца з дзвюх галоўных частак. З горада і гараджан. Як бы там ні было, яго знешняе аблічча змяняецца не так імкліва, як вобраз у галовах людзей. Вобразы. Пакаленні. Калі думаеш «стары горад», адразу ж уяўляюцца дарэвалюцыйныя фотакарткі з апошнімі экіпажамі і дагістарычнымі трамваямі на першым плане. А ці думае хто-небудзь такімі катэгорыямі, як, напрыклад, «новы горад»? Хіба што толькі з-за мясцовых саманазваў.

Мінск не стаў выключэннем з гэтага правіла. Аб'ектыўна – горад аддалены ад сучаснага ўспрымання сталіцы. Горад, калі можна так сказаць, анахранічны свайму часу. Але ў ім жывуць людзі. І многія гараджане валодаюць новым

анахроничен своему времени. Но в нём живут люди. И многие горожане обладают новым типом мышления, новым взглядом на мир. Самое в этом интересное, что в представлении современного поколения двадцатилетних город рисуется почти так же, каким он выглядит на своей историограмме.

История города, как и молодёжная карта города, состоит из одних и тех же точек. Факты, места, события – в этой системе координат потеряться будет просто, конечно, если ты плохо ориентируешься в городе. Например, можно здорово разбираться в древностях города, однако делать глаза по чайному блюдцу, услышав «стрелка на Яке» или «туса на кишке».

Совершенно очевидно и естественно, что сам город в его исторической ретроспективе и взаимосвязанном с этим представлении старшего поколения жителей в реальности не является тем городом, в котором живёт новое поколение.

Краеведы и историки только изредка могут оживить «ископаемый» город. А вот молодые преемники Минска с рождения существуют в гораздо более подвижной среде. Город обретает новую кровь и учащает пульс, когда его улицы заполняются энергией молодой жизни.

Весна уже заполонила городские капилляры-улочки на окраинах. И наконец, добралась до главных артерий – проспектов. Как и многие другие бывшие советские столицы, Минск имеет проспектный скелет. Все более-менее значащие дела творятся на этих условных линиях, которые со временем становятся всё более безусловными. Разумеется, относительно тех, кто в этих линиях что-то смыслит. Или прячет.

тыпам мыслення, новым поглядам на свет. Самае цікавае ў гэтым, што ва ўяўленні сучаснага пакалення дваццацігадовых горад малюецца амаль таксама, як ён выглядае на сваёй гісторыяграме.

Гісторыя горада, як і моладзевая карта горада, складаецца з адных і тых жа пунктаў. Факты, месцы, падзеі – вядома, што ў гэтай сістэме каардынат згубіцца будзе проста, вядома, калі ты дрэнна арыентуешся ў горадзе. Напрыклад, можна выдатна разбірацца ў старажытнасцях горада, аднак рабіць вочы па чайным сподачку, пачуўшы «стрэлка на Яку» або «туса на кішцы».

Цалкам відавочна і натуральна, што сам горад у яго гістарычнай рэтраспектыве і ўзаемазлучаным з гэтым уяўленнем старэйшага пакалення жыхароў у сапраўднасці не з'яўляецца тым горадам, у якім жыве новае пакаленне.

Краязнаўцы і гісторыкі толькі зрэдку могуць ажывіць «выкапнёвы» горад. А вось маладыя пераемнікі Мінска з нараджэння існуюць у значна больш рухомым асяроддзі. У горада абнаўляецца кроў і пачашчаецца пульс, калі яго вуліцы запаўняюцца энергіяй маладога жыцця.

Вясна ўжо напоўніла гарадскія капіляры-вулачкі на ўскраінах. І нарэшце, дабралася да галоўных артэрый – праспектаў. Як і многія іншыя былыя савецкія сталіцы, Мінск мае праспектны шкілет. Усе больш-менш значныя справы дзеюцца на гэтых умоўных лініях, якія з часам становяцца ўсё больш безумоўнымі. Зразумела, адносна тых, хто ў гэтых лініях нешта разумее. Ці штосьці хавае.

Дзіма, да прыкладу, нічога не хаваў. Ён заўсёды сумленна дзяліўся цыгарэтамі са сваім сябрам Колем Паўлавым. Той, у сваю чаргу, быў чалавекам імпульсіўным і засяроджаным, з-за чаго насіў гутарковую мянушку «Пульс». А Дзіма, з-за

Дима, например, ничего не прятал. Он всегда честно делился сигаретами со своим другом Колей Павловым. Тот, в свою очередь, был человеком импульсивным и сосредоточенным, отчего носил говорящую кличку «Пульс». А Дима, из-за своего увлечения музыкой (в частности – бессмертным Джимми Хендриксом), удостоился звучного тусовочного погоняла «Джимми».
Так вот, оба этих типа шагали по горбатой Ульяновской, имея в планах посетить историческую резервацию Старого города. Пульс, как всегда, жаловался на то, что в Минске так мало свободных тусовочных мест и что каждый раз приходится тыкаться в одни и те же:
– Ну, вот смотри, Джимми. Мы вчера были в парке Горького. Сегодня мы уже были на Яке, на реке, и в общем-то, у нас и осталась одна Немига.
– Ты опять нудишь, что город тебе надоел?
– Да, чувак, я торчу тут уже третий год безвылазно. Знаешь, даже если бы это был Рим, он бы мне точно так же осто…
– Ну-ну! Рим. Это лучше, чем Рим, – Джимми многозначительно поднял указательный палец. – Ты только подумай! Много ты знаешь о городе?
Пульс искоса посмотрел на приятеля.
– Ты чего мне тут крутишь?
– Я ничего не кручу. Я про то, что мы действительно тусуемся по одним и тем же местам. А вот я уверен, что стрит гораздо шире.
– Ай, ладно, – Пульс нетерпеливо махнул рукой. – Знаешь, по такой погоде мне сейчас всё хорошо. Так что давай не будем париться и… стой! Твою мать, красный же свет!
Джимми замер на переходе как вкопанный.

свайго захаплення музыкай (у прыватнасці – бессмяротным Джымі Хендрыксам), быў уганараваны гучным тусовачным паганялам «Джымі».

Дык вось, абодва гэтыя тыпы крочылі па гарбатай Ульянаўскай, маючы на мэце наведаць гістарычную рэзервацыю Старога горада. Пульс, як заўсёды, скардзіўся на тое, што ў Мінску так мала вольных тусовачных мясцінак і што кожны раз даводзіцца совацца ў адны і тыя ж:

– Ну, вось глядзі, Джымі. Мы ўчора былі ў парку Горкага. Сёння мы ўжо былі на Яку, на рацэ, і ўвогуле, у нас засталася толькі адна Няміга.

– Ты зноў жмiндзіш, што горад табе надакучыў?

– Так, чувак, я тырчу тут ужо трэці год невылазна. Ведаеш, нават калі б гэта быў Рым, ён бы мне сапраўды гэтак жа аста...

– Ну-ну! Рым. Гэта лепш, чым Рым, – Джымі шматзначна падняў указальны палец. – Ты толькі падумай! Ці так ужо многа ты ведаеш пра горад?

Пульс скоса зірнуў на прыяцеля.

– Ты чаго мне тут укручваеш?

– Я нічога не кручу. Я пра тое, што мы сапраўды тусуемся па адных і тых жа месцах. А вось я ўпэўнены, што наш стрыт значна шырэйшы.

– Ай, ладна, – Пульс нецярпліва махнуў рукой. – Ведаеш, па такім надвор'і мне зараз усё ладна. Так што давай не будзем парыцца і... стой! Тваю матку, чырвонае ж святло!

Джымі замёр на пераходзе як укапаны.

– Так, чырвонае святло – дарогі не дало. Ведаюць нават маленькія дзеці, – пажартаваў ён, каб хоць неяк апраўдаць сваю няўважлівасць. Джымі наогул

– Да, красный свет – дороги нет. Знают даже маленькие дети, – отшутился он, чтобы хоть как-то оправдать свою невнимательность. Джимми вообще редко когда замечал переходы. А здесь, когда оставалось всего ничего до стеклянной арки метрополитена, внимание его было совершенно отстранено от проблем безопасности дорожного движения. Предвкушая выход на финишную прямую под лучами апрельского солнца и всяческие бонусы в виде красивых (и просто симпатичных) попутчиц, Джимми витал в грёзах.
Пульс пригрозил пальцем и озвучил пару грязноватых идиом. Джимми только развёл руками – ну ведь, в самом деле, велика беда!

2.

Здание Оперного после реконструкции заметно преобразилось. Правда, некоторая дисгармония титанических фигур на фасаде и тортообразной конструкции самого театра хоть и резала эстетически закалённый глаз, в целом картина была очень даже ничего. На лестнице, недалеко от грандиозного фонтана, копошился выводок архитекторов. Практическое занятие. Зарисовка объекта в какой-то там перспективе.
Девочки галдят, мальчики ломают друг другу карандаши, преподаватель – молодая аспирантка – пытается подвести всех к общему знаменателю. У неё в личной жизни водородный взрыв, поэтому нервы ни к чёрту. Немного прикрикнула на обормотов в третьем ряду. Вроде спокойней стало.
– Так, Никифорова, Синявская и Захаркевич, рисуете мне фасад в полную. Понятно? Чтобы никаких. Глянули, сняли – нарисовали. Всё. А то мы в Академию до послезавтра не вернёмся.

рэдка калі заўважаў пераходы. А тут, калі заставалася ўсяго нічога да шкляной аркі метрапалітэна, увага яго была зусім далёкай ад праблем бяспекі дарожнага руху. Прадчуваючы выхад на фінішную прамую пад праменнямі красавіцкага сонца і ўсемагчымыя бонусы ў выглядзе прыгожых (і проста сімпатычных) спадарожніц, Джымі лунаў у марах.

Пульс прыгразіў пальцам і агучыў пару бруднаватых ідыём. Джымі толькі развёў рукамі – ну, што там, такая ўжо і бяда!

2.

Будынак Опернага пасля рэканструкцыі прыкметна змяніўся. Праўда, некаторая дысгармонія тытанічных фігур на фасадзе і тортападобнай канструкцыі самога тэатра хоць і рэзала эстэтычна загартаваныя вочы, але ў цэлым карціна была вельмі нават нішто сабе. На лесвіцы, недалёка ад грандыёзнага фантана, кешкаўся вывадак архітэктараў. Практычныя заняткі. Замалёўка аб'екта ў нейкай там перспектыве.

Дзяўчаты гамоняць, хлопцы ламаюць адзін аднаму алоўкі, выкладчык – маладая аспірантка – спрабуе падвесці ўсіх да агульнага назоўніка. У яе ў асабістым жыцці вадародны выбух, таму нервы ну хоць да д'ябла. Трохі прыкрыкнула на абармотаў у трэцім радзе. Там, як быццам, супакоіліся.

– Так, Нікіфарава, Сіняўская і Захаркевіч, малюеце мне фасад у поўную. Зразумела? Каб ніякіх! Зірнулі, знялі – намалявалі. Усё. А то мы ў Акадэмію да паслязаўтра не вернемся.

– Тамара Аркадьевна, а можно я тоже фасад? – защебетала русая студентка в смешной полосатой юбке.
– Настя, но ты же уже взяла другой профайл!
– Ну, пожа-а-алуйста! Помните, как я хорошо кафедральный собор зарисовала?
– Ну, ладно, пиши фасад. Только шнель – уже три. Нам надо до пяти всё сделать и… ладно, работайте. Я тут – рядом, – Тамара Аркадьевна сделала пару шагов в сторону здания, вскинула к уху телефон, и началась долгая эмоциональная тирада.
Студенты даже не пытались подслушать или вникнуть, какие там у Тамары Аркадьевны личные заморочки.
Половина курила на скамейке, аргументируя это тем фактом, что им надо сосредоточиться. Настя решила не тянуть кота за хвост и быстро накидала на планшете графику. Сложностей особо никаких, но так лень теперь всё это одеталивать. Глянув на часы, она решила, что лучше сейчас всё быстро провернуть и смыться отсюда куда-нибудь погулять. Хоть бы и одна. Конечно, Рома Василевский уже вторую неделю на занятиях по натуре активно намекает на совместный променад, но…
Рома скучный парень. Так, конечно, ничего. Но он даже не умеет провести такой маршрут, чтобы через час не заскучать. Ну не чувствует человек улицы. Всегда выбирает такие места, где что ни шаг – то переход, или сужение, или, того хуже, – тупик. В общем, с ним особо не погуляешь. Поэтому Настя решила погулять одна. И на этом коротком пути к обычному человеческому счастью сейчас стояла одна-единственная химера – зарисовка фасада.

– Тамара Аркадзьеўна, а можна я таксама фасад? – зашчабятала русая студэнтка ў смешнай паласатай спадніцы.
– Насця, але ты ж ужо ўзяла іншы прафайл!
– Ну, калі ласачка! Памятаеце, як я добра кафедральны сабор змалявала?
– Ну, добра, пішы фасад. Толькі шнэль – ужо тры. Нам трэба да пяці ўсё зрабіць і ... добра, працуйце. Я тут – побач, – Тамара Аркадзьеўна зрабіла пару крокаў у бок будынка, ускінула да вуха тэлефон, і пачалася доўгая эмацыянальная тырада. Студэнты нават не спрабавалі падслухаць або паглыбіцца, якія там у Тамары Аркадзьеўны асабістыя замарочкі.
Палова гурту смаліла цыгарэты на лаўцы, аргументуючы гэта тым фактам, што ім трэба засяродзіцца. Насця вырашыла не цягнуць ката за хвост і хутка накідала на планшэце графіку. Складанасцей асабліва ніякіх, але так лянотна цяпер усё гэта дэталяваць. Зірнуўшы на гадзіннік, яна вырашыла, што лепей зараз усё хуценька пракруціць і змыцца адсюль куды-небудзь прагуляцца. Хоць бы і адной. Вядома, Рома Васілеўскі ўжо другі тыдзень на занятках па натуры актыўна намякае на сумесны праменад, але ...
Рома сумны хлопец. Так, вядома, ён як бы і нішто сабе. Але ён нават не ўмее правесці такі маршрут, каб праз гадзіну не засумаваць. Ну не адчувае чалавек вуліцы. Заўсёды выбірае такія месцы, дзе што ні крок – то пераход, або звужэнне, або, яшчэ горш, – тупік. Увогуле, з ім асабліва не пагуляеш. Таму Насця вырашыла пагуляць адна. І на гэтым кароткім шляху да звычайнага чалавечага шчасця зараз стаяла адна-адзіная хімера – замалёўка фасада.

3.

– Приехали, стронцо путана! – Александр сидел за рулём замолкнувшего по непонятным причинам автомобиля и злился. Дневной график – псу под хвост. Если сейчас с Немиги перебираться на городском транспорте на Партизанский проспект – это могила. Ничего он не успеет, потому что потом надо возвращаться назад, а потом – в Зелёный Луг. То есть полный абзац.

«А чё делать? Пусть стоит, железяка. Пойду хоть пройдусь, что ли. А то я так себе настроение ни за что попорчу. Вон, погода какая. Белиссимо!» – подумал Александр и лихо загрёб редкую растительность с залысин. Пятьдесят два года – возраст солидный. Особенно если ты полжизни провёл в городе. Дача не в счёт. Тем более, последние годы в жизни Александра её, то есть дачи, становилось всё меньше. Без работы он никогда не останется, потому что профессиональные краснодеревщики нужны всем.

Александр развёлся год назад. И с горя начал учить итальянский. Этот язык он считал особенно эмоциональным и не таким скабрезным, как, например, английский. Были мысли и о французском, но язык, в котором на запись идёт восемь букв, а вслух произносится три, – это даже для демократичного разума Александра в некотором роде перебор.

А позавчера была встреча ветеранов. И он возил своего отца, восьмидесятилетнего старика, на свидание со своими боевыми товарищами. На этот раз заводилой был некий Лаврентий Колесницкий, выступивший с инициативой создания туристического маршрута по местам военного Минска. Правда, ветераны так и не вынесли этот вопрос на муниципальный уровень, но идея покорила героев Великой Победы. Лаврентий Афанасьевич

3.

– Прыехалі, стронца путана! – Аляксандр сядзеў за рулём змоўклага па незразумелых прычынах аўтамабіля і злаваўся. Дзённы графік – сабаку пад хвост. Калі зараз з Нямігі перабірацца на гарадскім транспарце на Партызанскі праспект – гэта магіла. Нічога ён не паспее, таму што потым трэба вяртацца назад, а потым яшчэ – у Зялёны Луг. Гэта значыць поўны абзац.

«А што рабіць? Няхай стаіць, жалязяка. Пайду хоць прайдуся, ці што. А то я так сам сабе настрой ні за што сапсую. Вунь, надвор'е якое. Белісіма!» – падумаў Аляксандр і ліха змахнуў рэдкую расліннасць з залысін. Пяцьдзесят два гады – узрост самавіты. Асабліва калі ты палову жыцця правёў у горадзе. Дачу можна не лічыць. Тым больш, за апошнія гады ў жыцці Аляксандра яе, дачы гэтай, усё менела і менела. Без працы ён ніколі не застанецца, таму што прафесійныя чырванадрэўшчыкі патрэбныя ўсім.

Аляксандр развёўся з год таму. І з гора пачаў вучыць італьянскую мову. Гэтую мову ён лічыў асабліва эмацыянальнай і не такой непрыстойнай, як, напрыклад, англійская. Былі думкі і пра французскую, але мова, у якой на запіс ідзе 8 літар, а ўголас вымаўляецца толькі тры, – гэта нават для дэмакратычнага розуму Аляксандра быў у пэўным сэнсе перабор.

А пазаўчора была сустрэча ветэранаў. І ён вазіў свайго бацьку, васьмідзесяцігадовага старога, на спатканне са сваімі баявымі таварышамі. На гэты раз завадатарам быў нейкі Лаўрэнцій Калясніцкі, які выступіў з ініцыятывай стварэння турыстычнага маршруту па месцах ваеннага Мінска. Праўда, ветэраны так і не вынеслі гэтае пытанне на муніцыпальны ўзровень,

даже показал тетрадку, в которой в силу своих возможностей проложил маршрут. И сказал на этот счёт следующее:
– Я, это… Мне-то несложно, я пенсионер – у меня сейчас одна работа. Гуляй себе. Вот я и гуляю. А подумал ещё – почему тогда, так сказать, это с пользой не употребить? И, это, кружить по городу не те годы. А вот сколько в Минске мест таких, про которые никто ничего не знает, а? Я вот, значит, думаю: а что о городе знают, например, дореволюционном? Какой он там был? Я только по телевидению вчера видел, значит, три старых фотокарточки. И всё. А я-то помню. Город был такой, я скажу, очень, – потом он выдержал небольшую паузу. Небольшая слезинка быстро налилась и сорвалась с ресниц на морщинистое лицо старика. – И вот, значит, чего осталось? Война – это оно да. Ну, а что? После войны, это, город почти ж новый построили. А места-то они, места никуда не делись. Вот я и выступаю, значит, – пускай будет такой маршрут для молодёжи, например. Чтобы знали. Где там что на вокзальной площади, как там, например, та же самая Немига, это, строилась. Пусть помнят хоть что-то.
Тогда Александр подумал, что ветеран по-своему прав. Если брать по-честному, то их, ветеранов, поколение уходило стремительно и безвозвратно. И в затылок им дышали уже и те, кому перевалило за полсотни. А ведь остальные? Эта пресловутая молодёжь, которая ничего и никуда. Да ведь большинство горожан если что и знает о столице, то из цикла «Минск и минчане». А уж этого никак недостаточно.
Да и город, если разобраться, совсем уже трижды перестроенный. Вон, видел недавно книгу Загорульского «Возникновение Минска». Ну, взял в

але ідэя заваявала розумы герояў Вялікай Перамогі. Лаўрэнцій Апанасавіч нават паказаў сшытак, у якім у сілу сваіх магчымасцей праклаў маршрут. І сказаў на гэты конт наступнае:

– Я, гэта ... Мне, папраўдзе, не складана, я пенсіянер – у мяне зараз адзін клопат. Гуляй сабе. Вось я і гуляю. А я падумаў яшчэ – чаму тады, сапраўды, тое з карысцю не спажыць? І, гэта, кружляць па горадзе ў мяне ўжо не тыя гады. А вось колькі ў Мінску месцаў такіх, пра якія ніхто нічога не ведае, га? Я вось, значыць, думаю: а што пра горад ведаюць, напрыклад, дарэвалюцыйны? Які ён там быў? Я толькі па тэлебачанні ўчора бачыў, значыцца, тры старыя фотакарткі. І ўсё. А я ж памятаю. Горад быў такі, я вам скажу, вельмі, – потым ён вытрымаў невялікую паўзу. Невялікая слязінка хутка налілася і сарвалася з павек на маршчыністы твар старога. – І вось, значыць, чаго засталося? Вайна – гэта яно так. Ну, а што? Пасля вайны, гэта, горад амаль жа новы пабудавалі. А месцы яны ж, месцы нікуды не дзеліся. Вось я і выступаю, значыць, – няхай будзе такі маршрут для моладзі, напрыклад. Каб ведалі. Дзе там што на прывакзальнай плошчы, як там, напрыклад, тая ж самая Няміга, гэта, будавалася. Няхай запомняць хоць нешта.

Тады Аляксандр падумаў, што ветэран па-свойму праўдзіць. Так жа яно і ёсць – іх, ветэранаў, пакаленне сыходзіла імкліва і незваротна. А ў патыліцу ім дыхаюць ужо і тыя, каму пераваліла за паўсотні. А што ж астатнія? Гэтая праслаўтая моладзь, якая нічога і нікуды. А большасць гараджан калі што і ведае пра сталіцу, то з цыкла «Мінск і мінчане». А ўжо гэтага ніяк недастаткова. Ды і горад, калі разабрацца, зусім ужо тройчы перабудаваны. Вунь, бачыў нядаўна

руки. Раскрыл. И прочитал следующее: «27 мая 1935 года в газете «Звязда» была опубликована заметка двух известных археологов А. Лявданского и А. Ковалени о раскопках в деревне Городище на реке Менке в 18 километрах южнее Минска. Ими было обнаружено большое земляное укрепление с высокими валами, селище и много курганных могил X–XI веков, найдены клады арабских и византийских монет, что свидетельствует о ведении активной торговли в поселении. Было сделано предположение, что это поселение и есть изначальный Минск, получивший своё название от реки Менка и впоследствии перенесённый на современное место». И вот кто об этом знает? И если кто знает, то кому он об этом говорит? Вообще, Александр считал себя довольно продвинутым для своего возраста корчом. И решительно не хотел мириться с тем, что такая ценная информация пылится в головах мэтров археологии, а ещё в двух миллионах голов – под ярлыком «Минск» светится карта баров, парков и бесплатных туалетов.
Всё-таки обидно.

4.
– Ну, кайфуша, самый жир весны! – бодро провозглашал Пульс, пиная банку из-под колы. Джимми шёл рядом задрав голову и разглядывал лепнину на фасаде музыкальной школы.
– Знаешь, чувак, а я вообще никогда не запаривался, что тут у этих старых предместий где, – тоном исторического обозревателя озвучивал он свои фантомные боли. – Вот интересно же. Ты говоришь – три года из го-

кнігу Загарульскага «Узнікненне Мінска». Ну, узяў у рукі. Раскрыў. І прачытаў наступнае: «27 мая 1935 года ў газеце « Звязда» была апублікавана нататка двух вядомых археолагаў А. Ляўданскага і А. Кавалені пра раскопкі ў вёсцы Гарадзішча на рацэ Менцы ў 18 кіламетрах на поўдзень ад Мінска. Імі было выяўлена вялікае земляное ўмацаванне з высокімі валамі, паселішча і шмат курганных магіл X–XI стагоддзяў, знойдзены скарбы арабскіх і візантыйскіх манет, што сведчыць аб вядзенні актыўнага гандлю на селішчы. Была зроблена здагадка, што гэта паселішча і ёсць першапачатковы Мінск, які атрымаў сваю назву ад ракі Менка і пасля перанесены на сучаснае месца». І вось хто пра гэта ведае? Калі ж хто і ведае, то каму ён пра тое скажа? Наогул, Аляксандр лічыў сябе даволі «прасунутым» для свайго ўзросту карчом. І рашуча не хацеў мірыцца з тым, што такая каштоўная інфармацыя пыліцца ў галовах мэтраў археалогіі, а яшчэ ў двух мільёнах галоў – пад найменнем «Мінск» свеціцца толькі карта бараў, паркаў і бясплатных туалетаў.
Усё ж такі крыўдна.

4.

– Ну, кайфуша, самы тлушч вясны! – бадзёра абвяшчаў Пульс, падфутбольваючы нагой банку з-пад колы. Джымі ішоў побач задраўшы галаву і разглядаў ляпніну на фасадзе музычнай школы.

– Ведаеш, чувак, а я наогул ніколі не запарваюся, не спрабую расшалопіць, што тут дзе ў гэтых старых прадмесцях, – тонам гістарычнага аглядальніка агучваў ён свае фантомныя болі. – А вось цікава ж аднак. Ты кажаш – тры

рода не вылазил. А тут, знаешь, как поторчишь больше положенного, так уже вроде и ненавидишь его. А потом…
– От любви до ненависти – один шаг! – нравоучительно заметил Пульс и резким ударом зафутболил банку в памятник лошади и повозке. – Глянь, как зафигачил! Марадонна аплодирует стоя…
Джимми растянул брови на разные уровни, изображая гримасу справедливого негодования. Когда мысль концентрировалась в зародыше, он очень не любил, если его в этот момент заговаривали. А Пульс был вообще мастак вплетать всякую чушь в разговор. Он, в общем, фривольный тип, но иногда откровенно не дружит с головой.
– Пульс, заткни варежку! Я тебе о серьёзных идеях вещаю. А ты меня опять сбиваешь своими фляками.
– Месье негодует?
– Месье требует внимания!
– Слушаю вас, месье!
– Чтобы удостовериться в искренности ваших намерений, предлагаю упасть на лавочку-бухалочку напротив ратуши и приобщиться к хорошему.
Пульс одобряюще кивнул. А Джимми снова задался вопросом. Например, ратуша. Что он знает о ратуше? В принципе, эти места ему до боли хорошо знакомы. Сколько презабавных алкоподвигов было совершено здесь и какому риску и насилию подвергались здесь организмы многих представителей молодёжи!
Площадку за ратушей облюбовали райдеры. Странное и искреннее пересечение эпох можно было наблюдать тут по вечерам. Сквозь стекло ко-

гады з горада не вылазіў. А тут, ведаеш, як патырчыш больш прыналежнага, дык ужо нібы і зненавідзіш яго. А потым ...

– Ад любові да нянавісці – адзін крок! – павучальна заўважыў Пульс і рэзкім ударам запусціў жалязяку ў помнік каня і воза. – Глянь, як зафігачыў! Марадона пляскае ў ладкі стоячы...

Джымі расцягнуў бровы на розныя ўзроўні, лепячы на твары грымасу справядлівага абурэння. Ён надта не любіў, калі яго загаворвалі ў той момант, калі думка канцэнтравалася ў самым зародку. А Пульс быў наогул мастак уплятаць усялякую лухту ў размову. Ён, папраўдзе, фрывольны тып, але часам адкрыта не сябруе з галавой.

– Пульс, заткні зяпу! Я табе аб сур'ёзных ідэях вяшчаю. А ты мяне зноў збіваеш з панталыку сваімі флякамі.

– Месье абураецца?

– Месье патрабуе ўвагі!

– Слухаю вас, месье!

– Каб пераканацца ў шчырасці вашых намераў, прапаную звалiцца на лавачку-бухалачку насупраць ратушы і далучыцца да добрага.

Пульс абадзёрваюча кіўнуў. А Джымі зноў задаўся пытаннем. Напрыклад, ратуша. Што ён ведае пра ратушу? У прынцыпе, гэтыя месцы яму да болю добра знаёмыя. Колькі адмысловых алкаподзвігаў было здзейснена тут і якой рызыцы і гвалту падвяргаліся тут арганізмы многіх прадстаўнікоў моладзі!

Пляцоўку за ратушай аблюбавалі райдэры. Дзіўнае і шчырае скрыжаванне эпох можна было назіраць тут вечарамі. Скрозь шкло конусападобнага даху

нусовидной крыши было видно, как внизу играют камерную музыку, а представительные горожане сидят и предаются восторгам. Буквально как модный салон. А сверху, на площадке, выписывают разнообразные сайды и слэши парни на спортивных байках. И как-то это не противоречит одно другому. Скорее – наоборот, дополняет какой-то приятный и родной образ города. Города для всех.
– Пошли под мост, а? – внезапно предложил Пульс. Он торопливо докуривал сигарету и вдохновенно размахивал чинариком. – Махнём туда, а там, может, какую-нибудь мазу нарулим. Какая нам разница? Мы всё равно никуда не идём. В смысле, точняком.
– Под мост так под мост, – согласился Джимми.

5.
Настя шла по Троицкому предместью в полной рассредоточенности. Апрельские душевные паводки смывали зимние наслоения одиночества и страхов. Хотелось всего и сразу. И лучше на двоих.
Только вот на двоих никак не получалось. Как бы она ни старалась, подходящего приятеля ей так и не удавалось подыскать. Да, девушка она была примечательная и, прямо скажем, красивая. Но только требовательная до жути. То здесь ей не так, то там. Разыгрывая капризулю, она пыталась понять, что движет очередным юным ухлёстывателем: попытка набить себе цену за счёт прелестной спутницы или же искренний человеческий интерес. Печальная статистика упорно указывала на первый вариант.

было відаць, як унізе іграюць камерную музыку, а прадстаўнічыя гараджане сядзяць і аддаюцца захапленню. Літаральна як модны салон. А зверху, на пляцоўцы, выпісваюць разнастайныя сайды і слэшы хлопцы на спартыўных байках. І неяк гэта не супярэчыць адно другому. Хутчэй – наадварот, дапаўняе нейкі прыемны і родны вобраз горада. Горада для ўсіх.

– Пайшлі пад мост? – раптам прапанаваў Пульс. Ён таропка дакурваў цыгарэту і натхнёна размахваў чынарыкам. – Махнём туды, а там, можа, якую-небудзь мазу нарулюем. Якая нам розніца? Мы ўсё роўна нікуды не ідзем. У натуры.

– Пад мост дык пад мост, – пагадзіўся Джымі.

5.

Насця ішла па Траецкага прадмесця ў поўнай разбэрсанасці. Красавіцкія душэўныя паводкі змывалі зімовыя напластаванні адзіноты і страхаў. Хацелася ўсяго і адразу. І лепш на дваіх.

Толькі вось на дваіх ніяк не выходзіла. Як бы яна ні старалася, адпаведнага прыяцеля ёй так і не выпала знайсці. Так, дзяўчына яна была адметная і, прама скажам, прыгожая. Але толькі патрабавальная да жудасці. То тут ёй не так, то там. Разыгрывала капрызулю, спрабавала зразумець, што рухае чарговым юным заляцальнікам: спроба набіць сабе цану за кошт шыкоўнай спадарожніцы ці шчыры чалавечы інтарэс. Сумная статыстыка ўпарта паказвала на першы варыянт.

Але нейкага расчаравання або суму на гэты конт Насця не перажывала. «Ну і што? Не ў гэтым жа шчасце. Вось, напрыклад, ёсць маса рэчаў, якімі можна

Но какого-то разочарования или грусти на этот счёт Настя не испытывала. «Ну и что? Не в этом же счастье. Вот, например, есть масса вещей, которыми можно восхищаться. Вон идёт какой-то дядя. Лысый почти. С небольшим трудовым пузом. И улыбается. Ой!..»
Александр еле успел подхватить за локоть странную девушку, которая по растерянности чуть не поскользнулась прямо посередине моста.
– Это, сеньора, купальный сезон-то ещё, знаете ли, не открыт, – с улыбкой прижурил рассеянную барышню Александр.
– Ой, извините. Сама не ожидала, – Настя немного смутилась, но тут же ахнула: – Боже, а где ж мой планшет? Вот, блин. Я его в реку уронила, что ль?
Перегнувшись через перила моста, Настя увидела довольно поэтичную картину. Какой-то старичок, весь в медалях, кормил уток булкой. Немного ближе к мосту стояли двое ребят. В небольшой растерянности.
Один из них держал планшет. А второй выражал свои переживания по поводу того, что «такой девайс и по башне засветить бы мог».
– Ваш планшет? – услужливо поинтересовался Александр.
– Ну да, наверное, – неуверенно ответила Настя. – Спасибо, что удержали меня. А то бы я вместе со своими зарисовками плавала уже, – она посмотрела на Александра, и теперь засмущался уже он. У Насти был от природы ласковый взгляд. Но когда он был наполнен искренностью, не трухнуть бывало сложновато.
– Ну что, я пойду, отвоюю свою собственность, – прервала неловкое молчание Настя. – Спасибо вам ещё раз!
– Да не за что… – ответил Александр. «Ну, вот как бывает. А не сломалась бы моя старушка? Белиссимо!» Он снова посмотрел на девушку. Та уже

захапляцца. Вунь ідзе нейкі дзядзька. Лысы амаль. З невялікім працоўным пузцом. І ўсміхаецца. Ой!..»

Аляксандр ледзьве паспеў падхапіць пад локаць дзіўную дзяўчыну, якая па разгубленасці ледзь не паслізнулася прама пасярод моста.

– Але, сеньёра, купальны сезон яшчэ, ведаеце, не адкрыты, – з усмешкай прысарамаціў рассеяную паненку Аляксандр.

– Ой, прабачце. Сама не чакала, – Наста трохі збянтэжылася і тут жа ахнула: – Божа, а дзе ж мой планшэт? Вось, блін. Я ж яго ў раку ўпусціла, ці што?

Перагнуўшыся цераз парэнчы моста, Насця ўбачыла даволі паэтычную карціну. Нейкі дзядок, увесь у медалях, карміў качак булкай. Крыху бліжэй да моста стаялі двое хлопцаў. У невялікай разгубленасці.

Адзін з іх трымаў планшэт. А другі выказваў свае перажыванні з нагоды таго, што «такі дэвайс і па кумпале засвяціць бы мог».

– Ваш планшэт? – паслужліва пацікавіўся Аляксандр.

– Ну так, відаць, – няўпэўнена адказала Насця. – Дзякуй, што ўтрымалі мяне. А то б я разам са сваімі замалёўкамі плавала ўжо, – яна паглядзела на Аляксандра, і цяпер засаромеўся ўжо ён. У Насці быў ад прыроды ласкавы погляд. Але калі ён да таго ж быў яшчэ і напоўнены шчырасцю, не ўпудзіцца бывала цяжкавата.

– Ну што, я пайду, адваюю сваю ўласнасць, – перапыніла няёмкае маўчанне Насця. – Дзякуй вам яшчэ раз!

– Ды няма за што... – адказаў Аляксандр. «Ну, вось як бывае. А каб не зламалася часам мая каламажка? Белісіма!» Ён зноў паглядзеў на дзяўчыну. Тая ўжо спу-

спускалась по лестнице, которая вела с моста на побережье. На парапете её уже ждали двое ловцов планшетов. А также старик… «Постой-ка! А не приснопамятный это ли ветеран Колесницкий? Вот так встреча!»
Александр опёрся на перила и крикнул:
– Лаврентий Афанасьевич! Лаврентий Афанасьевич!
Старичок прекратил крошить булку и поднял голову.
– Это вы, Саша? Ревяко, если я не ошибаюсь?
– Так точно, Лаврентий Афанасьевич!
Ветеран расплылся в радушной улыбке.
– Так что же вы, это, стоите? Спускайтесь, голубчик. Вдвоём, значит, веселей. Или вы спешите?
Александр на секунду призадумался. Если смотреть на обстоятельства трезво, то он действительно спешит. А если всё-таки уравнять приоритеты, то всё-таки внимание этому человеку важнее каких-то там третьих дел.
– Айн секундэн, Лаврентий Афанасьевич! А вы мне про город расскажете? – Колесницкий благодушно кивнул.
Тем временем на заднем плане разыгрывалась классическая весенняя партия. Пульс выражал несказанное удовольствие по поводу того, что планшет принадлежит такой впечатляющей особе. Джимми молчал. Настя тоже. Ей бы, наоборот, быстро чего-нибудь прощебетать (как обычно и бывает при мимолётных столкновениях) и пойти себе дальше. Но взгляд этого молодого человека был каким-то не совсем обычным. Он был искренним. И красивым.
– И вот если бы такая дурр-р-ра и мне в башню? Прикинь, Джимми, прямо вот мне в самую опушку!

скалася па лесвіцы, якая вяла з моста на ўзбярэжжа. На парапеце яе ўжо чакалі двое лаўцоў планшэтаў. А таксама стары... «Пастой! А ці не прыснапамятны гэта ветэран Каляснiцкі? Вось дык сустрэча!»

Аляксандр абапёрся на парэнчы і крыкнуў:

– Лаўрэнцій Апанасавіч! Лаўрэнцій Апанасавіч!

– Гэта вы, Саша? Равяка, калі я не памыляюся?

– Так точна, Лаўрэнцій Апанасавіч!

Ветэран расплыўся ў ветлівай усмешцы.

– Дык што ж вы, гэта, стаіцё? Спускайцеся, галубок. Удвух, значыць, весялей будзе. Ці вы куды спяшаецеся?

Аляксандр на секунду задумаўся. Калі глядзець на абставіны цвяроза, то ён сапраўды спяшаецца. А калі ўсё ж зраўнаваць прыярытэты, то надаць увагу гэтаму чалавеку важней нейкіх там трэціх спраў.

– Айн секундэн, Лаўрэнцій Апанасавіч! А вы мне пра горад раскажаце? – Каляснiцкі паблажліва кіўнуў.

Тым часам на заднім плане разыгрывалася класічная вясновая партыя. Пульс выказваў невымоўнае задавальненне з нагоды таго, што планшэт належыць такой уражлівай асобе. Джымі маўчаў. Насця таксама. Ёй бы, наадварот, хутка што-небудзь прашчабятаць (як звычайна і бывае пры мімалётных сутыкненнях), і пайсці сабе далей. Але позірк гэтага маладога чалавека быў нейкім не зусім звычайным. Ён быў шчырым. І прыгожым.

– І вось калі б такая дурр-р-рыла ды мне па кумпале? Прыкінь, Джымі!

– Джымі? – Насця ўсміхнулася. – А я думала, мы жывём у славянскай краіне.

– Джимми? – Настя улыбнулась. – А я думала, живём в славянской стране.
– Дмитрий, – наконец, очнулся Джимми. Несколько секунд ступора, и он влюблён в девушку, которую видит первый раз. Не знает про неё вообще ничего, кроме того, что она рассеянная и носит планшет. И…
– Анастасия, – небольшой реверанс для придания всему происходящему оттенка флирта. – А давайте пройдёмся куда-нибудь. Мне всё равно уже никуда не надо, – предложила Настя.
Пульс только собрался выдвинуть пару ящичков остроумия из своего рабочего стола, как Джимми беспрекословно запечатал мгновенное соглашение:
– А почему бы и нет! Предлагаю маршрут…

6.

Закатные отблески на воде убаюкивали последние волны светового дня. Под мостом стояли двое. Старик и мужчина. Они пили кефир, и старик что-то увлечённо рассказывал, постоянно показывая в сторону предместья.
А по другой стороне реки шли трое. Двое юношей и девушка. Один из молодых людей, светловолосый в синем капюшоне, держал девушку за руку. Город зевал перед очередной бессонной ночью, полной огней, любви и шума. В это время старый город уходил во тьму, и вступали в силу законы нового времени.
И в этих переменах, даже в пленённом городскими тупиками ветре, чудилось что-то понятное и родное.

– Зміцер, – нарэшце, прачнуўся Джымі. Некалькі секунд ступару, і вось ужо ён закаханы ў дзяўчыну, якую бачыць упершыню. Не ведае пра яе наогул нічога, акрамя таго, што яна безуважная і носіць планшэт. І...
– Анастасія, – невялікі рэверанс для надання ўсяму таму, што адбываецца, адценя флірту. – А давайце пройдземся куды-небудзь. Мне ўсё роўна ўжо нікуды не трэба, – прапанавала Насця.
Пульс толькі сабраўся высунуць пару скрыначак дасціпнасці з шуфляды свайго працоўнага стала, як Джымі рашуча прыпячатаў імгненнае пагадненне:
– А чаму б і не! Прапаную маршрут...

6.

Вечаровыя водбліскі на вадзе закалыхвалі апошнія хвалі светлавога дня.
Пад мостам стаялі двое. Стары і мужчына. Яны пілі кефір, і стары нешта захоплена распавядаў, пастаянна паказваючы ў бок прадмесця.
А па другім баку ракі ішлі трое. Двое юнакоў і дзяўчына. Адзін з маладых людзей, светлавалосы, у сінім каптуры, трымаў дзяўчыну за руку.
Горад пазяхаў перад чарговай бяссоннай ноччу, поўнай агнёў, кахання і шуму.
У гэты час стары горад сыходзіў у цемру, і ўступалі ў сілу законы новага часу.
І ў гэтых пераменах, нават у паланёным гарадскімі тупікамі ветры, мроілася нешта зразумелае і роднае.

Алёна Белоножко

Авторский перевод на русский язык

Алёна Беланожка

Аўтарскі пераклад на рускую мову

Алёна Белоножко – режиссёр, поэтесса, драматург. Родилась 17 сентября 1985 года в г. Могилёве. Окончила Белорусский государственный университет культуры и искусств. Работала режиссёром Заслуженного любительского коллектива Республики Беларусь – детской эстрадной студии «Весёлые нотки», режиссёром Центра творчества детей и молодёжи «Виктория» Партизанского района Минска, режиссёром Национального центра художественного творчества детей и молодёжи, сейчас работает редактором в Могилёвском городском центре культуры и свободного времени. Театральные постановки по сценариям автора показаны на площадках Могилёва (Дворец Республики Могилёвской области) и Минска (Дворец Республики). Лауреат премии «Шанс» национального конкурса на создание литературного сценария полнометражной художественной ленты («Беларусьфильм», Минск, 2008); победитель конкурса на создание литературного сценария мультипликационной ленты (Министерство культуры Республики Беларусь и «Беларусьфильм», Минск, 2011); финалистка конкурса «Экслибрис» (СПБ, Минск, 2012). Печатается в государственных журналах и газетах.

Алёна Беланожка – рэжысёр, паэтка, драматург. Нарадзілася 17 верасня 1985 года ў г. Магілёве. Скончыла Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. Працавала рэжысёрам Заслужанага аматарскага калектыву Рэспублікі Беларусь – дзіцячай эстраднай студыі «Вясёлыя ноткі», рэжысёрам Цэнтра творчасці дзяцей і моладзі «Вікторыя» Партызанскага раёна Мінска, рэжысёрам Нацыянальнага цэнтра мастацкай творчасці дзяцей і моладзі, зараз працуе рэдактарам у Магілёўскім гарадскім цэнтры культуры і вольнага часу. Тэатральныя пастаноўкі па сцэнарыях аўтара паказаны на пляцоўках Магілёва (Палац культуры Магілёўскай вобласці) і Мінска (Палац Рэспублікі). Лаўрэат прэміі «Шанс» нацыянальнага конкурсу на стварэнне літаратурнага сцэнарыя поўнаметражнай мастацкай стужкі («Беларусьфільм», Мінск, 2008); пераможца конкурсу на стварэнне літаратурнага сцэнарыя мультыплікацыйнай стужкі (Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь і «Беларусьфільм», Мінск, 2011); фіналістка конкурсу «Экслібрыс» (СПБ, Мінск, 2012). Друкуецца ў дзяржаўных часопісах і газетах.

ГРЕБЕНЬ В ЯЩИКЕ

Ветки старой берёзы покачнулись, словно от резкого порыва ветра. Однако информация, полученная с трёх метеозондов, свидетельствовала о том, что и сегодня ночью, и завтра днём над исследуемой местностью ожидается практически полный штиль.

Студентки задержали дыхание, опасливо переглянулись и уставились на своего научного руководителя – чернобородого мужчину, который с хитрым прищуром смотрел на берёзу.

– Василий Петрович! – прошептала в окологубной микрофончик рыжая девушка, откинув с лица длинную прядь волос, порядком взлохмаченных лозой и большими наушниками. – Берём?

– Пылаева, это белка… – чуть слышно ответил Василий Петрович.

– Белка? А чего ей не спится, ночь ведь? – спросила вторая девушка, коротко стриженная, с кольцом в правой брови.

– Потому что, Ханько, вы её своими глупыми вопросами разбудили… – всё так же, почти беззвучно, сказал научный руководитель, не отводя глаз от берёзы.

Белка, ловко махнув точёными лапками, перепрыгнула на соседнее дерево, с него – на другое и исчезла в лесу.

Берёза шевельнулась. Пылаева и Ханько сверили атмосферные данные. Ошибки быть не могло: полное затишье.

Василий Петрович поднял вверх указательный палец, а потом присвистнул. Из соседних зарослей показалась голова молодого человека – треть-

ГРЭБЕНЬ У СКРЫНІ

Вецце старой бярозы пахіснулася, нібы ад рэзкага парыву ветру. Але інфармацыя, атрыманая з трох метэазондаў, сведчыла аб тым, што і гэтай ноччу, і заўтра ўдзень над даследчыцкай мясцовасцю чакаецца амаль поўная ціш.

Студэнткі затрымалі дыханне, баязліва пераглянуліся і ўтаропіліся вачамі ў свайго навуковага кіраўніка – чорнабародага мужчыну, які з хітрым прыжмурам глядзеў на бярозу.

– Васіль Пятровіч! – прашаптала ў прывуснавы мікрафончык рудая дзяўчына, адкінуўшы з твару доўгую пасму валасоў, добра ўскудлачаных лазняком і вялікімі навушнікамі. – Бяром?

– Палаева, гэта вавёрка… – ледзьве чутна адказаў Васіль Пятровіч.

– Вавёрка? Чаго ёй не спіцца, ноч жа? – спыталася другая дзяўчына, каротка стрыжаная, з колцам у правым брыве.

– Таму што, Ханько, вы яе сваімі дурнымі пытаннямі абудзілі… – усё так жа амаль бязгучна сказаў навуковы кіраўнік, не адводзячы вачэй ад бярозы.

Вавёрка, заўзята махнуўшы точанымі лапкамі, пераскочыла на суседняе дрэва, з яго – на другое і хутка знікла ў лесе.

Бяроза калыхнулася. Палаева і Ханько зверылі атмасферныя дадзеныя. Памылкі быць не магло: поўнае зацішша.

Васіль Пятровіч узняў уверх указальны палец, а пасля прысвіснуў. З суседніх хмызоў паказалася галава маладога хлопца – трэцяга ўдзельніка студэнцкай даслед-

его участника студенческой исследовательской группы. Парень кивнул, с тоской посмотрел в сторону берёзы и дотронулся до экрана планшета, который держал в руках. Сеть миниатюрных рентген-излучателей, которой были покрыты кусты вокруг берёзы, начала передавать на экран изображение.

На ветке берёзы сидело живое человекоподобное существо. «Живым» его можно было назвать только с большой условностью: существо не образовывало тепловое поле – его температура была такой же как и температура окружающей среды; к тому же существо не дышало, не было видным в лунном свете и не отбрасывало тени. Несмотря на это, оно вело себя как живое: шевелилось, каталось на ветке, а через минуту даже начало петь – тихим, мелодичным женским голосом.

– Она ещё и поёт! – возмутилась Пылаева и раздвинула лозняк, выставив перед собой маленький розовый диктофон.

– А что ей грустить: сидит на своей берёзе в свой праздник! – прошептала Ханько.

– А вчера нашего Яника заманила в воду, насилу спасли его! – Пылаева поправила микрофон и тревожно посмотрела в том направлении, где прятался парень.

– Это потому, что Яник был без крестика. Двоечник! – Ханько тоже посмотрела в сторону парня.

– Д-давайте н-не буд-дем её т-трогать, – заикаясь, сказал Яник из зарослей.

– Как это не будем? – разозлилась Пылаева. – Мы на эту русалку четвёртые сутки охотимся!

чай групы. Хлопец кіўнуў, са смуткам паглядзеў у бок бярозы і дакрануўся да экрана планшэта, які трымаў у руках. Сетка мініяцюрных рэнтген-выпраменьвальнікаў, развешаная па хмызах вакол бярозы, пачала перадаваць на экран выяву.

На галіне бярозы сядзела жывая чалавекападобная істота. «Жывой» яе можна было назваць толькі з вялікай умоўнасцю: істота не ўтварала цеплавое поле – яе тэмпература была роўнай з тэмпературай навакольнага асяроддзя; да таго ж істота не дыхала, была нябачнай у месячным святле і не пакідала ценю. Нягледзячы на гэта, яна паводзіла сябе як жывая: варушылася, гойдалася на галіне, а праз хвіліну нават пачала спяваць – ціхім, меладычным жаночым голасам.

– Яна яшчэ і спявае! – абурылася Палаева і рассунула вербалоз, выставіўшы наперад ружовы дыктафончык.

– А чаго ёй нудзіцца: сядзіць на сваёй бярозе ў сваё свята! – прашаптала Ханько.

– А ўчора нашага Яніка завабіла ў ваду, ледзь выратавалі! – Палаева паправіла мікрафон і трывожна паглядзела ў бок, дзе хаваўся хлопец.

– Гэта таму, што Янік быў без крыжыка! Двоечнік, – Ханько таксама паглядзела ў бок хлопца.

– Д-давайце н-не будзем яе к-кранаць, – запінаючыся, сказаў Янік з хмызоў.

– Як гэта «не будзем»? Мы на гэтую русалку чацвёртыя суткі палюем! – разлавалася Палаева.

– Ды цішэй вы! – шыкнуў на студэнтаў навуковы кіраўнік. – Ханько! Рыхтуйце прэпарат.

– Да тише вы! – шикнул на студентов научный руководитель. – Ханько! Готовьте препарат!

Ханько взяла чёрный пневматический пистолетик с наклейкой-цветком на рукоятке и направила дуло на русалку. Раздался короткий хлопок. Невидимая русалка, наделав громкого шороху и треска, стекла с дерева со шприцем в левом бедре.

Василий Петрович кивнул и выпрямился. Яник отключил излучатели.

– Сейчас проявится. Сейчас.

Действительно, через несколько секунд на траве, как изображение на фотоплёнке, начал проступать силуэт русалки. Скоро под берёзой уже лежала удивительно красивая, но очень бледная девушка с волосами длиной по голень, в белой сорочке с длинными рукавами.

Василий Петрович подошёл к русалке. За ним настороженно подтянулись студенты.

– Только в глаза ей не смотрите. Крестики на всех есть? – спросил Василий Петрович.

– Да. Взяли в музее под роспись! – сказала Ханько.

– Только не забывайте, что наша официальная религия – универсология, а наши боги – Наука и Эксперимент. Утром чтобы сняли крестики и вернули их в музей, – предупредил студентов научный руководитель.

Пылаева осторожно дотронулась до русалки и прошептала:

– Какая холодная!

– Конечно! Она же мёртвая! – радостно объявила Ханько.

– Из-за препарата?

Ханько ўзняла чорны пнеўматычны пісталецік з налепкай-кветачкай на рукаятцы і накіравала дула на русалку. Пачуўся кароткі хлапок. Нябачная русалка, нарабіўшы добрага шоргату, сцякла з дрэва са шпрыцам у левым сцягне.

Васіль Пятровіч кіўнуў і выпраміўся. Янік адключыў выпраменьвальнікі.

– Зараз праявіцца. Зараз.

Сапраўды, праз некалькі секунд на траве, як выява на фотаплёнцы, пачаў праступаць сілуэт русалкі. Хутка пад бярозай ужо ляжала незвычайна прыгожая, але дужа бледная дзяўчына з валасамі па галёнкі, у белай кашулі з даўгімі рукавамі.

Васіль Пятровіч падышоў да русалкі. За ім насцярожана падцягнуліся студэнты.

– Толькі ў вочы ёй не глядзіце. Крыжыкі на ўсіх ёсць? – спытаўся Васіль Пятровіч.

– Так. Узялі ў музеі пад роспіс! – сказала Ханько.

– Толькі не забывайцеся, што наша афіцыйная рэлігія – юніверсалогія, а нашыя боствы – Навука і Эксперымент. Раніцай каб знялі крыжыкі і вярнулі іх у музей, – папярэдзіў студэнтаў навуковы кіраўнік.

Палаева асцярожна дакранулася да русалкі і прашаптала:

– Якая халодная!

– Канешне. Яна ж мёртвая! – радасна абвясціла Ханько.

– З-за прэпарату?

– Не. Прэпарат яе толькі абезрухоміў, праявіў і зрабіў асязальнай. Яна мёртвая сама па сабе. Глядзіце: след ад вяроўкі на шыі. Напэўна, павесілася, калі чалавекам была. Цэнны экзэмпляр.

– Нет. Препарат её только обездвижил, проявил и сделал осязаемой. Она мёртвая сама по себе. Смотрите: след от верёвки на шее. Наверное, повесилась, когда человеком была. Ценный экземпляр.

Ханько знала в теории всю русальную традицию славян и могла рассказывать о русалках сутки напролёт.

– А разве не только утопленницы становятся русалками? – удивлённо спросила Пылаева.

– Пылаева! – раздосадованно протянул Василий Петрович, махая затёкшими от долгого сидения руками и ногами. – Я сейчас тебе поставлю «два» за знание предмета. Ханько?

– Все девушки-самоубийцы, вне зависимости от того, как распрощались с жизнью, становятся русалками. Ну, ещё дети, которые умерли некрещёными или которых «приспали» невнимательные мамашки, – отчеканила Ханько.

– Интересно, она может чувствовать боль? – подумала вслух Пылаева, выдернув иглу из бедра русалки.

– Вот и выясните. Это ваш дипломный проект, а я – всего-навсего научный руководитель, – Василий Петрович попрыгал на левой ноге, сделал несколько приседаний, зевнул и лениво сказал: – Запаковывайте объект – и в лабораторию. А у меня ещё группа 514-с никак не может разобраться с банником – он им уже всю сауну перевернул кверху дном. Оревуар!

Научный руководитель направился к своему автомобилю, замаскированному «под кустик». Авто заурчало, сверкнуло под луной, подмигнуло фарами и исчезло в просеке, оставив за собой тонкую фату пыли.

Ханько ведала ў тэорыі амаль усю русалчыну традыцыю славян і магла расказваць аб гэтым суткі запар.

– Хіба не толькі тапельніцы робяцца русалкамі? – здзіўлена спыталася Палаева.

– Палаева! – абурыўся Васіль Пятровіч, махаючы зацеклымі ад доўгага сядзення рукамі і нагамі. – Я табе зараз датэрмінова пастаўлю «два» за веданне прадмета. Ханько?

– Усе дзяўчаты-самазабойцы, незалежна ад таго, як развіталіся з жыццём, становяцца русалкамі. Ну, яшчэ дзеці, што памерлі нехрышчонымі ці якіх прыспалі няўважлівыя мамкі, – адчаканіла Ханько.

– Цікава, яна можа адчуваць боль? – падумала ўслых Палаева і выдзірнула іголку з русалчынага сцягна.

– Вось і высветліце. Гэта ваш дыпломны праект, а я – проста навуковы кіраўнік, – Васіль Пятровіч зрабіў некалькі прысяданняў, паскакаў на левай назе, пазяхнуў і ляніва сказаў: - Запакоўвайце аб'ект – і ў лабараторыю. А ў мяне яшчэ група 514-с ніяк не можа разабрацца з лазеннікам – ён ім ужо ўсю саўну перавярнуў дагары нагамі. Арэвуар!

Навуковы кіраўнік накіраваўся да свайго аўтамабіля, замаскіраванага «пад кусцік». Аўто завуркатала, бліснула пад месяцам, падмігнула фарамі і знікла на прасецы, пакінуўшы за сабой тонкі вэлюм пылу.

Палаева і Ханько развярнулі тэрмазберагальны мех.

– У саўну паехаў! – з зайдрасцю сказала Палаева. – Канешне, там Светачка Вярба ў кашміравай сарочцы ловіць лазенніка на голыя грудзі, ён такое відовішча не прапусціць.

Пылаева и Ханько развернули термосберегающий мешок.

– В сауну поехал! – с завистью сказала Пылаева. – Конечно, там Светочка Верба в кашемировой сорочке ловит банника на голую грудь, он такое зрелище не пропустит.

– Ещё неизвестно, что она ловит, эта Светочка, и как она это потом будет лечить. Вот так весёлая вдова: года не прошло, как муж утонул! Помоги-ка, Яник! – обратилась Ханько к парню, ухватив русалку за ноги.

Но парень стоял неподвижно, тихо повторяя:

– Д-давайте оставим её т-тут. Д-давайте, а?

– Э-э, серьёзно она тебя зацепила! Ты вот что… прими-ка свои седативные пилюльки и иди спать.

Ханько ухватила русалку за волосы, но тотчас же одёрнула руку. Из волос торчали зубчики железного гребня.

– Гребень. Железный. Острый! – Ханько облизнула пораненную ладонь.

Пылаева аккуратно вытянула гребень из волос русалки и взвесила в руке:

– О-о, тяжёлый! Интересный артефакт. Сдадим на экспертизу, результаты поместим в дополнение к работе!

Девушки запаковали русалку в мешок и потянули по земле к микроавтобусу, который стоял под ольхой в полукилометре от места поимки объекта. Парень молча последовал за ними.

Пылаева и Ханько исследовали объект в научной лаборатории. Пылаева возилась с цифрами в отделении статистики, Ханько в павильоне проводила опыты над русалкой, тестируя ту на устойчивость к разным веществам,

– Яшчэ невядома, што яна ловіць, гэтая Светачка, і як яна пасля будзе гэта лячыць. Вось дык вясёлая ўдава: году не прайшло, як муж патануў! Дапамажы, Янік! – звярнулася Ханько да хлопца, ухапіўшы русалку за ногі.
Але хлопец стаяў нерухома і ціха паўтараў:
– Д-давайце п-пакінем яе т-тут. Д-давайце, га?
– Э-э, моцна яна цябе зачапіла! Ты вось што… прымі свае седатыўныя пігулкі і ідзі спаць!
Ханько ўхапіла русалку за валасы, але адразу ж адхапіла руку. З русалчыных валасоў тырчэлі зубчыкі жалезнага грэбеня.
– Грэбень. Жалезны. Востры! – Ханько аблізнула параненую далонь.
Палаева ўзяла грэбень і ўзважыла ў руцэ:
– О-о, цяжкі! Цікавы артэфакт. Здадзім на экспертызу, вынікі змесцім у дадатак да работы.
Дзяўчаты паклалі русалку ў мех і павалаклі па зямлі да мікрааўтобуса, які стаяў пад алешынай за палову кіламетра адсюль. Хлопец моўчкі пайшоў за імі.

Палаева і Ханько даследавалі аб'ект у навуковай лабараторыі. Палаева вазілася з лічбамі ў аддзяленні статыстыкі, Ханько ў павільёне праводзіла вопыты над русалкай, тэстуючы тую на ўстойлівасць да розных рэчываў, гукаў і асяродкаў. Русалка мітусілася ўнутры сферычнага электрамагнітнага вальера, намагаючыся вырвацца, але не магла пераадолець нябачны бар'ер, які іскрыў і балюча біў яе токам.
– Дайце мне грэбень. Вярніце мне грэбень! – крычала яна, цягнула рукі да даследчыкаў, але тут жа атрымлівала разрад, шыпела і адскоквала назад.

звукам и средам. Русалка бегала внутри сферического электромагнитного вольера, силясь вырваться, но не могла преодолеть невидимый барьер, который искрил и больно бил её током.

– Дайте мне гребень! Верните мне гребень! – кричала она, тянула руки к исследователям, но тут же получала разряд, шипела и отпрыгивала назад.

– Электричество ей не по нраву, – констатировала Ханько, когда в павильон вошла Пылаева с электронным планшетом в руках.

– А она не вырвется? – испуганно спросила Пылаева, вводя в базу данных последние показатели с датчика, вживлённого русалке между лопаток, куда та не могла дотянуться своими длинными, гибкими пальцами.

– Никак. Высокое напряжение – раз, кодовые герметичные двери в лаборатории – два, постоянный надзор – три, – уверенно сказала Ханько.

– Добавь несколько единиц. Что-то мне неспокойно.

– Боишься?

– Интуиция.

– Интуиция, говоришь? Говорят, у рыжих она особенно сильно развита. Что ж, накину десяточек.

Пылаева бросила взгляд на таймер:

– Сколько она уже не расчёсывалась?

– Двенадцать часов, – ответила Ханько.

– Датчик показывает высокий уровень тревожности и средний – боли. Подождём ещё.

– Давай, чтобы не терять время, проверим, как она реагирует на повышение и понижение температуры. Сейчас наступит зима-а-а-а…

– Электрычнасць ёй не даспадобы! – канстатавала Ханько, калі ў павільён увайшла Палаева з электронным планшэтам у руках.
– А яна не вырвецца? – спалохана спыталася Палаева, уводзячы ў базу дадзеных апошнія лічбы з датчыка, ужыўленага русалцы паміж лапатак, куды тая не магла дацягнуцца пальцамі.
– Ніяк. Моцнае напружанне – раз, кодавыя герметычныя дзверы ў лабараторыі – два, – упэўнена адказала Ханько.
– Дадай некалькі адзінак. Нешта мне неспакойна.
– Баішся?
– Інтуіцыя.
– Інтуіцыя? Хм. Кажуць, у рудых яна дужа развітая. Добра, накіну дзясятачак.
Палаева кінула позірк на таймер:
– Колькі яна ўжо не расчэсвалася?
– Дванаццаць гадзін. Датчык паказвае высокі ўзровень трывожнасці і сярэдні – болю.
– Яшчэ пачакаем. А пакуль праверым, як яна рэагуе на павышэнне і паніжэнне тэмпературы. Зараз надыдзе зіма-а-а-а…
Ханько націснула некалькі кнопак на сэнсарным экране. Тэмпература ў русалчыным вальеры пачала зніжацца. Русалка забегала па крузе, але хутка холад узяў сваё: яна села, абхапіўшы рукамі калені, заплюшчыла вочы і змоўкла. Доўгія валасы, напоўненыя вадой, абгарнулі істоту цалкам – і застылі на марозе, утварыўшы вакол русалкі покрыў з ільду.
– Глядзі, глядзі: замерла! – абрадавалася Ханько і запляскала ў ладкі. – Напэўна, па такой жа схеме яны замірaюць у азёрах на зіму! А цяпер пераселім яе ў Афрыку...

Ханько несколько раз дотронулась до сенсорного экрана. Температура в вольере русалки начала быстро понижаться. Русалка забегала по кругу, но вскоре холод взял своё: она села, обхватив руками колени, закрыла глаза и стихла. Длинные волосы, наполненные водой, обернули её целиком – и застыли на морозе, превратившись в ледяной покров.

– Смотри, смотри: замерла! – обрадовалась Ханько и захлопала в ладоши.

– Наверное, по такой же схеме они замирают в озёрах на зиму. А сейчас переселим её в Африку…

Студентка снова дотронулась до планшета. Воздух начал прогреваться. Ледяная корка на русалке обтаяла. Русалка дёрнулась и резко разомкнула веки. Однако через некоторое время ей стало нестерпимо жарко: она сбросила сорочку и замелькала по вольеру вдвое быстрее.

В павильон вошёл Яник. Пылаева заметила его и поправила причёску. Но парень увидел русалкиу, вокруг которой струились длинные волосы, и застыл, словно каменный, не в силах отвести глаза от объекта исследования.

Пылаева наклонилась к Ханько и ревниво прошептала:

– Давай проверим, какой у неё самый низкий допустимый порог влажности.

Ханько кивнула и снова изменила погоду в павильоне. Вскоре кожа русалки покрылась пятнами, а волосы скрутились, как водоросли, выброшенные на берег в самый солнцепёк. Русалка упала на пол и начала задыхаться.

– Хватит! Хватит! Вы же её убьёте! – закричал Яник, бросившись к приборной панели. Экстренным переключением климатической программы он вызвал над вольером тропический дождь.

Студэнтка зноў націснула некалькі кнопак. Паветра пачало прагравацца. Ледзяная корка на русалцы абтаяла. Русалка здрыганулася і рэзка разамкнула вейкі. Але праз некаторы час ёй стала нясцерпна горача: яна скінула з сябе кашулю ды замітусілася па вальеры з падвоенай хуткасцю.

У павільён увайшоў Янік. Палаева паправіла прычоску. Але хлопец убачыў прыгожы русалчын стан, вакол якога струменіліся доўгія валасы, і застыў, як каменны, не маючы сілы адвесці вачэй ад аб'екта даследавання. Палаева нахілілася да Ханько і раўніва прашаптала:

– Давай праверым ніжэйшы парог дапушчальнай для яе вільготнасці.

Ханько кіўнула і зноў змяніла надвор'е ў павільёне. Неўзабаве русалчына скура пакрылася плямамі, а валасы скруціліся, як водарасці, выкінутыя на бераг у самую спёку. Русалка ўпала на падлогу і пачала задыхацца.

– Хопіць! Хопіць! Вы ж яе знішчыце! – закрычаў Янік, кінуўшыся да прыборнай панэлі. Хуткім пераключэннем кліматычнай праграмы хлопец выклікаў над вальерам трапічны дождж.

Русалка ляжала, цяжка дыхаючы, і лавіла вуснамі кроплі выратавальнай залевы. Янік глядзеў на яе.

– Ну, ладна. Аб'яўляю перапынак! – дзелавіта сказала Ханько.

Дзяўчаты накіраваліся ў прыбіральню. Каля выхаду з павільёна Палаева азірнулася на русалку і працадзіла праз зубы:

– Ты не атрымаеш ні Яніка, ні свой паганы грэбень!

Дзяўчаты выйшлі.

Русалка лежала и ловила губами капли спасительного ливня. Яник смотрел на неё.

– Ну, ладно. Достаточно. Объявляю перерыв! – деловито сказала Ханько.

Девушки направились в уборную. У выхода из павильона Пылаева обернулась и процедила сквозь зубы:

– Ты не получишь ни Яника, ни свой поганый гребень!

Девушки вышли.

Яник выключил дождь. Русалка тяжело встала, подошла к краю барьера, а подойдя, произнесла:

– Вода тянет волосы… Дай мне гребень… Дай мне его…

Непреодолимая сила заставила Яника посмотреть в глаза русалки – живые, большие, наполненные слезами, как два колодца. Яник забыл, что умеет дышать, а когда вспомнил, резко втянул воздух в лёгкие. На ощупь открыв шкафчик, он достал оттуда гребень и бросил его русалке.

Русалка схватила гребень и всадила его в волосы. С них потекли на пол мощные струи воды. Русалка с наслаждением застонала, засмеялась, но вдруг стала серьёзной и зашептала:

– Выпусти меня отсюда… Выпусти! Я сделаю тебе хорошо в ответ…

Парень окончательно провалился в бездну русалкиного взгляда. Он потянул руку к выключателю, чтобы снять с неё электромагнитный вольер, но вдруг в павильон вошёл Василий Петрович.

– Яник! Яник! – позвал он.

Голос руководителя вытянул парня из сладкого марева. Яник оглянулся.

Янік выключыў дождж. Русалка ўстала, падышла да мяжы бар'ера, а падышоўшы, прамовіла:
– Вада цягне валасы… Дай мне грэбень. Калі ласка, дай мне яго…
Непераадольная сіла прымусіла хлопца паглядзець у русалчыны вочы – жывыя, вялікія, напоўненыя слязьмі, як дзве крыніцы…
Янік забыўся, што ўмее дыхаць, а калі ўспомніў, некалькі разоў шумна ўцягнуў у лёгкія паветра. Не адводзячы позірку ад чароўных вачэй, ён навобмацак адамкнуў шафачку, выняў адтуль грэбень і кінуў яго русалцы.
Русалка ўхапіла грэбень і ўсадзіла яго сабе ў валасы. З іх пацяклі на падлогу моцныя струмені вады. Русалка з асалодай застагнала, засмяялася, але раптам стала сур'ёзнай і зашаптала:
– Выпусці мяне адсюль… выпусці! Я зраблю табе хораша ў адказ…
Хлопец канчаткова праваліўся ў бездань русалчынага пагляду. Ён пацягнуў руку да выключальніка, каб зняць з русалкі электрамагнітны вальер, але раптам у павільён увайшоў Васіль Пятровіч.
– Янік! Янік! – паклікаў ён.
Голас навуковага кіраўніка выцягнуў хлопца з салодкага мроіва. Ён азірнуўся.
– Ідзі дадому, – сказаў Васіль Пятровіч.
– Я пабуду. Падзяжуру.
– Я сказаў – ідзі. Сёння дзяжурыць Палаева.
– Я падмяню Палаеву.
Васіль Пятровіч наблізіўся да Яніка, праверыў пульс на ягонай шыі, зазірнуў у пашыраныя зрэнкі.

– Иди домой, – сказал Василий Петрович.
– Я побуду. Подежурю.
– Я сказал – иди. Сегодня дежурит Пылаева.
– Я подменю Пылаеву.
Василий Петрович подошёл к Янику, проверил пульс на его шее, заглянул в расширенные зрачки.
– Вот что. У меня ощущение, что практическое изучение объекта представляет угрозу для твоего здоровья. Так бывает. С этой минуты я освобождаю тебя от непосредственного контакта с русалкой, в том числе и визуального. Понял? Пускай наблюдениями и опытами занимаются девушки. А ты будешь анализировать данные и работать над статистикой.
Василий Петрович силой вывел парня из павильона.

Утром Яник пришёл в лабораторию раньше остальных и, несмотря на запрет, сразу направился в павильон, чтобы навестить русалку. Но первой, кого увидел парень, была не русалка.
Пылаева висела под потолком в петле из перерубленных проводов и собственных волос. Электричества в павильоне не было, поэтому вольер отсутствовал. Русалка исчезла. Кодовая дверь без электричества превратилась в кусок железа и свободно болталась на петлях. На полу павильона Яник нашёл датчик.
Ханько, войдя в павильон, охнула и упала на стул, схватившись за сердце. Следом вбежал Василий Петрович. Он увидел тело Пылаевой, которое покачивалось из стороны в сторону на сквозняке, обхватил голову руками и закричал:

– Вось што. У мяне адчуванне, што практычнае вывучэнне дыпломнага аб'екта нясе пагрозу твайму здароўю. З гэтай хвіліны я вызваляю цябе ад непасрэднага кантакту з русалкай, у тым ліку і візуальнага. Зразумеў? Няхай назіраннямі і вопытамі займаюцца дзяўчаты. А ты будзеш аналізаваць сабраныя дадзеныя і рабіць статыстыку.
Васіль Пятровіч сілай вывеў хлопца з павільёна.

Раніцай Янік прыйшоў у лабараторыю хутчэй за астатніх і адразу накіраваўся ў павільён, каб наведаць русалку. Але першая, каго ён убачыў, была не русалка. Палаева вісела пад столлю ў пятлі са сваіх уласных валасоў і перарубленых правадоў. Электрычнасці ў павільёне не было, таму вальер адсутнічаў. Русалка таксама знікла. Кодавыя дзверы без электрычнасці пераўтварыліся ў звычайную жалезку і вольна боўталіся на петлях. На падлозе Янік знайшоў датчык.
У павільён увайшла Ханько, вохнула і ўпала на стул, схапіўшыся за сэрца. Следам убег Васіль Пятровіч. Ён убачыў цела Палаевай, што гойдалася з боку ў бок ад скразняку, абхапіў галаву рукамі і закрычаў:
– Дзе яна?!
Янік працягнуў навуковаму кіраўніку датчык.
– Далёка збегчы не магла, бо абясточаны толькі гэты павільён. Яна недзе на тэрыторыі.
– Уключым выпраменьвальнікі? – спыталася Ханько.
– Іх нельга трымаць уключанымі пастаянна – гэта ж радыяцыя ў вялікіх дозах. Будзем лавіць «на жыўца». Трэба прывабка.

– Где она? Где?
Яник показал научному руководителю датчик.
– Далеко убежать не могла – обесточен только этот павильон. Она где-то на территории, – сказал Василий Петрович.
– Включим излучатели? – предложила Ханько.
– Их нельзя держать включёнными постоянно. Это же радиация в огромных дозах. Будем ловить «на живца». Нужна приманка.
– Гребень! – Ханько бросилась к шкафу, но, отомкнув его, растерянно сказала: – Исчез…
Василий Петрович вытер лоб носовым платком:
– Если гребень у неё, то теперь это не русалка, а чистый ангел смерти. Гребень придаёт ей силы. И за то, что мы с ней сделали, она вычешет нас этим гребнем из числа живых.

В исследовательской лаборатории было введено чрезвычайное положение. Преподавателям, студентам и лаборантам запрещалось ходить по одному и носить длинные волосы. Всем были выданы шприцы с препаратом, чтобы в случае встречи с русалкой моментально её обездвижить. На ночь все до одного обязались покидать лабораторию.

На следующий день в холодильной комнате была найдена Ханько. В её сердце торчал шприц с препаратом.
Через день в соседнем павильоне погибла Света Верба: как будто оступилась и попала под сильный разряд электричества.

– Грэбень! – ускрыкнула Ханько і кінулася да шафачкі, але, адамкнуўшы яе, разгублена сказала: – Знік…
Васіль Пятровіч выцер лоб насоўкай і ціха прамовіў:
- Калі грэбень у яе… то цяпер гэта не русалка, а чысты анёл смерці. Грэбень надае ёй сілы. І за тое, што мы з ёй рабілі, яна вычаша нас гэтым грэбенем з ліку жывых.

У даследчай лабараторыі абвясцілі надзвычайнае становішча. Выкладчыкам, студэнтам і лабарантам забаранілі перамяшчацца па адным і насіць доўгія валасы. Усім выдалі шпрыцы з праяўляльным прэпаратам, каб у выпадку сустрэчы з русалкай тэрмінова яе абезрухоміць. На ноч усе да аднаго мусілі пакідаць лабараторыю.
На наступны дзень у халадзільным пакоі была знойдзеная Ханько. У яе сэрцы тырчэў шпрыц з прэпаратам.
Праз дзень у суседнім павільёне загінула Святлана Вярба: як быццам аступілася і патрапіла пад моцны электрычны разрад.
– Русалка хацела зацягнуць мяне ў ваду, – сказаў Янік над целам Вярбы. – Яна не супакоіцца, пакуль не атрымае сваё.

Увечары Янік не пакінуў лабараторыю разам з іншымі. Ён сеў на падлогу ў цэнтры павільёна і стаў чакаць.
Як толькі электронны гадзіннік абнуліў час на новыя суткі, у павільён увайшла русалка. Яна злавіла сваімі бяздоннымі вачамі позірк хлопца, мякка ўсміхнулася яму, села побач і ціха сказала:

– Это не те жертвы, – сказал Яник над телом Вербы. – Русалка хотела затянуть в воду меня. Она не успокоится, пока не получит своё.

Вечером Яник не оставил лабораторию вместе с остальными. Он сел на пол в центре павильона и стал ждать.
Как только электронные часы обнулили время на новые сутки, в павильон вошла русалка. Она поймала своими бездонными глазами взгляд Яника, мягко улыбнулась, подошла и села рядом.
– Вот и ты… – сказала она.
– Как ты выбралась из вольера? – спросил Яник.
– Метнула гребень и перерубила им провода.
– Если тебе был нужен я – зачем столько жертв?
– Боль за боль. Кстати, те две не мучились так, как мучили меня.
– А третью за что?
Русалка провела гребнем по волосам и дотронулась до розового шрама от верёвки на своей шее. Шрам покраснел.
– Смерть за смерть, – прошептала она.
Парню нестерпимо захотелось коснуться русалки.
– Скажи… почему ты лишила себя жизни? – спросил Яник и провёл ладонью по её шее.
Русалка зажмурилась от удовольствия.
– Из-за парня. Он женился на другой, – ответила она, схватила ладонь Яника и поцеловала её.
– И где он сейчас?

– Вось і ты...
– Як ты выбралася з вальера? – спытаўся Янік.
– Кінула грэбень і перарубіла ім правады.
– Калі табе быў патрэбны я – нашто столькі ахвяр?
– Боль за боль. Дарэчы, тыя дзве не мучыліся так, як мучылі мяне.
– А трэцюю за што?
Русалка правяла грэбенем па валасах. Ружовы шнар на яе шыі пачырванеў.
– Смерць за смерць, – сказала яна.
Хлопцу вельмі захацелася дакрануцца да русалкі.
– Скажы... чаму ты пазбавіла сябе жыцця? – спытаўся Янік і правёў далонню па яе шыі.
Русалка зажмурылася ад асалоды.
– З-за хлопца. Ён пабраўся шлюбам з другой, – вымавіла яна, схапіла руку хлопца і пацалавала яе.
– І дзе ён цяпер?
– Ён патануў год таму. Няшчасны выпадак!
– А яна?
– А яе… токам учора забіла!
Русалка рассмяялася. Рэха яе смеху пракацілася па калідорах, некалькі разоў адскочыла ад прыборных панэляў і вылецела ў вентыляцыйную шахту.
– Ты прыйшла па мяне? Забівай.
– Не хачу.
Янік адчыніў дзверы лабараторыі. З двара пацягнула чэрвеньскай свежасцю.

– Он утонул год тому назад. Несчастный случай.
– А её… её вчера убило током!
Русалка засмеялась. Эхо её смеха покатилось по коридорам, несколько раз отразилось от приборной панели и вылетело в вентиляционную шахту.
– Ты пришла за мной. Убивай, – Яник лёг.
– Не хочу.
Яник встал и открыл двери лаборатории. Снаружи потянуло июньской свежестью.
– Тогда иди на волю, на свою берёзу.
Русалка грустно посмотрела на парня.
– Я не хочу идти. Я жить хочу. С тобой жить! – тут она заговорила быстро и сбивчиво: – Если священник набросит на меня крестик и окрестит новым именем, я стану человеком – живым человеком и не буду помнить, что делали со мной и что делала я! И я проживу свой век среди людей! Тебе же нравятся мои глаза, руки, моё тело? Найди священника!
– Где же я его найду? Уже целое столетие наша официальная религия – универсология…
– Я знаю, я при жизни была универсалкой… Наука не умеет воскрешать, воскрешает только вера! Ты знаешь, куда идти. Я буду ждать тебя здесь. Отнеси ему мой гребень.
Русалка воткнула гребень в волосы Яника и исчезла.

Яник подошёл к маленькой церкви, которая носила статус архитектурного памятника и поэтому не была уничтожена одержимыми чиновниками-

– Тады ідзі на волю, на сваю бярозу.
Русалка паглядзела Яніку ў вочы і сумна сказала:
– І ісці не хачу. Я жыць хачу! З табой жыць! – тут яна загаварыла вельмі хутка і нервова: – Калі святар накіне на мяне крыжык і ахрысціць новым імем, я стану чалавекам – жывым чалавекам, я не буду памятаць, што са мной рабілі і што рабіла я! І дажыву свой век сярод людзей! Табе ж падабаюцца вочы мае, рукі мае, стан? Дык знайдзі святара!
– Дзе ж я табе яго знайду? Ужо стагоддзе, як наша афіцыйная рэлігія – юніверсалогія...
– Я ведаю, я пры жыцці была юніверсалкай. Навука не ўмее ўваскрашаць, уваскрашае толькі вера! Ты ведаеш, куды трэба ісці! Я буду чакаць цябе тут. Аднясі яму мой грэбень!
Русалка ўсадзіла грэбень у валасы Яніка і знікла.

Янік падышоў да маленькай царквы, якая насіла статус архітэктурнага помніка і таму не была зруйнаваная апантанымі чыноўнікамі-юніверсолагамі. Цяпер тут быў арганізаваны «Музей хрысціянства». У ім пастаянна жыў загадчык, стораж і экскурсавод – трыадзіны прафесійна і цэласны духоўна музейнік Міраслаў, аб якім хадзілі чуткі, што ён па начах служыць малебны і нават хрысціць дзяцей.
Янік узняўся па каменных прыступках і, крыху памарудзіўшы, пагрукаў у дзверы.
– Хто такі? Нашто прыйшоў? – пачулася знутры.
– Я… мне… студэнт. З лабараторыі.

универсологами. Теперь здесь был организован «Музей христианства». В нём постоянно жил заведующий, сторож и экскурсовод – триединый профессионально и целостный духовно музейник Мирослав, о котором ходили слухи, что по ночам он тайно служит молебны и даже крестит детей.

Яник поднялся по каменным ступеням и, немного помедлив, постучал в дверь.

– Кто такой? Зачем пришёл? – раздалось изнутри.

– Мне… я студент. Из лаборатории.

– Молодой универсолог. За крестиком или как?

– Нет, я… по личному вопросу.

Дверь открылась. Лысый музейник в чёрном балахоне прищурился, оценивая Яника, а после сделал два шага назад, пропуская парня:

– Входи.

Яник переступил порог и вошёл в музей, ходить в который без научного повода у универсологов считалось страшным пороком.

Парень осмотрелся. В свете лампад за ним наблюдали изображения сосредоточенных святых. От их взглядов у Яника похолодели руки.

Тем временем Мирослав достал из-под подола зелёную стеклянную бутылку.

– Кагор. Христова кровь! – сказал он, наливая вино в музейный экспонат – серебряную чашу, и протянул чашу Янику. – Держи.

– Я не пью.

– Я не сказал – пей, я сказал – держи, – музейник закрыл бутылку, поставил её на пол и взял чашу с вином из руки Яника. – Я знаю: вы, учёные-

– Малады ўніверсолаг. Па крыжык ці як?
– Не… я па асабістым пытанні.
Дзверы адчыніліся. Лысы музейнік у чорным балахоне прыжмурыўся, ацэньваючы Яніка, а потым зрабіў два крокі назад, прапускаючы хлопца:
– Уваходзь.
Янік пераступіў парог і ўвайшоў у музей, хадзіць у які без навуковай нагоды ў юніверсолагаў лічылася жудаснай заганай. Хлопец агледзеўся. У святле лампад са сцен за Янікам сачылі засяроджаныя выявы святых. Ад іх позіркаў у Яніка пахаладзелі рукі.
Тым часам музейнік Міраслаў дастаў з-пад крыса зялёную шкляную бутэльку.
– Кагор! Хрыстова кроў, – абвясціў ён, наліваючы віно ў музейны экспанат – срэбны кубак, і працягнуў кубак Яніку. – Трымай.
– Я не п'ю.
– Я не сказаў – пі, я сказаў – трымай, – музейнік закрыў бутэльку, паставіў яе на падлогу і ўзяў кубак з кагорам з рукі Яніка. – Я ведаю: вы, навукоўцы-юніверсолагі, кроў не п'еце, вы яе разглядаеце ў мікраскоп. Вы ўсё разглядаеце ў мікраскоп, а што не змяшчаецца на шкельца – за тым цікуеце ў тэлескоп! Як там у вас… «прычынна-выніковыя адносіны асобных частак прасторы, якія развіваюцца ў часе»…
Янік кіўнуў. Міраслаў адпіў з кубка.
– Вы не любіце Жыццё, – сказаў ён, – вы яго прэпарыруеце. Спачатку разабралі матэрыю на часткі. Потым тканіну прасторы і часу разматалі, падзялілі. Цяпер вось у паралельныя вымярэнні торкаецеся, як быццам кансерву адкрываеце

универсологи, кровь не пьёте. Вы её рассматриваете в микроскоп. Вы всё рассматриваете под микроскопом, а что не помещается на стёклышко, затем наблюдаете в телескоп! Как там у вас… «причинно-следственные отношения отдельных частей пространства, которые развиваются во времени…»

Яник кивнул. Мирослав отпил из кубка.

– Вы не любите Жизнь, – сказал он, – вы её препарируете. Сначала разобрали материю на частицы. Потом ткань пространства и времени размотали, поделили. Теперь вот в параллельные измерения тычетесь, как будто открываете консервы тупым ножом. Чистый бандитизм! Вас пустили в этот мир немного пожить, а вы сразу – ломать, рвать, шкодить. И называется это всё у вас – «изучение законов существования». Вот тебя разорвать на части – ты долго просуществуешь?

Яник пожал плечами.

– А я знаю! – не дожидаясь ответа, сказал музейник. – Будет твоё тело существовать по частям, руки-ноги, пока не сгниёт, а сам ты бестелесным духом будешь блуждать в пространстве, полуживой… пока тебя не поймает какой-нибудь молодой учёный-универсолог и не истерзает, как твою русалку-универсалку.

Мирослав осушил чашу, вытер губы рукавом и произнёс:

– Кстати, она вчера была тут. Сидела во-он на той берёзке, а в храм не вошла – конечно, куда ей, закладной! Благодать не пустит. Ждала, пока я выйду сам и без креста. Так вот, жаловалась на вас. Про тебя говорила, что придёшь.

Яник достал из кармана гребень и протянул музейнику.

тупым нажом. Чысты бандытызм! Вас пусцілі ў гэты свет крыху пажыць, а вы адразу – ламаць, раздзіраць, шкодзіць. І называецца гэта ўсё ў вас – «вывучэнне законаў існавання». Вось цябе раздзерці на часткі – ці доўга ты праіснуеш?
Янік паціснуў плячамі.
– А я ведаю! – не чакаючы адказу, сказаў музейнік. – Будзе тваё цела існаваць па частках, рукі-ногі, пакуль не згніе, а сам ты бесцялесным духам будзеш блукаць у прасторы, напаўжывы… пакуль цябе не спаймае які-небудзь малады вучоны ды не закатуе, як тваю русалку-юніверсалку.
Міраслаў асушаў кубак да дна, выцер вусны рукавом і прамовіў:
– Дарэчы, яна ўчора была тут. Сядзела ву-унь на той бярозцы, у храм не ўвайшла – ну канешне, куды ёй, закладной! Мілата не пусціць. Чакала, пакуль я выйду сам і без крыжа. Скардзілася на вас. Пра цябе казала, што прыйдзеш.
Янік дастаў з кішэні грэбень і працягнуў музейніку.
Міраслаў выцер кубак крысом і паставіў на месца. Потым ён адчыніў вялікую скрыню, што стаяла на падлозе. Скрыня амаль даверху была напоўненая грабянямі – жалезнымі, срэбнымі, меднымі. Музейнік паклаў русалчын грэбень у скрыню і закрыў яе.
Потым Міраслаў прайшоўся каля стэнда з крыжамі, уважліва разглядаючы іх, і, нарэшце, выняў з-пад шкла адзін – маленькі, на залатым ланцужку. Музейнік пакруціў яго ў руках, павярнуўся да хлопца і спытаўся:
– Ты мне скажы: будзеш яе берагчы? Бо нашто істоту ачалавечваць, калі яна нікому не патрэбная?
– Буду берагчы! – адказаў Янік.

Мирослав вытер чашу подолом и поставил её на место. Потом он открыл большой ящик, который стоял у алтаря. Ящик почти доверху был набит гребнями – железными, серебряными, медными. Музейник положил гребень в ящик и закрыл его.

Потом Мирослав прошёлся у стенда с крестами, внимательно рассматривая их, и, наконец, вынул из-под стекла один крестик – маленький, на золотой цепочке. Музейник покрутил его в руках, повернулся к парню и спросил:

– Ты мне скажи: будешь её беречь? Потому что зачем существо очеловечивать, если оно никому не нужно?

– Буду беречь! – сказал Яник.

– Как хочешь, чтобы её звали? Может, Марией?

– Можно и Марией. Красиво.

Священник улыбнулся:

– Вот и хорошо! Разучим тебя и её заниматься убийствами, научим дарить жизнь… а сына вашего первого окрестим Мирославом!

– Як хочаш, каб яе звалі? Можа, Марыяй?
– Можна і Марыяй. Прыгожа.
Святар усміхнуўся:
– Вось і добра! Развучым цябе і яе займацца забойствамі, навучым дарыць жыццё… А сына твайго першага ахрысцім Міраславам!

Дарья Вашкевич

Авторский перевод на белорусский язык

Дар'я Вашкевіч

Аўтарскі пераклад на беларускую мову

Дарья Вашкевич родилась в 1985 году. Окончила факультет международных отношений БГУ по специальности «Международное право». В 2012 году получила ступень магистра, окончив университет Варвика в Великобритании по специальности «Писательство» («Creative Writing»). Работает переводчиком-фрилансером.

Имеет шесть публикаций авторских произведений, а также шесть публикаций литературных переводов с английского, испанского, шведского языков на белорусский. Победитель семи литературных конкурсов, а также международного конкурса.

Дар'я Вашкевіч нарадзілася ў 1985 годзе. Скончыла факультэт міжнародных адносін БДУ па спецыяльнасці «Міжнароднае права». У 2012 годзе атрымала ступень магістра, скончыўшы ўніверсітэт Варвіка ў Вялікабрытаніі па спецыяльнасці «Пісьменніцтва» («Creative Writing»). Працуе перакладчыкам-фрылансерам.

Мае шэсць публікацый аўтарскіх твораў, а таксама шэсць публікацый літаратурных перакладаў з англійскай, іспанскай, шведскай моў на беларускую. Пераможца сямі літаратурных конкурсаў, а таксама міжнароднага конкурсу.

СОНЯ

Я увидела ее фотографию на Фейсбуке, в столбце «Люди, которых Вы, возможно, знаете». Я нажала на фото. Её профиль оказался публичным и рассказал мне о том, что ей двадцать девять и что живёт она в Мюнхене, замужем за неким Рихардом Штольманам. Я почему-то всегда предполагала, что Соня выйдет замуж позже всех наших общих знакомых – если вообще выйдет.

Я просмотрела её фотографии. Она перекрасилось в шатенку. Мне показалось, этот цвет не очень подходил к её глазам цвета крыжовника. Несмотря на цветовой диссонанс, Соня выглядела довольно счастливой – особенно на фото, где она стояла рядом с мужем на берегу какого-то озера.

Я не добавила Соню в друзья. Я решила написать ей письмо на е-мэйл (благо, Фейсбук щедро делился ее контактами):

«Дорогая Соня,

Кажется, прошла тысяча лет с того времени, когда мы виделись».

Нет, это просто какая-то Вирджиния Вульф.

«Здорово, Соня!

Не поверишь – только что нашла тебя на Фейсбуке!»

Чёрт, я же всё-таки не восторженный тинэйджер.

«Соня!

Мы с тобой так давно...»

Да ну!

СОНЯ

Я пабачыла яе фотаздымак на Фэйсбуку, у слупку «Людзі, якіх Вы, мажліва, ведаеце». Я націснула на фота. Яе профіль апынуўся публічным і распавёў мне аб тым, што ёй дваццаць дзевяць і што жыве яна ў Мюнхене, замужам за нейкім Рыхардам Штольманам. Я чамусьці заўжды меркавала, што Соня выйдзе замуж пазней за ўсіх нашых агульных знаёмых – калі ўвогуле выйдзе.
Я прагледзела яе фотаздымкі. Яна пафарбавалася ў шатэнку. Мне падалося, гэты колер не вельмі пасаваў да яе агрэставых вачэй. Нягледзячы на той каляровы дысананс, Соня выглядала даволі шчаслівай – асабліва на фотаздымку, які ўхапіў яе на беразе нейкага возера поруч з мужам.
Я не дадала Соню да сяброў. Я вырашыла напісаць ёй электронны ліст (бала-зе, Фэйсбук шчодра дзяліўся яе кантактамі):
«Дарагая Соня,
Здаецца, мінула тысяча год з таго часу, калі мы апошні раз бачыліся».
Не, гэта нейкая Вірджынія Вульф.
«Здароў, Соня!
Не паверыш – толькі што знайшла цябе на Фэйсбуку!»
Халера, але я ўсё-ткі не тынэйджэр.
«Соня!
Мы з табой так даўно...»
Ды ну!

Удалив черновик, я пошла разогревать полуфабрикаты.
Поужинав, полезла на антресоли в своей комнате. Они должны быть где-то там, я точно помнила. Раскидав вещи, я, наконец, нашла их в картонной коробке, оклеенной поблёклой зелёной бумагой. Я устроилась с ящиком на полу. Писем было много. Мы писали друг другу каждое лето, когда я уезжала к бабе с дедом в деревню. Письма были длинные и подробные – раньше писать их было так просто. Часто мы посылали друг другу свои рисунки. Соня была по-настоящему талантливой, она рисовала карандашами и красками абсолютно всё: пейзажи, натюрморты, людей, животных... Однажды она даже нарисовала с фотографией мой портрет – получилось похоже. Я же, насколько помню, перебивалась абстракциями. Соня говорила, что в них «чувствуется энергия», и увешивала ими свою комнату.
Перебирая Сонины письма, я вспомнила, как лет восемь назад сидела на песчаном берегу за тысячи водных километров от дома, а Атлантический океан лизал мои пятки. Я была двадцатилетней, немного пьяной, одинокой и счастливой. И внезапно мне захотелось позвонить Соне и рассказать ей, что я влюбилась, что именно там, на берегу Атлантики, я впервые в своей жизни увидела оранжевую и сочную, как грейпфрут, полную луну и что мне было жаль – и было жаль всегда… К тому времени мы уже окончательно потеряли друг друга, у меня не было её номера телефона. Да и имей я его, то вряд ли позвонила бы.

Выдаліўшы чарнавік, я пайшла разаграваць паўфабрыкатную піццу.
Павячэраўшы, я палезла на антрэсолі ў сваім пакоі. Яны павінны быць недзе там, я дакладна памятала. Перакуліўшы ўсе рэчы, я, нарэшце, знайшла іх у кардоннай скрынцы, абклеенай паблёклай зялёнай паперай. Я ўладкавалася са скрыняй на падлозе. Лістоў было багата. Мы пісалі адна адной кожнае лета, калі я выязджала да бабы з дзедам на вёску. Лісты былі доўгія і падрабязныя – раней пісаць іх было так проста. Часта мы дасылалі адна адной і свае малюнкі. Соня была сапраўды таленавітай, яна малявала алоўкамі і фарбамі абсалютна ўсё: пейзажы, нацюрморты, людзей, жывёл… Аднойчы яна нават намалявала з фотаздымка мой партрэт – атрымалася досыць падобна. Я ж, наколькі памятаю, перабівалася збольшага абстракцыямі. Соня казала, што ў іх «адчуваецца энергія» і абвешвала імі свой пакой.
Праглядаючы Соніны лісты, я ўзгадала, як гадоў восем таму сядзела на пясчаным беразе за тысячы водных кіламетраў ад дому, а Атлантычны акіян лізаў мае пяткі. Я была дваццацігадовай, крыху п'янай, самотнай і шчаслівай. І раптоўна мне захацелася патэлефанаваць Соні і распавесці ёй, што я закахалася, што менавіта там, на беразе Атлантыкі, я ўпершыню ў сваім жыцці пабачыла аранжавую і сакавітую, як грэйпфрут, поўню і што мне было шкада – і было шкада заўжды... На той час мы ўжо канчаткова згубілі кантакт, і я не мела яе нумара тэлефона. Дый нават калі б я яго мела, то наўрад ці патэлефанавала б.

***

Это было мое первое хоровое занятие в музыкальной школе, и я была сильно взволнована. Ожидая начала урока, я крутилась на месте, оглядывая своих свеже-розовых, аккуратно причёсанных одногруппников и точила карандаши. Когда все три карандаша сделались острыми, словно иглы, я чуть подалась вперёд и дёрнула за косичку девочку, которая сидела передо мной. Она обернулась: молочно-бледное лицо, рыжие кудряшки, которые непослушно выбивались из-за ушей, зелёные глаза и брови, изогнутые таким образом, будто девочка была удивлена (она, безусловно, была на тот момент, однако, как я узнала позже, выражение лёгкого удивления никогда не покидало её лица). Уголки её губ слегка дрожали, и я подумала, что девочка вот-вот заплачет. Вместо этого она нахмурилась и сердито прошипела: «Я всё расскажу своему старшему брату, и он тебя побьёт!» Я показала наглой девчонке язык. Она потянулась и ущипнула меня за руку – я пискнула. Преподаватель хорового пения, седой поляк-еврей господин Грабовский, поднял голову над блокнотом, в котором что-то чертил, меланхолически на нас посмотрел и сказал: «Вы. Успокойтесь…» – и вернулся к своему блокноту.

Мы успокоились. Но мне удалось тихонько подуть в волосы девочки. Она нервно встрепенулась, но не обернулась. Победа осталась за мной.

Через два дня, перед очередным хоровым занятием, щипательница поделилась со мной своим бутербродом.

– Он с сыром и огурцом, – деловито сказала она.

Потом она улыбнулась и добавила:

***

Гэта быў мой першы харавы занятак у музычнай школе, і я была з гэтае нагоды дужа ўсхваляваная. Чакаючы пачатак урока, я круцілася на месцы, аглядала сваіх свежа-ружовых, акуратна прычасаных аднагрупнікаў і вастрыла алоўкі. Калі ўсе тры алоўкі зрабіліся вострымі, нібы голкі, я крыху падалася наперад і тарганула за коску дзяўчынку, што сядзела перада мной. Яна абярнулася: малочна-бледнае аблічча, рудыя кудзеркі, якія непаслухмяна выбіваліся з-за вушэй, зялёныя вочы і бровы, выгнутыя такім чынам, быццам дзяўчынка была здзіўленая (яна, безумоўна, была на той момант; аднак, як я дазналася пазней, выраз лёгкага здзіўлення ніколі не пакідаў яе твар). Куткі яе вуснаў крыху дрыжэлі, і я падумала, што дзяўчо зараз заплача. Замест гэтага яна нахмурылася і злосна прасычэла: «Я ўсё раскажу свайму старэйшаму брату, і ён цябе паб'е!» Я паказала нахабнай дзеўцы язык. Яна пацягнулася і ўшчыкнула мяне за руку – я піскнула. Выкладчык харавых спеваў, сівы паляк-габрэй спадар Грабоўскі, узняў галаву над нататнікам, у якім нешта крэмзаў, меланхалічна на нас паглядзеў і мовіў: «Вы. Супакойцеся...» – і вярнуўся да свайго нататніка. Мы супакоіліся. Але мне ўдалося ціхенька ззаду падзьмуць у валасы дзяўчынкі. Яна нервова схамянулася, але не абярнулася. Перамога засталася за мной.

Праз два дні, перад чарговым харавым заняткам, дзяўчынка-ўшчыкальніца падзялілася са мной сваім лусцікам.

– Ён з сырам і гурком, – дзелавіта сказала яна.

Потым яна ўсміхнулася і дадала:

– Маё імя Соня Федарук. І я не скардзілася на цябе свайму брату, не бойся!

– Моё имя Соня Федорук. И я не жаловалась на тебя своему брату, не бойся!
– Я и не боюсь, – соврала я и взяла кусок бутерброда.
В тот день, после занятий, мы пошли в кафетерий за мороженым. Выяснилось, что нам обеим было по восемь лет и в музыкальной школе у нас одна специализация – фортепиано (что было неплохо – по крайней мере намного лучше, чем какая-нибудь крикливая скрипка). Соне, как и мне, нравятся собаки, но родители не разрешают заводить в доме животных. Мы обе ненавидели кабачки, а среди диснеевских мультфильмов больше всего любили «Русалочку».
Однажды я пришла к Соне в гости. Дверь открыл высокий парень. У него были зелёные глаза и курчавые волосы – точно как у Сони. Он был невероятно прекрасен, с моей точки зрения.
– Здорово, – сказал он. – Ты, видно, Вероника, подруга Сони. Я Адам, её брат, – он протянул мне руку.
Я уставилась на неё и пробубнила:
– Я не мальчик, только парни пожимают друг другу руки!
Адам улыбнулся, а потом внезапно наклонился, взял мою руку в свою и галантно поцеловал.
Я моментально налилась свекольным румянцем, выдернула руку из его пальцев и бросилась в комнату к Соне. Прикрыв за собой дверь, я слышала, как Адам заливисто смеётся.
Мы с Соней начали ходить друг к другу всё чаще. Мне нравились её дружелюбные родители, и постепенно, когда моя первая неловкость потихоньку прошла, я начала общаться и с Адамом. Иногда, когда был в хоро-

– Я і не баюся, – схлусіла я і ўзяла кавалак лусціка.

У той дзень, пасля занятку, мы пайшлі ў кафетэрый па марозіва. Высветлілася, што нам абедзвюм было восем год і ў музычнай школе ў нас адна спецыялізацыя – фартэпіяна (што было няблага – прынамсі, штокроць лепш, чым якая-небудзь крыклівая скрыпка). Соні, як і мне, падабаліся сабакі, але бацькі не дазвалялі заводзіць у хаце жывёл. Мы абедзве ненавідзелі кабачкі, а сярод дыснееўскіх мультфільмаў больш за ўсё любілі «Русалачку».

Аднойчы я прыйшла да Соні ў госці. Дзверы адчыніў высокі хлапец. У яго былі зялёныя вочы і кучаравыя валасы – акурат як у Соні. Ён быў неверагодна прыгожы, з майго пункту гледжання.

– Здароў! – сказаў ён. – Ты, відаць, Вераніка, сяброўка Соні. Я Адам, яе брат, – ён працягнуў мне сваю руку.

Я ўтаропілася ў яе і прабубнела:

– Я не хлопчык, толькі хлопцы паціскаюць адзін аднаму рукі!

Адам усміхнуўся, а потым раптоўна нахіліўся, узяў маю руку ў сваю і галантна пацалаваў яе.

Я ўмомант налілася чырванню, не раўнуючы той бурачок, выдрала сваю руку з Адамавай рукі і кінулася ў пакой да Соні. Прычыніўшы за сабою дзверы, я чула, як Адам заліваецца рогатам.

Мы з Соняй пачалі наведваць адна адну ўсё часцей. Мне падабаліся яе прыязныя бацькі, і паступова, калі мая першая збянтэжанасць паціху паблякла, я наладзіла добрыя стасункі і з Адамам. Часам, калі быў у гуморы, ён нават гуляў з намі. Нас з Соняй асабліва торкала, калі ён бегаў за намі ў вобразе Фрэдзі

шем настроении, он даже играл с нами. Нам с Соней особенно нравилось, как он бегал за нами в образе Фрэдди Кругэра. (У Адама был точно такой же, как у Фрэдди, полосатый свитер, который прекрасно сочетался с чёрной шляпой Сониного отца.) Если ему удавалось поймать меня или Соню, он зловеще смеялся и начинал нас щекотать. Мы пищали от радости.
В середине ноября я заболела. Мне было невыносимо скучно сидеть одной дома, но Соня нашла выход из ситуации: мы стали звонить друг другу и вслух читать отрывки из наших любимых книг. Мы могли часами листать страницы «Хроник Нарнии», «Алисы в стране чудес», «Пеппи Длинныйчулок...». Потеха кончилась, когда наши родители получили в конце месяца счета за телефонные разговоры. Нам запретили пользоваться телефоном до Нового года.

***

Я сняла с полки свой старый фотоальбом. Я не могла сдержать улыбки, когда его просматривала. Там было много фотографий меня с Соней: в хоровом классе, в её комнате, в моей кухне... На всех фотографиях Соня улыбалась. Её улыбка напоминала бабочку – она была такой же невесомой, нежной, трепетной и прозрачной. Я всегда немного завидовала улыбке подруги, так как была уверена, что Соня может очаровать любого мужчину планеты, просто улыбнувшись ему.
Когда Соне исполнилось четырнадцать, она впервые влюбилась. Это нас ещё больше сблизило, потому что я играла роль её исповедницы. Если честно, иногда мне надоедало по семь раз на дню выслушивать истории о

Кругэра. (Адам меў акурат такі ж, як у Фрэдзі, перапялясы світар, які цудоўна спалучаўся з чорным капелюшом Сонінага бацькі.) Калі яму ўдавалася спаймаць мяне ці Соню, ён злавесна смяяўся і пачынаў нас казытаць. Мы пішчэлі ад радасці.

У сярэдзіне лістапада я захварэла. Мне было невыносна нудна сядзець адной дома, але Соня знайшла выхад з сітуацыі: мы пачалі тэлефанаваць адна адной і ўголас чытаць урыўкі з нашых улюбёных кніг. Мы маглі гадзінамі гартаць старонкі «Хронікаў Нарніі», «Алісы ў краіне цудаў», «Піпі Доўгайпанчохі…». Пацеха скончылася, калі нашыя бацькі атрымалі прыканцы месяца рахункі за тэлефонныя размовы. Нам забаранілі карыстацца тэлефонам да Новага года.

***

Я зняла з паліцы свой стары фотаальбом. Мяне абсыпала сотняй усмешак, калі я яго праглядала. Там было шмат фотаздымкаў мяне з Соняй: у харавым класе, у яе пакоі, у маёй кухні… На ўсіх фотаздымках Соня ўсміхалася. Яе ўсмешка нагадвала матылька – яна была гэткай жа бязважкай, далікатнай, трапяткой і празрыстай. Я заўжды крыху зайздросціла ўсмешцы сяброўкі, бо была ўпэўненая, што Соня можа ачмурыць любога мужчыну планеты, проста ўсміхнуўшыся яму.

Калі Соні споўнілася чатырнаццаць, яна ўпершыню закахалася. Гэта нас яшчэ больш зблізіла, таму што я іграла ролю яе спавядальніцы. Па-шчырасці, часам мне надакучвала па сем разоў выслухваць гісторыі пра тое, як Соня сустрэлася позіркам з Уладзем, а ён міргнуў; ці пра тое, як, уся напамаджаная,

том, как Соня встретилась взглядом с Владиком, а он моргнул; или о том, как, вся напомаженная, Соня явилась в школу, а Влад не обращал на неё внимания и проводил время с Мариной, и Соня, чувствуя себя совершенно покинутой, плакала, плакала, плакала в нечистой школьной уборной, мешая коктейль из слёз и дешёвой туши. Но я никогда не говорила, что мне надоели истории подруги. Я сочувственно её выслушивала и утешительно кивала.

Я же, в свою очередь, была тайно влюблена в брата Сони. Было две основные причины того, почему я ничего не говорила об этом Соне. Я знала, что Соня очень ревниво относится к Адаму, и не хотела ставить под угрозу нашу с ней дружбу. Да и вообще, я не была уверена, что то, что я чувствую по отношению к Адаму, можно назвать любовью. На тот момент Адам уже уехал учиться в другой город, и я его видела несколько раз в год, когда он приезжал домой на каникулы. Я точно знала только то, что он изучает политологию и у него самые красивые глаза в нашей скучной Вселенной. По всем остальным параметрам мы с Адамом были почти незнакомцы, и я подозревала, что влюбиться в незнакомца – это как-то... несерьёзно. В общем, я в то время читала экзистенциалистов, может, именно из-за этого я сомневалась практически во всём. Во всём, кроме моей дружбы с Соней.

***

Я достала несколько DVD, на которые со старых, крошечных видеокассет были скопированы записи концертов, проводимых в нашей музыкальной школе в конце каждого учебного года. Я просмотрела мои и Сонины вы-

Соня з'яўлялася ў школу, а Уладзь на гэта не зважаў і бавіў час з Марынай, і Соня, адчуваючы сябе цалкам пакінутай, плакала, плакала, плакала ў нячыстай школьнай прыбіральні, мяшаючы кактэйль са слёз і таннай тушы. Аднак я ніколі не казала, што мне надакучылі гісторыі сяброўкі. Я спагадліва яе выслухоўвала і суцяшальна ківала.

Я ж, у сваю чаргу, была таемна закаханая ў Сонінага брата. Было дзве асноўныя прычыны таго, чаму я нічога не казала пра гэта Соні. Я ведала, што Соня вельмі раўніва ставіцца да Адама, і не хацела ставіць пад пагрозу нашае з ёй сяброўства. Дый увогуле, я не была ўпэўнена, што тое пачуццё, якое я маю да Адама, ёсць менавіта каханне. На той момант Адам ужо быў паехаў вучыцца ў іншы горад, і я яго бачыла некалькі разоў на год, калі ён прыязджаў дадому на канікулы. Я дакладна ведала толькі тое, што ён вывучае паліталогію і мае найпрыгажэйшыя вочы ў нашым малым, сумным Сусвеце. Па ўсіх астатніх параметрах мы з Адамам былі амаль незнаёмцы, і я падазравала, што закахацца ў незнаёмца – гэта неяк... несур'ёзна. Увогуле, я ў той час чытала шмат экзістэнцыялістаў, можа, менавіта з-за гэтага я сумнявалася практычна ва ўсім. Ва ўсім, апроч майго сяброўства з Соняй.

***

Я дастала некалькі DVD, на якія са старых, нягеглых відэакасет былі скапіяваны запісы канцэртаў, што ладзіліся ў нашай музычнай школе прыканцы кожнага навучальнага года. Я прагледзела мае і Соніны выступы за ўсе сем год. Было відавочна, што калі ў раннія гады свайго навучання я была цалкам рас-

ступления за все семь лет. Было очевидно, что если в ранние годы своего обучения я была полностью расслабленна и получала от выступлений удовольствие, то в последние два-три года я начала больше нервничать и напрягаться. Даже видео, на котором я играла сонату Моцарта на летнем концерте в конце пятого класса, вздрагивало и снежило, словно ему передалось моё волнение. Помню, перед тем концертом я жаловалась Соне, что родители, видимо, отдали меня в «музыкалку», чтобы я познала все страдания жизни. Как выяснилось, со временем, страдания жизни выглядели не совсем так.

С Соней всё было наоборот. Она выглядела застенчивой и испуганной во время своих первых выступлений, но с течением времени её уверенность росла. В шестом классе мы играли с Соней дуэт – польку Рахманинова. Пока во время поклона я судорожно вытирала лоб платком (незаметно, как мне тогда казалось), Соня раскланивалась на все четыре стороны, сияя от удовольствия. Она даже успела помахать в камеру.

Потом я вспомнила наш финальный экзамен в музыкальной школе. Я безумно волновалась, с утра пила валерианку. Родители твердили: «Всё будет хорошо, брось!» Кто-нибудь когда-нибудь переставал волноваться из-за этой фразы?

Я приехала за сорок минут до назначенного мне времени выступления. Мои руки были мокрые от пота, а сердце надрывалось где-то в левой пятке. Я поискала Соню, чьё выступление должно было состояться через пятнадцать минут после моего. Её нигде не было видно, что меня мало удивило, так как она обычно прилетала в школу за три минуты до выхода на сцену.

слабленая і атрымлівала ад выступаў асалоду, то апошнія два-тры гады я пачала больш нерваваццa і напружваццa. Нават відэа, на якім я іграла санату Моцарта на летнім канцэрце прыканцы пятага класа, уздрыгвала і сняжыла, быццам яму перадалося маё хваляванне. Памятаю, перад тым канцэртам я скардзілася Соні, што бацькі, відаць, аддалі мяне ў «музыкалку», каб я спазнала пакуты жыцця. Як высветлілася з цягам часу, пакуты жыцця выглядалі не зусім так.

З Соняй усё было наадварот. Яна выглядала сарамлівай і напужанай падчас сваіх першых выступаў, але з цягам часу яе ўпэўненасць расла. У шостым класе мы ігралі з Соняй дуэт – польку Рахманінава. Пакуль падчас паклону я сутаргава выціралa лоб насоўкай (непрыкметна, як мне тады падавалася), Соня раскланьвалася на ўсе чатыры бакі свету, ззяючы ад задавальнення. Яна нават паспела памахаць у камеру.

Потым я ўзгадала наш фінальны іспыт у музычнай школе. Я шалёна хвалявалася і зрання піла валяр'янку. Бацькі паўтаралі: «Усё будзе добра, кінь хвалявацца!» Хто-небудзь калі-небудзь кідаў хвалявацца пасля гэтае фразы?

Я прыехала за сорак хвілін да прызначанага мне часу выступу. Мае рукі былі мокрыя ад поту, а сэрца наддзіралася недзе ў левай пятцы. Я пашукала Соню, чый выступ мусіў адбыцца праз пятнаццаць хвілін пасля майго. Яе нідзе не было відаць, што мяне мала здзівіла, бо яна зазвычай прылятала ў школу за тры хвіліны да выхаду на сцэну.

Знайшоўшы пустую аўдыторыю, я пачала паўтараць сваю экзаменацыйную праграму. Пальцы сасклізгвалі з клавішаў, тэмп кульгаў, мелодыя ламалася. У сярэдзіне чортавага эцюда Ліста я раптам забыла ноты. Я ў роспачы ўдарыла

Найдя пустую аудиторию, я начала повторять свою экзаменационную программу. Пальцы соскальзывали с клавиш, темп хромал, мелодия ломалась. В середине чёртова этюда Листа я вдруг забыла ноты. Я в отчаянии ударила по клавиатуре и разревелась. Когда я выплакалась, мне стало на удивление легко. Возможно, я просто исчерпала лимит волнения или наконец начала действовать валериана... Но я совершенно успокоилась. Когда я взошла на сцену, кончики моих пальцев всё ещё горели, но голова была ледяная и сосредоточенная.

Я была ещё немного окаменевшая после выступления, когда из концертного зала выглянула моя учительница и объявила, что я получила «пятёрку». По телу начала расползаться эйфория: я чувствовала, как она отдается в пальцах ног.

Я села на подоконник в холле, ожидая, когда освободится Соня.

В четыре вечера последний ученик отыграл экзаменационную программу. Сони нигде не было. Я не имела представления, что случилось с подругой. Может, она опоздала на экзамен? Или поменялась с кем-то местами и сдала его раньше? Но почему мне ничего не сказала? Я была уставшая, голодная и раздражённая долгим ожиданием. Когда я уже направлялась к выходу, я увидела Сонину преподавательницу музыки. Подбежав к ней, я сказала:

– Добрый день! Я Вероника, подруга Сони Федорук. Скажите, она сдавала сегодня экзамен? Я не могу её найти. Преподавательница чуть побледнела и, не глядя мне в глаза, пробормотала:

– Сони не было. Извини, я спешу.

После этого её и след простыл. Среди преподавателей нашей «музыкалки» было немало чудаков.

па клавіятуры і разраўлася. Калі я выплакалася, мне зрабілася на дзіва лёгка. Магчыма, я проста вычарпала ліміт свайго хвалявання ці ўрэшце пачала дзейнічаць валяр'янка… Але я цалкам супакоілася. Калі я ўзышла на сцэну, кончыкі маіх пальцаў усё яшчэ гарэлі, але галава была лядова-сканцэнтраванай.

Я была яшчэ крыху анямелай пасля выступу, калі з канцэртнай залы вызірнула мая настаўніца і абвясціла, што я атрымала «пяцёрку». Па целе пачала распаўзацца эйфарыя: я адчувала, як яна паколвае пальцы маіх ног.

Я села на падваконне ў холе, чакаючы, калі вызваліцца Соня.

А чацвёртай увечары апошні вучань адыграў сваю экзаменацыйную праграму. Соні нідзе не было. Я не мела ўяўлення, што здарылася з сяброўкай. Мо яна спазнілася на іспыт? Ці памянялася з некім месцамі і здала яго раней? Але чаму яна мне нічога не сказала? Я была стомленая, галодная і раздражнёная доўгім чаканнем. Калі я ўжо накіроўвалася да выхаду, я пабачыла Соніну выкладчыцу музыкі. Падбегшы да яе, я мовіла:

– Дзень добры! Я Вераніка, сяброўка Соні Федарук. Скажыце, ці яна здавала сёння іспыт? Я не магу яе знайсці.

Выкладчыца крыху збялела і, не гледзячы мне ў вочы, прамармытала:

– Соні не было. Выбачай, я спяшаюся.

Пасля гэтага яе і след прастыў. Сярод выкладчыкаў нашай «музыкалкі» было нямала дзівакоў.

***

Мои родители были уже дома, когда я вернулась из школы. Я щедро одаривала их рассказами про экзамен, о том, как я нервничала, повторяя программу перед экзаменом (о том, что я плакала, я не вспомнила), и как мне удалось наконец сосредоточиться. Я рассказала, как здорово я сыграла все произведения, не споткнувшись ни разочка, и как грациозно поклонилась, и как гордилась мной моя учительница...

– Но самое удивительное, что Соня не явилась на экзамен. Я её не видела в школе и пыталась поговорить с её преподавателем, но... Кстати, вот теперь ей и позвоню, – подскочила я из-за стола с набитым ртом.

– Нет! Сначала даешь! – прикрикнула мать.

– Ма-а-ам, я уже наелась и...

– Я сказала, даешь свой ужин, – сказала мать, и на её щеках выступили алые пятна.

Отец уставился в свою тарелку. Я снова села и беззвучно положила на стол вилку. С минуту покатав по тарелке кусок мяса, мать поднялась, вышла из кухни и вернулась с газетой. Отдав её мне, она села и каким-то незнакомым голосом произнесла:

– Мне очень жаль.

Отец продолжал изучать свою тарелку.

Я взглянула на газету. Это был «Минск Экспресс». Заголовок на первой странице сообщал: «21-летний лидер группировки “Чистые” убит в своём доме».

Я ещё раз посмотрела на родителей и начала читать:

***

Мае бацькі былі ўжо дома, калі я вярнулася са школы. Я шчодра адорвала іх расповедамі пра іспыт, пра тое, як я нервавалася, паўтараючы праграму перад іспытам (пра тое, што я плакала, я не ўзгадала), і як мне ўдалося ўрэшце засяродзіцца. Я расказала, як выдатна я адыграла ўсе творы, не спатыкнуўшыся ані разочку, і як грацыёзна пакланілася, і як ганарылася мною мая настаўніца…

– Але самае дзіўнае, што Соня не з'явілася на іспыт. Я яе не бачыла ў школе і спрабавала паразмаўляць з яе выкладчыцай, але… Дарэчы, вось зараз ёй і патэлефаную! – падскочыла я з-за стала з набітым ротам.

– Не! Спачатку даеш! – прыкрыкнула маці.

– Ма-а-ам, я ўжо наелася і…

– Я сказала, даеш сваю вячэру! – мовіла маці, і на яе шчоках выступілі чырвоныя плямы.

Бацька ўтаропіўся ў сваю талерчыну. Я зноў села і бязгучна паклала на стол свой відэлец. З хвіліну пакатаўшы па талерцы кавалак мяса, маці паднялася, выйшла з кухні і вярнулася з газетай. Падаўшы яе мне, яна села і нейкім незнаёмым голасам сказала:

– Мне вельмі шкада.

Бацька працягваў вывучаць сваю талерчыну.

Я зірнула на газету. Гэта быў «Мінск Экспрэс». Загаловак на першай старонцы паведамляў: «21-гадовы лідар групоўкі "Чыстыя" забіты ў сваім доме».

Я яшчэ раз паглядзела на бацькоў і пачала чытаць:

«Сегодня в 11.32 Адам Федорук, лидер экстремистской группировки ‘‘Чистые’’, был найден мёртвым в подъезде своего дома. Смерть была вызвана четырьмя ударами ножом в сердце.
Татьяна Линькевич, девушка Адама Федорука, вместе с которой он снимал квартиру, сообщила следствию, что примерно в 10.15 к ним в дверь позвонили, г. Федорук открыл и разговаривал с кем-то около пяти минут. После этого он покинул квартиру. Г-жа Линькевич подумала, что г. Федорук спустился в кафетерий ‘‘Ветка’’, расположенный на первом этаже их дома, за кофе. Когда прошло больше часа, г-жа Линькевич решила спуститься в кафетерий, чтобы поискать г. Федорука. Она нашла его тело на лестничной площадке рядом с лифтом.
На данный момент следствие полагает, что Адам Федорук был убит кем-то из членов группировки ‘‘Чистые’’: в последнее время внутри группировки развивался конфликт, касающийся...»
Не переворачивая страницы, я поднялась из-за стола, направилась в свою комнату и легла в постель. Я не могла плакать: что-то твёрдое, липкое и холодное в моей груди заблокировала выход слезам.
Когда я проснулась в двенадцать на следующий день, на тумбочке рядом с кроватью стояла тарелка с бутербродами и чашка остывшего чаю. Ни к чему не прикоснувшись, я снова заснула.

***

Я позвонила Соне через два дня. Я хотела сказать ей, что знаю, как она чувствует себя, что мне очень жаль и что как только я ей понадоблюсь ...

«Сёння а 11.32 Адам Федарук, лідар экстрэмісцкай групоўкі “Чыстыя”, быў знойдзены мёртвым у пад’ездзе свайго дома. Смерць была выкліканая чатырма ўдарамі нажом у сэрца.

Таццяна Лінькевіч, дзяўчына Адама Федарука, разам з якой ён здымаў кватэру, паведаміла следству, што прыкладна а 10.15 ім у дзверы пазванілі, сп. Федарук адчыніў і размаўляў з нейкім каля пяці хвілін. Пасля гэтага ён пакінуў кватэру. Сп-ня Лінькевіч падумала, што сп. Федарук спусціўся ў кафетэрый “Ветка”, што месціцца на першым паверсе іхняга дома, па каву. Калі мінула больш за гадзіну, сп-ня Лінькевіч вырашыла спусціцца ў кафетэрый, каб пашукаць сп. Федарука. Яна знайшла яго цела на лесвічнай пляцоўцы побач з ліфтам.

На дадзены момант тэорыя следства палягае на тым, што Адам Федарук быў забіты некім з сяброў групоўкі “Чыстыя”: апошнім часам унутры групоўкі развіваўся канфлікт, датычны…»

Не перагортваючы старонкі, я ўзнялася з-за стала, рушыла ў свой пакой і легла ў ложак. Я не магла плакаць: нешта цвёрдае, ліпкае і халоднае ў маіх грудзях заблякавала выхад слязам.

Калі я прачнулася а дванаццатай наступным днём, на тумбачцы побач з ложкам стаяла талерка з лусцікам і кубак прастылай гарбаты. Ні да чога не дакрануўшыся, я зноўку заснула.

***

Я патэлефанавала Соні праз два дні. Я хацела сказаць ёй, што ведаю, як яна пачувае, што мне вельмі шкада і што як толькі я ёй спатрэблюся… Калі ж Соня

Когда же Соня подняла трубку, все нужные слова застряли в моём животе. Я сглотнула и пробормотала:
– Привет! Хочешь... встретимся сегодня?
– Нет, – чуть слышно прошептала подруга.
– Слушай, Соня...
– Мне надо идти, – быстро сказала она и повесила трубку.
В какое бы время я ни звонила ей в течение следующей недели, никто не отвечал. Потом я уехала в деревню к бабе с дедом. Я писала Соне каждую субботу: «Привет! Как дела? Что планируешь делать в августе? Ты видела новый фильм?..»
Ответов не приходило.
Вернувшись с летних каникул, снова атаковала домашний телефон. Никто по-прежнему не снимал трубку. В феврале я получила открытку: «С Днем рождения тебя, Ника! Надеюсь, у тебя всё хорошо. Я нормально, хотя школа здесь – говно. Зато не так холодно. Обнимаю! С.».
Обратный адрес не был указан.
В течение нескольких следующих лет Соня присылала мне открытки – краткие, без картинок, без обратного адреса. Я не помню точно, когда открытки перестали приходить. На то время образ Сони в моей голове стал неопределённым, хотя её фотография продолжала стоять на пианино.

***

Я вошла в Фейсбук и снова отыскала Сонин профиль. Я была решительно настроена ей написать: сообщение на Фейсбуке – это же совсем просто,

падняла слухаўку, усе патрэбныя словы захраслі ў маім жываце. Я зглынула і прамармытала:
– Прывітанне! Хочаш… сустрэнемся сёння?
– Не, – хіба не прашаптала сяброўка.
– Слухай, Соня…
– Мне трэба ісці, – хутка мовіла яна і павесіла слухаўку.
У які б час я ні тэлефанавала ёй цягам наступнага тыдня, ніхто не адказваў. Потым я з'ехала на вёску да бабы з дзедам. Я пісала Соні штосуботу: «Прывітанне! Як справы? Што плануеш рабіць у жніўні? Ты бачыла новы фільм?..» Адказаў не прыходзіла.
Вярнуўшыся з летніх канікулаў, я зноўку атакавала Сонін хатні тэлефон. Ніхто па-ранейшаму не здымаў слухаўку.
У лютым я атрымала паштоўку: «З Народзінамі цябе, Ніка! Спадзяюся, у цябе ўсё добра. Я нармалёва, хоць школа тут – гаўно. Затое не так халодна. Абдымаю! С.». Зваротнага адраса не было пазначана.
Цягам наступных некалькіх год Соня дасылала мне паштоўкі – сціслыя, без малюнкаў, без зваротнага адраса. Я не памятаю дакладна, калі паштоўкі перасталі прыходзіць. На той час вобраз Соні ў маёй галаве размыўся, хоць яе фотаздымак працягваў стаяць на маім піяніна.

***

Я ўвайшла ў Фэйсбук і зноў адшукала Сонін профіль. Я была рашуча настроена ёй напісаць – паведамленне на Фэйсбуку гэта ж зусім проста, праўда? Про-

правда? Просто спросить, как она, чем занимается, по-прежнему ли играет на пианино – может, вальсы Шопена для своего мужа в субботний вечер?..
«Здравствуйте, Соня! – начала печатать я. – Как дела?»
На минуту замерев, мои пальцы вдруг с какой-то отчаянной яростью обрушились на клавиши: «Почему ты перестала мне писать? Почему ты взяла и просто так меня бросила? Почему ты отказывалась поговорить об Адаме! Ты не одна тогда переживала боль, ты...»
Краем глаза я увидела открытый фотоальбом, который по-прежнему лежал на столе. Я отвела глаза от компьютерного экрана. На фотографии одиннадцатилетняя Соня прижимала к себе мою любимую плюшевую кошку и улыбалась своей полуулыбкой, полубабочкой. Я вспомнила, как сидела на песчаном берегу за тысячи водных километров от дома, а Атлантический океан лизал мои пятки.
Я стёрла своё сообщение и выключила компьютер.

ста запытаць, як яна маецца, чым займаецца ці па-ранейшаму іграе на піяніна – можа, вальсы Шапэна для свайго мужа суботнімі вечарамі?..
«Вітанні, Соня! – пачала друкаваць я. – Як справы?»
На хвіліну замершы, мае пальцы раптам з нейкай роспачнай лютасцю абрынуліся на клавіятуру: «Чаму ты перастала мне пісаць? Чаму ты ўзяла і проста так мяне кінула? Чаму ты адмаўлялася пагаварыць пра Адама?! Ты не адна тады перажывала боль, ты…»
Краем вока я ўбачыла фотаальбом, які, адкрыты, па-ранейшаму ляжаў на стале. Я адвяла вочы ад камп'ютарнага экрана. На фотаздымку адзінаццацігадовая Соня прыціскала да сябе маю любімую плюшавую котку і ўсміхалася сваёю паўусмешкаю, паўматыльком. Я ўзгадала, як сядзела на пясчаным беразе за тысячы водных кіламетраў ад дому, а Атлантычны акіян лізаў мае пяткі.
Я сцерла сваё паведамленне і выключыла камп'ютар.

Маргарита Латышкевич

Авторский перевод на русский язык

Маргарыта Латышкевіч

Аўтарскі пераклад на рускую мову

Маргарита Латышкевич – прозаик и поэт. Родилась 19 января 1989 года в г. Бресте. Окончила филфак и магистратуру БГУ (по специальности «Литературоведение»). Сейчас работает в университетской лаборатории фольклора, готовится поступать в аспирантуру.

В 2012 году вышла книга стихов «Пульс навальніц». Печаталась в журналах «Бярозка», «Маладосць», в еженедельнике «Літаратура і мастацтва», газете «Заря». Является лауреатом нескольких творческих конкурсов, в том числе – Литературного конкурса Минского городского отделения Союза писателей Беларуси, посвящённого 120-летию Максима Богдановича, Литературного конкурса молодых авторов Брестчины «Лунінская восень». В 2011 году стала лауреатом конкурса «Новая белорусская фантастика». Пишет на белорусском, русском, английском языках.

Маргарыта Латышкевіч – празаік і паэт. Нарадзілася 19 студзеня 1989 года ў г. Брэсце. Скончыла філфак і магістратуру БДУ (па спецыяльнасці «Літаратуразнаўства»). Зараз працуе ва ўніверсітэцкай лабараторыі фальклору, рыхтуецца паступаць у аспірантуру.

У 2012 годзе выйшла кніжка вершаў «Пульс навальніц». Друкавалася ў часопісах «Бярозка», «Маладосць», у штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва», газеце «Заря». З'яўляецца лаўрэатам шэрагу творчых конкурсаў, у тым ліку – Літаратурнага конкурсу Мінскага гарадскога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі, прысвечанага 120-годдзю Максіма Багдановіча, Літаратурнага конкурсу маладых аўтараў Берасцейшчыны «Лунінская восень». У 2011 годзе стала лаўрэатам конкурсу «Новая белорусская фантастика».

Піша на беларускай, рускай, англійскай мовах.

ТУМАННОСТЬ МЁРТВОЙ ГОЛОВЫ

Он говорит:

– Ты не волнуйся, Клёник.

Это он так меня называет – Клёник.

Он говорит:

– Всё будет хорошо. Правда.

И глаза у него такие честные, и такая уверенность в голосе, что мне только одно и остаётся – не верить ему ни на йоту.

– Нет, – говорю ему. – Не блажи, Гиз.

А он смеётся. На щеках прорезываются ямочки, и кажется, что этому здоровому лбу еле-еле годиков шесть сровнялось.

Но я легко не сдаюсь.

– Гиз, – говорю. – Ты ведь знаешь, что рядовую туманность Туманностью Мёртвой Головы не назовут. Нечисто там, Гиз.

Только у него на всё один ответ:

– Ты не волнуйся, Клёник.

Это я-то – Клёник. Я ворчу под нос на древнем языке, что достукаемся мы так в конце-то концов, что лучше б мне было летать на обычном транспортнике вторым пилотом, потому что, понимаете, и зарплата стандартная, и спокойно, и почёт с уважением. А ему – хоть бы хны: закинул ножищи на панель управления, руки за голову заложил и насвистывает себе.

– Клёник, – говорит и зевает. – Чаю сделаешь, а?

ТУМАННАСЦЬ МЁРТВАЙ ГАЛАВЫ

Ён кажа:
– Ты не хвалюйся, Клёнік.
Гэта ён так мяне кліча – Клёнік.
Ён кажа:
– Усё будзе добра. Праўда-праўда.
І вочы ў яго такія крыштальна ясныя, і такая цвёрдая ўпэўненасць у голасе, што мне толькі адно і застаецца – не верыць яму ані на дробачку.
– Не, – кажу яму. – Не блазнуй, Гіз.
А ён смяецца. На шчоках прарэзваюцца ямінкі, і здаецца, што гэтаму бамбізе ледзь-ледзь гадкоў шэсць споўнілася.
Ды я лёгка не здаюся.
– Гіз, – кажу. – Ты ж ведаеш: звычайную туманнасць Туманнасцю Мёртвай Галавы не назавуць. Благое месца, Гіз.
Толькі ў яго на ўсё адзін адказ:
– Ты не хвалюйся, Клёнік.
Гэта я – Клёнік. Я мармычу сабе пад нос на даўняй мове, што дастукаемся мы гэтак у рэшце рэшт, што лепей было б мне лётаць на звычайным транспартніку другім пілотам, таму што, разумееце ж самі, і зарплата стандартная, і спакойна, і пачэсна-паважліва. А яму словы – што гарохам аб сцяну: закінуў доўгія ногі на панэль кіравання, рукі за галаву заклаў ды пасвіствае сабе.

И как его прикажете выносить?

– Вы, – говорю ему, – вы, земляне, все чокнутые. И электрочайник у нас сломался. Третьего дня, между прочим.

– Не, – отвечает Гиз. – Нормальный землянин, Клёник, сидит в офисе перед сенсорным экраном и работает на благо родной планеты. Ну, или, скажем, на Луне водоросли разводит на океаферме.

Болтает он так, а сам усмехается. Вот и поди пойми, шутит это чучело двухметровое или правду-матку режет. Довелось мне читать как-то книжонку одного нашего учёного, так там как раз и написано было: никак нельзя понять существо, взращённое другой цивилизацией. Это уж точно. Никак не понять.

– А ты, значит, ненормальный?

Это я-то у него спрашиваю, чтобы, конечно, поддеть.

– И ещё какой, – Гиз только улыбается, он прямо-таки непрошибаемый. – Дай чайник, что ли. Починю.

– Иди ты, – говорю ему. – Не твоими же лапищами.

Пилот он, может, и хороший, но с бытовой техникой не дружит. Дотронется, бывает, только – а чайничку уже и хана. Этот вот, альдебаранский, у нас пятый.

– Ну и ладно, – хмыкает Гиз и снова насвистывает.

Я морщу лоб и соплю. Не знаю я, как чинить чайники. Я вообще-то дипломированный пилот межзвёздных перелётов В-класса, так что, простите, какого чёрта мне уметь чинить какие-то чайники?

А Гизу наплевать. Он вон вообще дремлет, дубина землянская. И не берёт его ничего. Когда везли с ним экспедицию каких-то учёных лбов с Эритеи,

– Клёнік, – кажа і пазяхае абыякава. – Гарбаты зробіш, га?
Ну, і як жа з ім мірна суіснаваць загадаеце?
– Вы, – кажу яму, – вы, зямляне, усё стукнутыя. І электрачайнік у нас зламаўся. Заўчора, між іншым.
– Не, – адказвае Гіз. – Нармальны зямлянін, Клёнік, сядзіць у офісе перад сэнсарным экранам і працуе на карысць роднай планеты. Ну, ці, скажам, на Месяцы водарасці вырошчвае на акіяферме.
Плявузгае ён так, а сам усміхаецца. І разумей, як хочаш, жартуе гэтае пудзіла двухметровае ці праўду-матку рэжа. Даводзілася мне неяк чытаць кніжэнцыю аднаго нашага навукоўца, дык там так і напісана было: аніяк не можна зразумець істоту, выхаваную іншай цывілізацыяй. То й дакладна. Аніяк не даперці.
– А ты, значыцца, ненармальны?
Гэта я ў яго й пытаю, каб, натуральна, дапячы.
– І яшчэ які, Клёнік, – Гіз адно ўсміхаецца, ён жа ўпрост непрабівальны. – Дай чайнік, ці што. Адрамантую.
– Пайшоў ты, – кажу яму. – Не тваімі ж лапішчамі.
Пілот ён, можа, і ніштаваты, але во з тэхнікай для побыту не сябруе. Дакранецца, бывае, толькі – а чайнічку ўжо й капец. Гэты вось, альдэбаранскі, у нас пяты.
– Ну й добра, – чмыхае сабе Гіз і зноў насвістае.
Я моршчу лоб ды саплю. Не ведаю я, як трэба рамантаваць чайнікі. Я, між іншым, дыпламаваны пілот міжзорных пералётаў В-класа, таму, прабачце, на якую халеру мне ўмець рамантаваць нейкія там дурныя чайнікі?

все животом страдали. Пока дошло, что это один из эритеевских гадов жутко ядовитый и от его яда, стало быть, резь в животе, рвота и галлюцинации, чуть жизни не лишились. Один Гиз и в ус не дул и даже эту клятую ящерицу сахаром с руки прикармливал.

– Клёник, – говорит Гиз. Он и не спит вовсе. – Ты брось этот чайник. Сейчас пояс астероидов будет.

Я соплю громче. Сам потащил нас в эту дурацкую туманность и командует ещё.

– Крупный астероид по левому борту, – бормочет Гиз. Он уж и усесться за штурвал как положено успел. – Обходной манёвр через три… два… один… У него даже голос другой, будто подменили. Если где Гиз и серьёзен, так это за штурвалом. И то – если астероидов вокруг немеряно.

– Обошли, – говорю я, боязливо косясь на радар. Но там чисто.

А теперь ещё туманность эта. У моих предков, конечно, обоняние атрофировалось, только вот чую я здесь неладное. И что это за заказ такой, спрашивается? Транспортных маршрутов здесь нет, потому как зона астероидоопасная. Только шваль всякая, небось, отирается.

– Гиз, – меня прямо-таки озаряет. – А если пираты… а?

– Подумаешь, – Гиз только хмыкает. Из пояса астероидов мы вышли, так что... Он снова закинул ноги на приборную панель. – Что с нас взять-то? Чайник твой сломанный? Или редкого синего сирианина для зоопарка?

Злой он всё-таки. Все они, земляне, такие. До того как их приняли в Галактическую федерацию, всё твердили, что хотят с другими планетами контакт установить. А когда приняли, да ссуды на развитие организовали,

А Гізу наплявaць. Ён унь і ўвогуле задрамаў, дубіна зямлянская. І не зачапіць яго ніяк. Калі везлі з ім экспедыцыю дужа вучоных ілбоў з Эрытэі, усе на жывот пакутавалі. Пакуль дадумкалі, што гэта адзін з эрытэеўскіх паўзуноў страшэнна атрутны і праз ягоную атруту, значыцца, і жывот рэжа, і рвота з галюцынацыямі пачынаецца, ледзь не перамерлі ўсе. Адзін Гіз і ў вус не дзьмуў ды яшчэ нават брыдоту хвастатую тую з далоні цукрам частаваў.

– Клёнік, – кажа Гіз. Ён і не спіць зусім. – Кінь ты гэты чайнік, далібог. Зараз пояс астэроідаў будзе.

Я саплю грамчэй. Сам пацягнуў нас у гэтую дурную туманнасць і камандуе яшчэ.

– Буйны астэроід па левым борце, – мармыча Гіз. Ён нават паспеў сесці за штурвалам так, як належыць. – Абыходны манеўр праз тры… два… адзін…

У яго нават голас іншы, быццам падмянілі. Калі Гіз і бывае сур'ёзны, дык гэта за штурвалам. І тое – калі астэроідаў безліч.

– Абышлі, – кажу я, с асцярогаю косячы вокам на радар. Але там чысцюсенька. А зараз яшчэ туманнасць гэта. У маіх продкаў, канешне, органы нюху атрафіраваліся, але неіснуючым гэтым сваім нюхам чую я тут штось нядобрае. І што гэта за замова такая, дазвольце спытаць? Транспартных маршрутаў тут нямашака, таму што зона астэроіданебяспечная. Адно дрэнь розная, нябось, аціраецца.

– Гіз, – мне наўпрост моташна ад здагадкі. – А калі піраты… а?

– І хай сабе, – Гіз толькі чмыхае. З пояса астэроідаў мы ўжо выйшлі, так што... Ён зноў закінуў ногі на прыборную панэль. – Што з нас узяць? Чайнік твой зламаны? Ці мо рэдкага сіняга сірыяніна для заапарка?

да кучу всяких там гуманистических конвенций подписали, сразу наплевать им стало на мир и дружбу в Галактике.
Я задыхаюсь от сострадания к себе и потихоньку ковыряю отвёрткой глупый чайник. Сколько он у нас пережил – это ж невообразимо. Вон и бок у него мятый, и крышка поцарапана. Старый, проверенный боевой товарищ, а не чайник это, вот что. Я потягиваю носом. Землянам на товарищей наплевать. Им вообще на всё наплевать.
– Автопилот включён, – говорит бортовой компьютер. Это Гиз соизволил сползти со своего кресла.
– Ты чего, Клёник? – он присаживается передо мной на корточки. – Новый чайник купим.
– Не хочу новый, – еле выдавливаю я. – Мне этот… потому что товарищ…
Гиз вскидывает брови. Я вытираю нос рукавом комбинезона.
– Товарищ, – усмехается Гиз и шарит в своей походной сумке. Огромная такая пятнистая сумка, вся в молниях и кармашках. Гиз говорит, что когда-то с ней на Эльбрус восходил, на Земле ещё. Я не знаю, что такое «Эльбрус», но каждый раз представляю себе что-то вроде огромного белого облака. И Гиз – лениво, не торопясь, со своей тяжеленной сумкой за плечами – идёт по этому облаку.
– Вот, – он показывает мне какой-то стальной завиток. – Это, Клёник, кипятильник обыкновенный. Вымирающий вид.
Я опасливо поглядываю на странную вещь. По-моему, эта штука совсем не живая.
– Чай-то будешь, Клёник? – кричит Гиз из кухонного отсека. Ему лень щёлкнуть кнопкой переговорного устройства.

Злы ён усё-ткі. Усе яны, зямляне, такія. Да таго як прынялі іх у Галактычную федэрацыю, усё бубнелі, што хочуць з іншымі планетамі кантакт усталяваць. А як прынялі іх, ды пазыкі на развіццё арганізавалі, ды кучу розных там гуманістычных канвенцый падпісалі, дык адразу наплываць ім стала на мір ды сяброўства ў Галактыцы.

Я захлынаюся ад востpай спагады да самога сябе і паціху калупаю адвёрткай дурны чайнік. Колькі ён у нас пражыў – гэта ж уявіць цяжка. Вунь і бок у яго мяты, і крышка падрапаная. Стары, праверaны баявы таварыш, а не чайнік гэта, во як. Я хлюпаю носам. Зямлянам на таварышаў наплываць. Ім увогуле на ўсё наплываць.

– Аўтапілот уключаны, – кажа бартавы камп'ютар. Гэта Гіз зрабіў ласку спаўзці з свайго фатэля.

– Ты чаго, Клёнік? – ён прысаджваецца поруч са мною на кукішкі. – Новы чайнік купім.

– Не хачу новы, – ледзьве выціскаю я. – Мне гэты… бо таварыш…

Гіз прыўздымае бровы. Я ўціраю нос рукавом камбінезона.

– Таварыш, – усміхаецца Гіз і корпаецца ў сваёй паходнай торбе. Велізарная такая расплямленая торба, уся ў маланках ды кішэньках. Гіз кажа, некалі з ёю на Эльбрус узыходзіў, на Зямлі яшчэ. Я не ведаю, што такое «Эльбрус», але кожнага разу ўяўляю сабе штось кшталту агромністага белага воблака. І Гіз – ленавата, нетаропка, з сваёю цяжкаю торбай за плячыма – ідзе па гэтым воблаку.

– Во, – ён паказвае мне сталёвы завіток. – Гэта, Клёнік, кіпяцільнік звычайны. Вымірае ўжо гэты від.

На моей родной планете правила хорошего тона детям прививают с детства. Потому-то на моей родной планете никто не пытается докричаться до собеседника через три перегородки. Я включаю переговорник и говорю мстительно:

– Ты орёшь, как зверь кулда-нку во время спаривания.

Гиз – там, на кухне, – хохочет. Судя по грохоту, обрушиваются полки.

В рубке появляется Гиз с двумя чашками коричневой бурды, которую он называет «чаем». Одну отдаёт мне и садится в своё кресло.

– Зверь кулда-нку, – шепчет он, улыбаясь, и отхлёбывает чай.

Я тоже отпиваю. Сначала мне непонятно было: какой смысл пить отвар из сухих листьев какой-то травы? А потом ничего, даже понравилось.

– Мёртвая Голова, – произносит Гиз, отставляя пустую чашку. Не знаю, как у него выходит пить настолько огненную жидкость. Я еле глоток сделать могу, а он залпом всю чашку выдул.

– Курс проложил-то? – спрашиваю я сварливо. Гиз кивает.

– Погляди, Клёник. Мёртвая Голова.

Я подхожу и, цепляясь за подлокотник его кресла, встаю на цыпочки. Никакой головы вокруг не видно, обычное содержимое рядовой туманности: звёзды поближе, звёзды подальше, скопления газа и пыли, мелкие астероиды и подозрительный – явно не натурального происхождения – космический мусор.

– Сам ты голова, – говорю я.

И неожиданно вижу её.

В центре, сверкающая, как ограненный камень с гор Арк-маранн, как светлое озерцо, возле которого я вырос, пульсирующая, как живое и трепетное сердце…

Я з недаверам гляджу на дзіўную пакручастую штуку. Па-мойму, дурная рэч зусім не жывая.

– Гарбату ж будзеш, Клёнік? – крычыць Гіз з кухоннага адсеку. Лянуецца шчоўкнуць гузікам перагаворніка.

На маёй роднай планеце правілы этыкету дзецям прывіваюць з маленства. Вось таму на маёй роднай планеце ніхто не спрабуе дакрычацца да субяседніка праз тры перагародкі. Я ўключаю перагаворнік і помсліва кажу:

– Ты равеш, быццам звер кулда-нку падчас спарвання.

Гіх – там, на кухні, – рагоча. Чуваць, як з грукатам абрушваюцца паліцы.

У рубцы з'яўляецца Гіз з двума кубкамі карычневай бурды, якую ён заве «гарбатай». Адзін кубачак аддае мне і сядае ў свай фатэль.

– Звер кулда-нку, – шэпча ён, усміхаючыся, і сёрбае гарбату.

Я таксама адпіваю. Спачатку мне няўцям было: у чым сэнс піць адвар з сухога лісця нейкай травы? А пасля нішто так, нават спадабалася.

– Мёртвая Галава, – вымаўляе Гіз, адстаўляючы пусты кубак. Не ведаю, як ён здольны піць настолькі вогненную вадкасць. Сам я ледзь глытнуць магу, а ён залпам увесь кубак выдуў.

– Курс хаця б праклаў? – пытаюся я сварліва. Гіз ківае.

– Паглядзі, Клёнік. Мёртвая Галава.

Я падыходжу і, чапляючыся за падлакотнік яго фатэля, устаю на дыбачкі. Аніякай галавы вакол не відаць, звычайнае напаўненне шараговай туманнасці: зоры бліжэй, зоры далей, скопішчы газу і пылу, дробныя астэроіды і падазронае – яўна не натуральнага паходжання – касмічнае смецце.

– Звезда? – удивляюсь я.

В стороны от искрящегося фиолетового тела расходятся, все в языках холодного пламени, два нежно-лиловых щупальца. Я прищуриваюсь. Нет, это не похоже на щупальца. Это скорее крылья, почти как у нашего корабля. Два треугольника, дальняя сторона каждого из которых мерно вспыхивает волнами свечения и растаёт в бесконечности.

– Мёртвая Голова, – повторяет Гиз. Он смотрит на звезду, чуть склонив голову, и улыбается.

– Какая же это голова? – возмущаюсь я. – У вас, землян, воображение на уровне эритейского полосатого слизня.

Гиз смеётся. Он ведь непрошибаемый.

– Всё может быть, – говорит. – Только ты, Клёник, не понял. На земле есть насекомое, бабочка. Мёртвая голова называется.

Он лезет в карман и вытаскивает оттуда потрёпанный блокнот и механический карандаш. Долго чиркает кнопкой, извлекая грифель, и чертит на бумаге, закусив губу.

– Вот, – Гиз показывает рисунок мне. – Они примерно такие, понимаешь?

На листке изображено крылатое чучело с длиннющими усами.

– Страшно у вас на Земле, наверное, – холодно отзываюсь я.

– Это да, – соглашается Гиз. Лицо у него мрачнеет.

Мне неловко. Я хочу говорить про странную звезду и земных крылатых чудовищ, а этот глупый землянин почему-то молчит и смотрит в потолок.

Наконец я не выдерживаю.

– Гиз, – окликаю я жалобно. – Гиз.

– Сам ты галава, – кажу я.

І нечакана бачу Яе.

У цэнтры, ззяйкая, быццам агранены камень з Арк-маран, быццам светлае азярцо, ля якога я вырас, пульсіравала, як жывое і трапяткое сэрца…

– Зорка? – здзіўляюся я.

У бакі ад іскрыстага фіялетавага цела разыходзяцца, усе ў языках халоднага полымя, два пяшчотна-ліловыя шчупальцы. Я звужваю вочы. Не, гэта не падобна да шчупальцаў. Гэта хутчэй крылы, зусім як у нашага карабля. Два трохкутнікі, дальні бок кожнага з якіх мерна ўспыхвае хвалямі ззяння і растае ў бясконцасці.

– Мёртвая Галава, – паўтарае Гіз. Ён глядзіць на зорку, ледзь апусціўшы голаў, і ўсміхаецца.

– І дзе ж тут галава? – абураюся я. – У вас, зямлян, уяўленне на ўзроўні пласатага эрытэйскага слізня.

Гіз рагоча. Ён жа непрашыбальны.

– Усё можа быць, – кажа. – Толькі ты, Клёнік, не зразумеў. На Зямлі ёсць жамярынка, матыль. Мёртвая галава называецца.

Ён лезе ў кішэню па нататнік і механічны аловак. Доўга чыркае гузікам, выціскаючы грыфель, і крэсліць па паперы, прыкусіўшы вусны.

– Во, – Гіз паказвае малюнак мне. – Яны прыкладна такія, разумееш?

На паперы намалявана (і бяздарна) крылатае пудзіла з доўгімі вусамі.

– Страшна ў вас на Зямлі, напэўна, – з прахалодай азываюся я.

– Гэта ёсць, – згаджаецца Гіз. Твар у яго раптам робіцца змрочным.

Он улыбается и треплет меня по голове.

– Ничего, Клёник, – болтает Гиз весело. – Облетим вокруг этой красотки, вышлем пару зондов, запишем данные и бешеные деньжищи загребём. Купим тебе десять чайников.

Я хмурюсь.

– Зачем мне столько чайников, – ворчу я и усаживаюсь на своё место. На всякий случай проверяю маршрут, проложенный Гизом. Маршрут, в общем-то, скучный: всего-то несколько витков вокруг звезды и сразу назад.

Гиз поднимается на ноги.

– Ты подремли пока, что ли, – это он мне. – А я в отсеке выгрузки зонды подготовлю.

– Подремлешь тут с тобой, – замечаю я надменно. Но лиловатые всполохи в самом деле навевают сон, так что мне даже не слышно, как Гиз уходит из рубки.

И сон какой-то дурацкий.

Будто в Гизовом кресле сидит какая-то землянская девчонка и тихонько насвистывает его любимый мотивчик.

– Эй, – говорит. – Ты не спи на работе, Клёник.

Только я напыжился ей ответить, что вовсе и не сплю, что не её это дело и что её-то здесь и быть не должно, как проснулся.

Мёртвая Голова теперь больше, свечение от неё – ярче. Мы, видно, подлетели ближе. Я зеваю и тру рукой глаза. Гиза в рубке нет – или всё ещё отлаживает зонды, или втихую гоняет в кухонном отсеке чаи.

Мне няёмка. Я хачу размаўляць пра дзіўную зорку і зямных крылатых пачвар, а гэты дурны зямлянін чамусьці маўчыць ды глядзіць у столь. Нарэшце я не вытрымліваю.

– Гіз, – гукаю я жаласна. – Гіз.

Ён усміхаецца і ляпае мяне па галаве.

– Нічога, Клёнік, – пляце ён весела. – Абляцім вакол гэтай прыгажуні, скінем колькі зондаў, запішам дадзеныя і шалёныя грошыкі заграбем. Купім табе дзесяць чайнікаў.

Я насупліваюся.

– На халеру мне столькі чайнікаў, – буркаю я і сядаю на сваё месца. На ўсякі выпадак правяраю маршрут, пракладзены Гізам. Маршрут, па вялікім рахунку, нецікавы: колькі віткоў вакол зоркі і адразу назад.

Гіз падымаецца на ногі.

– Ты паспаў бы пакуль, ці што, – гэта ён мне. – А я ў адсеку выгрузкі зонды падрыхтую.

– Разаспішся тут з табою, – заўважаю я фанабэрыста. Але лілаватыя зарніцы насамрэч навяваюць сон, так што мне нават не чутно, як Гіз сыходзіць з рубкі. І сон дурны нейкі.

Быццам сядзіць у Гізавым фатэлі нахабнае зямлянскае дзяўчо і ціхенька насвістае яго ўлюбёны матыўчык.

– Эй, – кажа. – Ты не спі на працы, Клёнік.

Толькі я намерыўся адказаць нягодніцы, што й не сплю зусім, што не яе гэта справа і што яна тут і быць не мае права, як прачнуўся.

На панели мигает красным лампочка активации люка выхода. Это странно. Гиз, уж на что лентяй и недотёпа, люки всегда до старта проверяет. Ещё разгерметизации нам не хватало.

Я почти что опускаю рычаг закупорки, но тут боковым зрением вижу, что на стенде со скафандрами остался только меньший – мой.

Нет, я не волнуюсь. С чего бы? Только странно это. Незачем Гизу лезть в открытый космос, разве что поломка какая-то. Так ведь всё, вроде бы, благополучно.

«А ведь мог бы летать вторым пилотом на транспортнике, – с тоской думаю я, упаковываясь в скафандр. – Почёт, уважение. Стандартная зарплата и никаких сумасшедших землян. Так нет же, ввязался вот…»

Пока насос откачивает из кабины воздух, я вдавливаю кнопку вызова на рации.

– Гиз, ты придурок, – кричу я в микрофон. – С чего ты полез за борт, не сказавшись? Вот закупорился бы я, так и болтался бы там, пока не посинел.

Гиз молчит. Вечно он молчит, когда виноват.

В узком коридорчике темно, только в конце маячит лиловый просвет – полумесяцем. Я цепляюсь за поручень. Мне страшно. В конце концов, я дипломированный пилот. Я не должен лазить в космос за сбрендившими землянами, моё дело – корабль вести.

– Гиз, – шепчу я. И вспоминаю, что если я упаду с корабля, то падать придётся долго-долго, до самой звезды. Даже пояс, пристёгнутый к поручню, и магнитные подошвы ботинок не особенно обнадёживают.

Мёртвая Галава зараз большая, а ззянне ад яе – ярчэй. Мы, відаць, падляцелі зусім блізка. Я пазяхаю і праціраю вочы рукою. Гіза ў рубцы няма – ці то ўсё яшчэ завіхаецца з зондамі, ці паціху ганяе ў кухонным адсеку гарбату.

На панэлі мільгае чырвоным лямпачка актывацыі люка выхаду. Гэта дзіўна. Гіз, хай сабе лайдак ды недарэка, але люкі да старту правярае заўжды. Яшчэ разгерметызацыі нам не хапала, для поўнага шчасцейка.

Я амаль што апускаю рычаг закупоркі, але тут бакавым зрокам бачу, што на стэндзе з нашымі скафандрамі застаўся толькі меншы – мой.

Не, я не хвалююся. Чаму б? Адно дзіўна гэта. Нашто Гізу перціся ў адкрыты космас, хіба што зламалася што. Але ж усё, здаецца, добра.

«А мог бы лётаць другім пілотам на транспартніке, – з тугою думаў я, упакоўваючыся ў скафандр. – Пачэсна. Паважна. Стандартная зарплата і ніякіх табе звар'яцелых зямлянаў. Ды не ж, увязаўся ж…»

Пакуль помпа выцягвае з кабіны паветра, я таплю гузік выкліку на рацыі.

– Гіз, ты прыдурак, – крычу я ў мікрафон. – З якой гэта радасці ты палез за борт, не сказаўшы? Во закупорыўся б я, то й боўтаўся б там, пакуль не пасінеў.

Гіз маўчыць. Вечна ён маўчыць, калі вінаваты.

У вузкім калідорчыку цёмна, толькі ў самым канцы маячыць ліловы водбліск – паўмесяцам. Я чапляюся за поручань. Мне страшна. У рэшце рэшт, я ды-пламаваны пілот. Я не павінен лазіць у космас за бязглуздымі зямлянамі, мая справа – карабель весці.

– Гіз, – шапчу я. І прыгадваю, што калі ўпаду з карабля, то падаць давядзецца доўга-доўга, да самай зоркі. Нават пояс, прычэплены да поручня, і магнітныя падэшвы ботаў нейк не надта абнадзейваюць.

Гиз обнаруживается почти сразу за люком. Свой пояс он зачем-то отстегнул и торчит, завороженно уставившись на эту чёртову звезду, шагах в десяти от меня.

И рацию он, конечно, не слышит, гад землянский. Меня начинает подташнивать, потому что я понимаю: с пристёгнутым поясом мне до Гиза не добраться.

Звезда нависает над нашими головами, волны сияния отражаются в металлической обшивке корабля. Вернее, это мы с Гизом нависаем над звездой – примагниченные вверх тормашками к металлу. Я с трудом отцепляюсь от поручня и, растопырив руки, медленно ползу к Гизу.

Подползаю – и вцепляюсь в него, дёргаю за рукав.

– Гиз, – хриплю я в микрофон.

А он будто только-только меня услышал.

– Клёник, – говорит. – Ты же вроде спал?

Тут я не выдерживаю. Меня колотит крупная дрожь, а перед глазами плывут разноцветные круги.

– Пойдём-ка назад, Клёник, – говорит Гиз. – Ты не волнуйся. Всё будет хорошо.

Вечно он так говорит. И ничего хорошего никогда не выходит.

Потихоньку, по крошечному шажочку – назад. И такое чувство, будто это я осрамился, вылез полюбоваться на просторы Вселенной, понимаешь ли.

Пока я, лязгая зубами, прихожу в себя, Гиз хлопочет в кухонном отсеке.

– Не буду я твой дурацкий чай, – кричу я ему, забывая все приличия. – Сам его пей, гад землянский! Напейся и ныряй себе в открытый космос, понял?..

Гіз знаходзіцца амаль адразу за люкам. Свой пояс ён чамусь адсцягнуў і тырчыць, зачаравана гледзячы на гэтую тройчы клятую зорку, крокаў за дзесяць ад мяне.

І рацыю ён, канешне, не чуе, гад зямлянскі. Мне амаль робіцца млосна, бо я разумею: з прысцёгнутым поясам мне да Гіза не дабрацца.

Зорка навісае ў нас над галовамі, хвалі ззяння адбіваюцца ў металічнай абшыўцы карабля. Дакладней, гэта мы з Гізам навісаем над зоркай – прымагнічаныя падэшвамі да металу. Я з цяжкасцю адчапляюся ад поручня і, расставіўшы рукі, павольна паўзу да Гіза.

Падпаўзаю – і хапаюся за яго, тузаю за рукаў.

– Гіз, – хрыплю я ў мікрафон.

А ён быццам толькі-толькі мяне пачуў.

– Клёнік, – кажа. – Ты ж, здэцца, спаў?

Тут я не вытрымліваю. Мяне калоціць, а перад вачыма плывуць рознакаляровыя колы.

– Пойдзем назад, Клёнік, – кажа Гіз. – Ты не хвалюйся. Усё будзе добра.

Вечна ён так вось кажа. І ніколі нічога добрага не бывае.

Патроху, па драбочку, па кроку – назад. І такое адчуванне, быццам гэта я дурасць адмачыў, вылез палюбавацца на прастору Сусвету, разумееце.

Пакуль я, ляскаючы зубамі, прыводжу думкі ў парадак, Гіз гаспадарыць у кухонным адсеку.

– Не буду я тваю дурную гарбату, – крычу я яму, забываючыся на ўсе правілы этыкету. – Сам яе пі, гад зямлянскі! Напіся і давай ныpца ў адкрыты космас, ясна?..

Гиз входит с двумя чашками, над которыми вьётся пар.

– Ладно, ладно, – Гиз машет на меня рукой. – Пора первый зонд спускать, Клёник.

Я молчу. Я кручу в руках сломанный чайник и делаю вид, что больше ничто меня не интересует. Гиз, поминутно отпивая из своей чашки, щёлкает клавиатурой.

– Вот, – он откидывается в кресле. – Первый пошёл.

Иллюминатор перечёркивает серебряная искра – это выстреливает зонд. Я щурюсь на Мёртвую Голову. Что-то с ней не так, что-то в ней новое.

– Ты видишь, Гиз? – я даже забываю, что обижен на эту орясину. – На ней же…

На теле лиловой звезды появились пятна – три тёмных жирных точки: две пустые глазницы и оскаленный беззубый рот. Я сглатываю сухой комок в горле и перевожу взгляд на Гиза. Тот смотрит в потолок.

– Гиз, – говорю я. – Ты это видел?

– Что видел, малыш? – отзывается он, а сам всё так же в потолок пялится.

Я морщусь. Он, конечно, раза в два меня выше, только по годам – даже и по землянским – я постарше буду. Но Гиз этого в расчёт никогда не берёт – «малыш» и «малыш».

– Пятна, – я тыкаю пальцем в иллюминатор.

– Подумаешь, пятна, – Гиз зевает. – Нам только два витка осталось, Клёник. И второй зонд выпустить. Потерпи уж.

Я бы ему ответил, только с оппонентом, который уже похрапывает, сложно спорить.

Гіз уваходзіць з двума кубкамі, над якімі ўецца пара.
– Добра, добра, – Гіз махае на меня рукой. – Час першы зонд запускаць, Клёнік.
Я маўчу. Я кручу ў руках зламаны чайнік і раблю выгляд, што болей мяне нічога не цікавіць. Гіз, штохвіліны сёрбаючы з свайго кубка, шчоўкае клавіятурай.
– Во, – кажа ён, адкідваючыся назад у фатэлі. – Першы пайшоў.
Ілюмінатар перакрэслівае сярэбраная іскра – гэта выстрэльвае зонд. Я жмурусь на Мёртвую Галаву. Нешта з ёю не так, нешта ў ёй новае.
– Бачыш, Гіз? – я нават забываюся, што пакрыўджаны на гэтага бамбізу. – На ёй жа…
На целе ліловае зоркі з'явіліся плямы – тры цёмныя тлустыя кропкі: дзве пустыя вачніцы і аскалены бяззубы рот. Я глытаю сухі камок у горле і пераводжу позірк на Гіза. Той глядзіць у столь.
– Гіз, – кажу я. – Ты гэта бачыў?
– Што бачыў, малы? – азываецца ён, а сам па-ранейшаму ў столь вочы лупіць.
Я моршчуся. Ён, канешне, дзесь удвая за мяне вышэйшы, але па гадах – нават і па зямлянскіх – я старэйшым выходжу. Але Гіз гэтага ў разлік ніколі не прымае – «малы» ды «малы».
– Плямы, - я тыцкаю пальцам у ілюмінатар.
– Хай сабе плямы, – Гіз пазяхае. – Нам толькі два віткі засталося зрабіць, Клёнік. І другі зонд выпусціь. Пацярпі ўжо.
Я б яму адказаў, ды з апанентам, які храпе, цяжкавата спрачацца.
Пакрэхтваючы, іду ў кухонны адсек: пасля Гізавай бурды хочацца сапраўднага сірыянскага гакер-ткла. Ды ў нас на караблі стандартная кухонная механіка, і

Покряхтывая, иду в кухонный отсек: после Гизовой бурды хочется настоящего сирианского гаккер-ткла. Но у нас на корабле стандартная кухонная механика, и максимум, на что она способна, – это соевый бульон, обогащённый витаминами.

Бульона мне не хочется. Я подставляю стремянку, поднимаюсь и ставлю сломанный чайник на полку.

– Решил не чинить, а, Клёник?

Оборачиваюсь я – а рядом та самая землянская девчонка стоит. Платье белое. И глаза вроде как у Гиза – светлые, дикие. Жуть, в общем.

– Уйди, – шепчу. А сам чувствую, что все поджилки трясутся.

– Это вам уходить надо, – говорит девчонка и прядку рыжеватых волос на палец накручивает. – Ясно, Клёник?

Я зажмуриваюсь. Мне мучительно хочется проснуться в своём кресле в рубке. Когда я открываю глаза, девчонки больше нет. Я прыгаю на пол и бегу к Гизу.

Тот не спит уже – листает прошлогодний выпуск «Звёздного пилота» и тихонько насвистывает.

– Гиз, – говорю я, пытаясь отдышаться. – Уходить надо. Дурное здесь место.

– Ну? – рассеянно переспрашивает он.

– Гиз, – я сажусь рядом с ним. – Я в своём уме. Но здесь я вижу странные вещи. Надо уходить, Гиз. Ну их, эти деньги.

Гиз поднимает голову. Если уж речь о деньгах, он непременно услышит.

– Глупости, Клёник, – усмехается он. – Не трусь, отважный сирианин.

– Ты чуть не свалился в космос, – мрачно замечаю я. – Это глупости?

максімум, на што яна здольная, – гэта соевы булён, узбагачаны вітамінныміі дадаваннямі.
Булёна мне не хочацца. Я падстаўляю лескі, падымаюся і вяртаю зламаны чайнік на паліцу.
– Вырашыў не рамантаваць, а, Клёнік?
Паварочваюся я – а побач тое самае зямлянскае дзяўчо стаіць. Сукня белая. І вочы на манер Гізавых – светлыя, дзікія. Жудасць, карацей.
– Сыдзі, – шапчу. А сам пачуваю, што ўсе жылачкі ўнутры трасуцца.
– Гэта вам сыходзіць трэба, – кажа дзяўчо і пасму рудаватых валасоў на пальчык накручвае. – Зразумеў, Клёнік?
Я зажмурваюся. Мне пакутліва хочацца прачнуцца ў сваім фатэліку ў рубцы. Калі я расплюшчваю вочы, дзяўчо знікла. Я саскокваю на падлогу і бягу да Гіза.
Той не спіць ужо – гартае мінулагодні выпуск «Зорнага пілота» і ціхутка насвістваe.
– Гіз, – кажу я, спрабуючы аддыхацца. – Драпаць трэба. Благое тут месца.
– Ну? – няўважліва перапытвае ён.
– Гіз, – я сядаю побач з ім. – Я ў сваім розуме. Але тут бачу я дзіўныя рэчы. Трэба сыходзіць, Гіз. Ну іх, гэтыя грошы.
Гіз падымае галаву. Калі размова пра грошы, ён абавязкова пачуе.
– Дурасць, Клёнік, – усміхаецца ён. – Не бойся, адважны сірыянін.
– Ты ледзь не звaліўся ў космас, – змрочна заўважаю я. – Гэта дурасць?
Адказаць Гіз не паспявае: вярнуўся першы зонд.

Ответить Гиз не успевает: вернулся первый зонд.

– Ладно, Клёник, – кивает Гиз. – Проверим сейчас, есть там что опасное или нет.

Сканер крякает и пищит, из него лезет длинная полоса бумаги. Я пробегаю глазами по вереницам букв и цифр. Ничего опасного на самом деле нет.

– Ого, – тут же присвистывает Гиз, который, нависая сверху, заглядывает мне через плечо. – Глянь-ка, Клёник.

Он указывает на один повторяющийся символ.

– Арконий, – еле-еле выдавливаю я.

Редчайший и очень радиоактивный химический элемент, универсальное топливо. По нынешним-то временам, учитывая топливный кризис, за координаты месторождения аркония можно получить баснословную сумму. А тут целая звезда – это сколько же тонн?..

И – больше никаких полётов, никаких разведывательных экспедиций или перевоза контрабанды, никаких ядовитых эритеевских ящеров. Своё поместье у морского залива, дымящийся гаккер-ткла в высоком бокале, созерцание природы и – а почему бы и нет? – литературная работа.

Пока я обдумываю свою блестящую будущность, Гиз глядит на звезду.

– А ведь ты прав, Клёник, – задумчиво говорит он. – Надо уходить.

Я вздрагиваю. Душой я уже на берегу залива.

– Что? – изумляюсь я. – Ты подумай, Гиз, сколько нам отвалят за эти координаты. Особенно какая-нибудь межпланетная корпорация.

Гиз улыбается и качает головой.

– Добра, Клёнік, – ківае Гіз. – Праверым зараз, ці ёсць там што небяспечнае.
Сканер крэкае і вішчыць, з яго лезе доўгая палоска паперы. Я прабягаю вачыма па чародах літар і лічбаў. Нічога небяспечнага і праўда няма.
– Ого, – прысвістваe Гіз, які, навісаючы зверху, зазірае мне цераз плячо. – А ну, зірні сюды, Клёнік.
Ён паказвае на адзін сімвал, які ўсё паўтараецца.
– Арконій, – ледзь выціскаю я.
Самы рэдкі і радыёактыўны хімічны элемент, універсальнае паліва. У нашыя часы, улічваючы галактычны паліўны крызіс, за каардынаты месцараджэння арконія адваляць проста казачныя грошы. А за цэлую зорку (гэта колькі ж тон?) – і ўвогуле нязмераную колькасць.
І – больш ніякіх палётаў, ніякіх разведвальных экспедыцый ці перавозу кантрабанды, ніякіх атрутных эрытэеўскіх гадаў. Сваё памесце ля марскога заліва, дымок над гакер-ткла ў высокім келіху, сузіранне прыроды і – а чаму б і не? – літаратурная праца.
Пакуль я абдумваю свае бліскучыя перспектывы, Гіз глядзіць на зорку.
– А ты маеш рацыю, Клёнік, – задумліва кажа ён. – Трэба сыходзіць.
Я скаланаюся ад нечаканасці. Душою я ўжо на беразе заліва.
– Што? – здзіўляюся я. – Ты падумай, Гіз, колькі нам адваляць за каардынаты. Асаблівая якая-небудзь межпланетная карпарацыя.
Гіз усміхаецца і хітае галавой.
– Усе зямляне вар'яты, – упэўнена кажу я. – Ты забыўся, колькі каштуе арконій?
– Паглядзі, Клёнік, – Гіз паказвае на зорку. – Уважліва паглядзі. Што ты бачыш?

– Все земляне чокнутые, – уверенно говорю я. – Ты забыл, сколько стоит арконий?
– Погляди, Клёник, – Гиз указывает на звезду. – Внимательно погляди. Что ты видишь?
– Арконий, – отвечаю я. – Не блажи, Гиз. Я хочу заработать на безбедную старость.
Звезда вовсю полыхает лиловым. Отсветы ползут по рубке, по лицу Гиза.
– Она ведь красивая, – сообщает мне этот землянский дурень. Притом таким тоном, будто я не замечаю очевидного.
– Ты представь, – продолжает Гиз. – Вот приедет сюда эта твоя корпорация…
– У меня нету корпорации, – угрюмо вставляю я. – Если б была, я бы с тобой по Галактике не мотался.
– Приедет корпорация, – Гиз не обращает на меня внимания. – И всё испоганит, понимаешь, Клёник?
Я негодующе соплю. Мне очень не хочется понимать вещи, которые не сулят ровным счётом никакой выгоды.
– Там, где я вырос, – Гиз всё треплется, а пальцы у самого так и бегают по клавиатуре. – Был старый-престарый лес. Деревья огромные, в три обхвата, а то и больше. Озеро синее-синее, а на дне, в водорослях, спят мидии с ладонь. Берега заболоченные, аисты ходят, высоко поднимая ноги. В траве лягушки с золотыми глазами. Тихо так, спокойно.
– Лягушки? – переспрашиваю я.
– У меня там был любимый дуб, – Гиз вздыхает. – Старый раскидистый дуб. Кора морщинистая, с цепочками муравьёв и очень тёплая, нагретая солнцем. Хороший был дуб, замечательный дуб, понимаешь?

– Арконій, – адказваю я. – Не блазнуй, Гіз. Я хачу зарабіць на бязбедную старасць.
Зорка так і ззяе ліловым. Водбліскі паўзуць па рубцы, па твары Гіза.
– Яна ж прыгожая, – кажа мне гэты зямлянскі дурань. Прычым такім тонам, быццам я не заўважаю відавочнага.
– Ты ўяві, – працягвае Гіз. – Вось прыедзе сюды тая твая карпарацыя…
– Няма ў мяне карпарацыі, – панура ўстаўляю я. – Каб была, я б з табою па Галактыцы не цягаўся б.
– Прыедзе карпарацыя, – Гіз не звяртае на мяне ўвагі. – І ўсё зруйнуе, усё сапсуе, разумееш, Клёнік?
Я з абурэннем саплю. Мне зусім не хочацца разумець рэчы, ад якіх не будзе карысці.
– Там, дзе я вырас, – Гіз усё менціць языком, а пальцы ў самога так і бегаюць па клавіятуры. – Быў стары-стары лес. Дрэвы вялізарныя, у тры абхваты, а мо й болей. Возера сіняе-сіняе, а на дне, у водарасцях, спяць мідыі з далонь велічынёю. Берагі топкія, буслы ходзяць, высока падымаючы ногі. У траве жабкі з залатымі вачамі. Ціха так, спакойна.
– Жабкі? – перапытваю я.
– У мяне там быў любімы дуб, – Гіз уздыхае. – Стары разложысты дуб. Кара зморшчаная, с ланцужкамі мурашоў і надта цёплая, нагрэтая сонцам. Харошы быў дуб, цудоўны дуб, разумееш?
Ён кажа, а я ў ілюмінатар гляджу – і вачам не веру. Няма там ані космасу, ані праклятай ліловай зоркі, а ёсць дзіўнае сіняе – не сірыянскае чырвонае – неба,

Он говорит, а я в иллюминатор гляжу – и глазам не верю. Нет там ни космоса, ни проклятой лиловой звезды, а есть странное синее – не сирианское алое – небо, зелёные травы и чистое синее озеро. Деревья, действительно, в три обхвата. И большое дерево – видимо, дуб, – на высоком берегу. А подальше, ближе к кромке леса, идут, высоко поднимая красные (от холода, что ли?) ноги, невиданные чёрно-белые существа.

– А потом, – говорит Гиз, – этот лес выкупила одна корпорация. На вырубку, понимаешь? И ничего не стало: ни мидий, ни лягушек, ни аистов. Ни моего дуба. Ничего у меня не осталось.

Скажу честно: я, Клёан Иккоро А-Бейрис, трёхсот восьми сирианских лет, дипломированный пилот межзвёздных перелётов В-класса, никогда не считал себя эстетом. Наплевать мне на всю эту бесполезную красоту, особенно если за её координаты мне отвалят солидный куш. И всё-таки…

Я морщу нос и ввожу в компьютер новый курс.

– Всё будет хорошо, Клёник. Правда, – улыбается Гиз. – Вот увидишь.

– Да ну тебя, – ворчу я. – Плакала моя обеспеченная старость… Небось, и этот вылет нам не оплатят? Мол, провалили задание?

Гиз молчит. Он всегда молчит, если виноват.

Звезда, вся в волнах лилового сверкания, медленно уходит вниз. Я, чертыхаясь под нос, обхожу Мёртвую Голову и укладываю корабль на обратный курс. Гиз поднимается и, шаркая по полу, выходит из рубки.

– Починю твоего боевого товарища, – весело бросает Гиз на ходу. Я вздыхаю. Надо будет прикупить шестой электрочайник, раз уж этот всё-таки обречён.

зялёныя травы і чыстае сіняе возера. Дрэвы, і праўда, у тры абхваты. І вялікае дрэва – відаць, дуб – на высокім беразе. А воддаль, бліжэй да лесу, ідуць, высока падымаючы чырвоныя (змерзлі, ці што?) ногі, нябачаныя чорна-белыя істоты.

– А пасля, – кажа Гіз, – гэты лес выкупіла адна карпарацыя. На вырубку, разумееш? І нічога не засталося: ні мідый, ні жабак, ні буслоў. Ні майго дуба. Нічога ў мяне не засталося.

Шчыра скажу: я, Клёан Ікара А-Бейрыс, трохсот васьмі сірыянскіх гадоў, дыпламаваны пілот міжзорных пералётаў В-класа, ніколі не лічыў сябе эстэтам. Напляваць мне на ўсю гэтую непрыдатную прыгажосць, асабліва калі за яе каардынаты мне адваляць ніштаваты куш. І ўсё-ткі…

Я моршчу нос і ўбіваю ў камп'ютар новы курс.

– Усё будзе добра, Клёнік. Праўда, – усміхаецца Гіз. – Вось пабачыш.

– Ды ну цябе, – бурчу я. – Плакала мая забяспечаная старасць… Мяркую, нам і гэты вылет не аплоцяць? Маўляў, правалілі заданне?

Гіз маўчыць. Ён заўжды маўчыць, калі вінаваты.

Зорка, уся ў хвалях ліловага зяння, павольна адыходзіць уніз. Я, лаючыся пад нос, абходжу Мёртвую Галаву і кладу карабель на зваротны курс. Гіз падымаецца і, шоргаючы па падлозе, выходзіць з рубкі.

– Адрамантую твайго баявога таварыша, – весела кідае Гіз ідучы. Я ўздыхаю. Трэба будзе набыць шосты электрачайнік, калі гэты ўсё-ткі асуджаны.

Навокал зноў адно скопішчы міжзорнага пылу ды падазронага касмічнага смецця. Радар вішчыць, і я рву штурвал убок. Паўз нас, паступова выяўляючыся з туману,

Вокруг снова только скопления межзвёздной пыли и подозрительного космического мусора. Радар взвизгивает, и я рву штурвал вбок. Мимо, постепенно проявившись из тумана, дрейфует корабль без опознавательных знаков и без огней, с отключённым двигателем. Радар замолкает на мгновение, точно раздумывая, а потом верещит, как бешеный.

Если верить показаниям аппаратуры, вокруг сотни таких вот мёртвых кораблей.

– Вы правильно поступили, – говорит уже знакомый мне голос.

Я кошу глаза вбок. Девчонка в белом платье стоит, прислонившись к креслу Гиза, и улыбается.

– Всё будет хорошо, Клёник, – прибавляет она, и я почему-то ей верю. В её исполнении эта вечная Гизова присказка звучит как-то убедительнее.

– Клёник? – это уже голос Гиза. Я поворачиваюсь.

Гиз, с нашим старым чайником под мышкой, изумлённо глядит перед собой.

– Могу поклясться, – шепчет он. – Что за…

Девчонка, конечно, уже куда-то подевалась.

– Чертовщина, – бормочет Гиз, усаживаясь в своё кресло, и с грохотом ставит чайник на пол рядом. – Радиация, видимо…

– Чего? – переспрашиваю я. Гиз проверяет курс и включает автопилот.

– Так, показалось, – говорит Гиз. – Ты не волнуйся. Всё будет хорошо, Клёник.

– Это уж точно, – хмыкаю я. – С такими-то нашими успехами…

Гиз улыбается. Ему что, он непрошибаемый.

– Всё равно купим тебе новый чайник, – обещает он. – Или лучше церемониальный набор для гаккер-ткла на двенадцать персон?

дрэйфуе карабель без апазнавальных знакаў і без агнёў, з адключаным рухавіком. Радар змаўкае на імгненне, быццам задумваецца, а пасля верашчыць, як рэзаны. Калі верыць паказанням апаратуры, вакол нас сотні такіх вось мёртвых караблёў.

– Вы правільна зрабілі, – кажа ўжо знаёмы мне голас.

Я кашуся ўбок. Дзяўчо ў белай сукні стаіць, прысланіўшыся да Гізавага фатэля, і ўсміхаецца.

– Усё будзе добра, Клёнік, – дадае яна, і я чамусьці ёй веру. У яе выкананні гэтая адвечная Гізава прымаўка гучыць нейк больш пераканаўча.

– Клёнік? – гэта ўжо голас Гіза. Я паварочваюся.

Гіз, з нашым старым чайнікам пад пахаю, здзіўлена глядзіць перад сабою.

– Прысягнуць магу, – шэпча ён. – Што за…

Дзяўчо, канешне, ужо некуды падзелася.

– Чартаўшчына, – мармыча Гіз, сядаючы ў свой фатэль, і з грукатам ставіць чайнік на падлогу побач. – Радыяцыя, відаць…

– Што? – перапытваю я. Гіз правярае курс і ўключае аўтапілот.

– Так, падалося, – кажа Гіз. – Ты не хвалюйся. Усё будзе добра, Клёнік.

– Анягож, – чмыхаю я. – С такімі нашымі поспехамі…

Гіз усміхаецца. Яму што? Ён непрабівальны.

– Усё роўна купім табе новы чайнік, – абяцае ён. – Ці мо лепей цырыманіяльны набор для гакер-ткла на дванаццаць персон?..

Я ўладкоўваюся зручней, апускаю павекі і павольна засынаю пад Гізаву балбатню.

Я устраиваюсь поудобнее, опускаю веки и постепенно засыпаю под Гизову болтовню.
И снится мне Эльбрус – огромное, белое облако.
И мы с Гизом идём по нему вверх, туда, где видно странное синее небо.
На плече у Гиза его походная сумка, вокруг которой вьётся крылатое земное существо – бабочка.
И я знаю: если добраться до вершины и посмотреть вниз, можно будет увидеть маленькое синее озеро, и старое дерево на его берегу, и чёрно-белых аистов с красными клювами, которые бредут по траве, высоко поднимая ноги.
Я знаю это – и во сне улыбаюсь.

І сніцца мне Эльбрус – вялізнае белае воблака.
І мы с Гізам ідзем па ім туды, дзе відаць дзіўнае сіняе неба.
На плячы ў Гіза ягоная паходная торба, вакол якой уецца крылатая зямная істота – матыль.
І я ведаю: калі дабрацца да вяршыні і зірнуць уніз, можна будзе пабачыць белых буслоў з чырвонымі дзюбамі, буслоў, якія ідуць па траве, высока падымаючы ногі.
Я ведаю гэта – і ў сне ўсміхаюся.

Ольга Черкас

Перевод на белорусский язык Татьяны Сивец

Вольга Чэркас

Пераклад на беларускую мову Таццяны Сівец

Ольга Черкас родилась 30 июня 1984 года в г. Бобруйске. В июне 2009 года окончила Литературный институт им. А. М. Горького с красным дипломом по специальности «Литературный работник (отделение прозы)». Является аспиранткой Литературного института им. А. М. Горького на кафедре общественных наук (специализация: философия и эстетика). Лауреат премии альманаха молодых писателей «Пятью пять» имени Александра Филимонова, дипломантка конкурса Молодых писателей Республики Беларусь «Дебют-слово.doc», автор прозаических сборников «У зеркала» (2001), «Проща» (2009). Имеет публикации в журнале «Новая Немига Литературная» (Беларусь), альманахе «Пятью пять», научно-художественные публикации в различных изданиях Москвы.

Вольга Чэркас нарадзілася 30 чэрвеня 1984 года ў г. Бабруйску. У чэрвені 2009 года скончыла Літаратурны інстытут імя А. М. Горкага з чырвоным дыпломам па спецыяльнасці «Літаратурны работнік (аддзяленне прозы)». З'яўляецца аспіранткай Літаратурнага інстытута імя А. М. Горкага на кафедры грамадскіх навук (спецыялізацыя: філасофія і эстэтыка).

Лаўрэат прэміі альманаха маладых пісьменнікаў «Пятью пять» імя Аляксандра Філімонава, дыпламантка конкурсу Маладых пісьменнікаў Рэспублікі Беларусь «Дэбют-слова.doc», аўтар празаічных зборнікаў «У зеркала» (2001), «Проща» (2009). Мае публікацыі ў часопісе «Новая Няміга Літаратурная» (Беларусь), альманаху «Пятью пять», навукова-мастацкія публікацыі ў разнастайных выданнях Масквы.

00:00

Если человеку случается в жизни прожить один день, он должен помнить о нём и отмечать его как единственное рождение.

Надышаться! Я никогда не жила раньше! Кажется – только начинаю. Я всё время оставляла жизнь назавтра, а потом я увидела это завтра на расстоянии – и испугалась. Когда будет это завтра? И будет ли?
Я начала. Живу!
6.00
Мне приснилось, что я целовала нелюбимого человека… при живом – любимом. Если приснилось, значит, думала об этом, значит, действительно, когда-то мечтала поцеловать. Мне бы не хотелось, чтобы так было. Мне не нравится, что этот сон был приятен, и я проснулась изнеженной. Не вынуждайте меня плакать в начале жизни. Не смотрите так бесчеловечно! Простите, ну, простите же!..
Что вы наделали! Я – плачу…
6.15
Я люблю становиться на утреннюю молитву. Разум спит. И он не сопротивляется. И только сердце стучит, гармонично сливаясь с ритмом молитвы. «…но страхом зовём в полунощи: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас…» Не все слова молитвы проникают в душу, но те, которым открывается она, – ещё долго греют меня днём. А иные – страшат… И хо-

00:00

Калі чалавеку надараецца ў жыцці пражыць адзін дзень,
ён павінен памятаць пра яго і адзначаць яго як адзінае нараджэнне.

Надыхацца! Я ніколі не жыла раней! Здаецца – толькі пачынаю. Я ўвесь час пакідала жыццё назаўтра, а потым я ўбачыла гэтае заўтра на адлегласці – і спалохалася. Калі яно будзе, гэтае заўтра? І ці будзе?
Я пачала. Жыву!
6.00
Мне прыснілася, што я цалавала нялюбага чалавека... пры жывым – каханым. Калі прыснілася, значыць, думала пра гэта, значыць, сапраўды, калісьці марыла пацалаваць. Мне б не хацелася, каб так было. Мне не падабаецца, што мне было прыемна ў гэтым сне, і я прачнулася з адчуваннем пяшчоты. Не хочацца плакаць у пачатку жыцця. Не пазірайце так бесчалавечна! Прабачце, ну, прабачце ж!..
Што вы нарабілі! Я – плачу...
6.15
Я люблю ўставаць на ранішнюю малітву. Розум спіць. І не супраціўляецца. І толькі сэрца стукае, гарманічна зліваючыся з рытмам малітвы. «...але са страхам усклікнем апоўначы: Святы, Святы, Святы Ты, Божа, праз Багародзіцу памілуй нас...» Не ўсе словы малітвы пранікаюць у душу, але тыя, якім адкры-

рошо, что – так. Когда это будет?.. «паче снега убелюся… и по сне нощнем возсияй ми день безгрешен…»?
«Врача рождшая, уврачуй души моея многолетныя страсти…
нова сотвори мя… струю давай мне слезам, Пречистая, души моея скверну очищающи». А главное: «…или хощу, спаси мя, или не хощу, Христе, Спасе мой…» Чаще всего повторяю это: «или хощу или не хощу…» – чувствую такую силу сопротивления добру. Что с ней делать? Лечить – как?
6.40
Я сегодня с особенной радостью делаю дыхательную гимнастику. Хочется набрать полной грудью воздух. Так набрать, чтобы закружилась голова. Открываю форточку и трогаю ладошкой морозный воздух. Холодно. Но иногда приятно замерзать. И сегодня – мне приятно.
7.00
Чистила зубы. Умывалась. Не смотрела в зеркало. Боялась не увидеть там ничего нового. А старое я видела в нём много раз.
7.30
Я закрыла дверь комнаты и наконец-то разглядела сапоги. Они никогда не казались мне такими рыжими, как сегодня. А сегодня они вопиюще рыжие! Как они рыже улыбаются мне! Я побежала по морозу с голой головой закрывать больничную справку.
– Какой сегодня мороз сильный! – сказала старушка, сидящая напротив меня.
– Не столько мороз – ветер сильный!
– Ветер сильный. Еле дошла!

ваецца яна, – яшчэ доўга сагравaюць мяне днём. А іншыя – страшаць... І добра, што – так. Калі гэта будзе?.. «І буду за снег бялейшай... і пасля сну начнога дай заззяць нада мною дню бязгрэшнаму...»?

«Ты, Якая Лекара нарадзіла, вылечы душы маёй шматгадовыя страсці... Новай зрабі мяне... Дай ліцца слязам маім, Прачыстая, душы маёй нечыстату ачышчаючы». А галоўнае: «…Але ці хачу, ці не хачу, спасі мяне, Хрысце Спасіцелю мой...» Часцей за ўсё паўтараю гэта: «ці хачу, ці не хачу...» – адчуваю такую сілу супраціўлення дабру. Што з ёй рабіць? Лячыць – як?

6.40

Я сёння з асаблівай радасцю раблю дыхальную гімнастыку. Хочацца набраць поўныя грудзі паветра. Так набраць, каб закружылася галава. Адчыняю фортку і кранаю далонькай марознае паветра. Холадна. Але часам прыемна мерзнуць. І сёння – мне прыемна.

7.00

Чысціла зубы. Умывалася. Не глядзела ў люстэрка. Баялася не ўбачыць там нічога новага. А старое я бачыла ў ім шмат разоў.

7.30

Я зачыніла дзверы пакоя і нарэшце разгледзела боты. Яны ніколі не здаваліся мне такімі рудымі, як сёння. А сёння яны абуральна рудыя! Як яны руда ўсміхаюцца мне! Я пабегла па марозе з голай галавой закрываць бальнічны.

– Які сёння мароз моцны! – сказала бабуля, якая сядзела насупраць мяне.

– Не столькі мароз – вецер моцны!

– Вецер моцны. Ледзь дайшла!

Я посмотрела на неё и увидела «еле дошла». Маленькая, совсем худая. Одежды – больше самой. Соли на косточках её пальцев сделали их похожими на двурогих бодающихся тёлок.

Старушки, сидящие в ряд, – разлинеенные живописные лица. Кажется, в старости определить характер человека, глядя на его лицо, – проще. Линии – те же линии характера. Это моя теория. Изучать лицо по морщинам – и страшно, и тоскливо. Чего-то как будто даже боязно. Наши неоформленные характеры ещё есть время разлинеить иначе…

Очередь не двигалась. Я нервничала, что опаздываю на лекцию по философии. По привычке поглядывала каждую минуту на часы. Старая, глупая привычка! Я так давно начала жить «сегодня», а ещё – с ней. Планировать – значит не доверять. И потом, есть хорошая шутка: хочешь насмешить Господа – расскажи ему о своих планах. Планировать – опять не жить…

Что-то болит внутри. Грех всегда чувствуешь в голове. В сердце – жжение, в душе – плач…

9.50

Дико опаздываю. Почти на ходу запрыгиваю в маршрутку. Она протянула деньги водителю. Он высыпал в ладонь горсть монет. «Нет, нет, можно другими?» – попросила девушка. Соседка, над головой которой висела рука девушки, скривилась. Её лицо растерзали безобразные линии. Мне хотелось поделиться с ней своим опытом наблюдения за старушками, но я не стала. Почему-то принято считать человека чокнутым, если он говорит с другим по-человечески, а я не хотела быть чокнутой. Хотя знала правду о её лице – и все знали, но сдержанно по привычке думали о своём.

Я паглядзела на яе і ўбачыла «ледзь дайшла». Маленькая, зусім худая. Адзенне – большае за яе самую. Солі на костачках яе пальцаў зрабілі іх падобнымі на двурогіх бадлівых цёлак.

Бабулькі, што сядзяць уздоўж сцяны, – маляўнічыя асобы. Здаецца, у старасці вызначыць характар чалавека, гледзячы на яго твар, – прасцей. Лініі на твары – тыя ж рысы характару. Гэта мая тэорыя. Вывучаць асобу па маршчынах – і страшна, і сумна. Чагосьці нават боязна. Нашы неаформленыя характары яшчэ мажліва размаляваць іначай...

Чарга не рухалася. Я нервавалася, што спазняюся на лекцыю па філасофіі. Па звычцы пазірала кожную хвіліну на гадзіннік. Старая дурная звычка! Я так даўно пачала жыць «сёння», а яшчэ – з ёй. Планаваць – значыць не давяраць. І потым, ёсць добры жарт: хочаш насмяшыць Госпада – раскажы яму пра свае планы. Планаваць – ізноў не жыць...

Нешта баліць унутры. Грэх заўжды адчуваеш у галаве. У сэрцы – сверб, у душы – плач...

9.50

Дзіка спазняюся. Ледзь не на хаду заскокваю ў маршрутку. Яна працягнула грошы кіроўцу. Ён высыпаў у яе далонь жменю манет. «Не, не, можна іншымі?» – папрасіла дзяўчына. Суседка, над галавой якой працягвала руку дзяўчына, скрывілася. Яе твар перарэзалі пачварныя лініі. Мне хацелася падзяліцца з ёй сваім вопытам назірання за бабулькамі, але я не стала. Чамусьці прынята лічыць чалавека дурным, калі ён размаўляе з іншым па-чалавечы, а я не хацела быць дурнаватай. Хоць ведала праўду пра яе твар – і ўсе ведалі, але стрымана па звычцы думалі пра сваё.

10.00
Молниеносно сбегаю по лестнице в метро. Бежала по эскалатору наперегонки. И так старательно. А потом – осеклась. Спряталась за чью-то большую темнокожую спину куртки. Бежать – значит не доверять, значит догонять… Но что? Если жизнь повсюду. Я – в ней! Господи, Господи, где же полотно созданной тобой жизни? Почему оно прячется в складках этой серой неприглядной ползучей лестницы?..
10.15
Зашла в вагон. Я неумело нащупываю пульс жизни. Не знаю, на чём зацепиться взором. Посмотрела напротив: читает, спит, разговаривает, думает… Думает, хм!.. Нет, не то.
И я уставилась от непривычки жить на свои варежки. Их мне связала моя бабушка. Как это странно: вот ты, я, думаешь, думаешь, а там, в маленькой деревушке Барборово, живёт – она. Почти видишь её: сидит в кресле, укутавшись шерстяным платком, – и вяжет. Каждый раз, когда я приезжаю, она дарит мне то варежки, то новые носки. Это её сакральная миссия. Сколько всего внешне изменчивого тут, а у неё там – всё как всегда – на месте. Коровы загнаны в сарай, тяжело дышащие, шершавыми своими розовыми языками нащупывающие в ведре комбикорм. Куры сидят в ящиках. В будке – спит собака, старая дура. Ленивая. Не лает, а только рычит, гоняя мордой пустую тарелку в своей деревянной конуре.
И она… одинокая. Вяжет, вяжет мне, такой далёкой, почти ничего о ней не знающей. Что я знаю о ней? Я только и помню её в движении. То у печки с чугунками картошки, то на улице среди своих питомцев, то со спицами.

10.00
Вокамгненна збегла па лесвіцы ў метро. Імчала па эскалатары. І так спяшалася. А потым – спынілася. Схавалася за нечую вялікую цёмнаскурую спіну курткі. Бегчы – значыць не давяраць, значыць даганяць... Але нашто? Калі жыццё паўсюль. Я – у ім! Госпадзі, Божа, дзе ж палатно створанага табой жыцця? Чаму яно хаваецца ў складках гэтай шэрай непрывабнай паўзучай лесвіцы?..
10.15
Зайшла ў вагон. Я няўмела намацваю пульс жыцця. Не ведаю, на чым спыніцца позірку. Зірнула насупраць: чытае, спіць, размаўляе, думае... Думае, хм!.. Не, не тое.
І я ад нязвычкі жыць утаропілася ў свае рукавічкі. Іх мне звязала мая бабуля. Як гэта дзіўна: вось ты, я, думаеш, думаеш, а там, у маленькай вёсачцы Барбарова, жыве – яна. Амаль бачыш яе: сядзіць у фатэлі, захутаўшыся ў цёплую хустку, – і вяжа. Кожны раз, калі я прыязджаю, яна дорыць мне то рукавічкі, то новыя шкарпэткі. Гэта яе сакральная місія. Колькі ўсяго вонкава зменлівага тут, а ў яе там – усё як заўжды – на месцы. Каровы ў хляве цяжка дыхаюць, шурпатымі сваімі ружовымі языкамі намацваючы ў вядры камбікорм. Куры сядзяць у скрынях. У будцы – спіць сабака, стары дурнік. Лянівы. Не брэша, а толькі звягае, ганяючы пысай пустую талерку ў сваёй драўлянай будцы.
І яна... адзінокая. Вяжа, вяжа для мяне, такой далёкай, якая амаль нічога пра яе не ведае. Што я ведаю пра яе? Я памятаю толькі яе мітусню. То ля печы з чыгункамі бульбы, то на вуліцы сярод сваіх гадаванцаў, то са спіцамі. А што там,

А что там, внутри? Мне стыдно перед ней. Она только засовывает мне всякий раз в карман деньги, дарит носки, крестит на дорогу – и опять… Но каждый раз, непременно вечером, всплывает передо мной её лицо. Вот она идёт в свою маленькую комнату. На столе – фотография умершего недавно моего деда, её мама, мы с братом – в детстве… Включает радио… Она слушает каждый вечер музыкальную передачу с поздравлениями родственников, друзей. У неё есть своя любимая песня. Там такая строчка: «Домик окнами в сад, там, где ждёт меня мама…» Она наклонится пониже, но я знаю, там, в этих мелких морщинках вокруг глаз, прячется слеза. Никакие мои – не стоят её одной. Она любит петь. Так протяжно, жалобно, сбиваясь в другие тональности. Каждый раз, уезжая в этот чужой и далёкий город, я даю обещание заказать для неё в этой передаче какую-нибудь песню, но всякий раз приезжаю, принимая своими жадными карманами деньги и носки, – и снова уезжаю от неё. Мне даже стыдно вспоминать её поэтому на утренних молитвах. Это нечестно. Можно я перед вами дам это обещание? Мне хочется, чтобы её любимые ведущие объявили: «А теперь в нашей программе, дорогие радиослушатели, прозвучит песня для дорогой и уважаемой бабушки Евгении Александровны из деревни Барборово от её любимой внучки из Москвы…» Да, представляете, так они и говорят. И она расплачется, моя неизвестная мне, одинокая бабушка. И потом будет плохо спать или вовсе не спать – ворочаться при свете лампы, листая свой старый, пожелтевший молитвенник. И, наверняка, будет молиться за меня, за меня… Прости меня, бабушка. Целовать тебя мне – страшно. Стыдно – и слёзы катятся…

унутры? Мне сорамна перад ёй. Яна толькі запіхвае мне кожны раз у кішэню грошы, дорыць шкарпэткі, хрысціць на дарогу – і зноў... Але кожны раз, абавязкова ўвечары, усплывае перада мной яе твар. Вось яна ідзе ў свой маленькі пакой. На стале – фатаграфія памерлага нядаўна майго дзеда, яе мама, мы з братам – у дзяцінстве... Уключае радыё... Яна кожны вечар слухае музычную перадачу з віншаваннямі сваякоў, сяброў. У яе ёсць свая любімая песня. Там такі радок: «Хатка вокнамі ў сад, дзе чакае матуля...» Яна схіляецца ніжэй, але я ведаю, там, у гэтых дробных маршчынках вакол вачэй, хаваецца сляза. Ніякія мае – не вартыя яе адной. Яна любіць спяваць. Так працягла, жаласна, збіваючыся ў іншыя танальнасці. Кожны раз, з'язджаючы ў свой чужы і далёкі горад, я даю абяцанне замовіць для яе ў гэтай перадачы якую-небудзь песню, але кожны раз прыязджаю, прымаючы сваімі прагнымі кішэнямі грошы і шкарпэткі, – і зноў еду ад яе. Мне нават сорамна ўзгадваць яе ў маіх ранішніх малітвах. Гэта няшчыра. Можна я перад вамі дам гэтае абяцанне? Мне хочацца, каб яе любімыя вядучыя абвясцілі: «А зараз у нашай праграме, дарагія радыёслухачы, прагучыць песня для любай і паважанай бабулі Яўгеніі Аляксандраўны з вёскі Барбарова ад яе любімай унучкі з Масквы...» Так, уяўляеце, менавіта так яны і скажуць. І яна расплачацца, мая невядомая мне адзінокая бабуля. І потым будзе кепска спаць або зусім не спаць – ляжаць пры святле лямпы, гартаючы свой стары пажоўклы малітоўнік. І, напэўна, будзе маліцца за мяне, за мяне... Даруй мне, бабуля. Цалаваць цябе мне – страшна. Сорамна – і слёзы коцяцца...

«Цягнік ідзе да станцыі Чартанаўская!» Адзін, другі, трэці, – нібы гарошыны, коцяцца з вагонаў людзі – ім трэба далей...

«Поезд следует до станции Чертановская!» Одна, две, три, – как горошины, повыкатывались из вагонов люди – им надо дальше…
10.40
На лекции по философии всё поняла, но впилась только в одно: в бэконовы «идолы пещеры», в которых мы увидели нечто однажды, может быть, в детстве, и потом не смогли открыть и понять в этом ничего другого, ничего нового. Жить однажды схваченным образом. Потускневшим со временем, обезобразившимся. Никогда не посмотреть на яблоню, бывшую некогда маленькой, едва оторвавшейся от земли, как на большое, здоровое, плодоносное дерево-мать. Посмотреть на него обывателем – и пройти…
11.30
Иду обречённо в конференц-зал. Там сегодня день памяти Казакова. Сижу в кресле. У моей соседки слева – на коленях тёмно-синяя книжка с таким тоскливым и надрывным названием «Во сне ты горько плакал». И всё потянулось во мне, чтобы открыть… Может быть, и плохо, что сегодня ты опять живёшь. Может, тебе совсем не хотелось этого. Но если бы ты знал (прости меня за это «ты»), как преобразился мой день Жизни от твоей теплоты. Как приятно мне было держать ту же тёплую ладошку твоего сына Алёшки, которую держал ты, и входить в этот милый «отчий» дом, где даже гвоздь приветственно выползает из стены, чтобы снять перед тобой свою поржавевшую шляпку.
И я почему-то разом вспомнила, как стояла в трусиках в узком коридорчике у закрытой жёлтой двери родительской спальни. Долго, нерешительно подбирая слова, чтобы произнести всего-то: «Па-па, а, папа, я не могу

10.40
На лекцыі па філасофіі ўсё зразумела, але зачапіла толькі адно: бэканавы «ідалы пячоры», у якіх мы ўбачылі нешта аднойчы, можа быць, у дзяцінстве, і потым не змаглі адкрыць і зразумець у гэтым нічога іншага, нічога новага. Жыць аднойчы ўхопленым чынам. Пацямнелым з часам, знявечаным. Ніколі не паглядзець на яблыню, некалі маленькую, што ледзь адарвалася ад зямлі, як на вялікае, здаровае, пладаноснае дрэва-маці. Зірнуць на яго па-мяшчанску – і прайсці...
11.30
Іду асуджана ў канферэнц-залу. Там сёння дзень памяці Казакова. Сяджу. У маёй суседкі злева – на каленях цёмна-сіняя кніжка з такой тужлівай і надрыўнай назвай «Ува сне ты горка плакаў». І ўсё пацягнулася ўва мне, каб адгарнуць... Можа быць, і дрэнна, што сёння ты зноў жывеш. Можа, табе зусім не хацелася гэтага. Але калі б ты ведаў (даруй мне гэтае «ты»), як змяніўся мой дзень Жыцця ад тваёй цеплыні. Як прыемна мне было трымаць тую ж цёплую далоньку твайго сына Алёшкі, якую трымаў ты, і ўваходзіць у гэты мілы «бацькоўскі» дом, дзе нават цвік прывітальна выглядвае са сцяны, каб зняць перад табой свой паржавелы капялюшык.
І я чамусьці ўспомніла, як стаяла ў майтках у вузкім калідорчыку каля зачыненых жоўтых дзвярэй бацькоўскай спальні. Доўга, нерашуча падбіраючы словы, каб вымавіць усяго толькі: «Та-та, а, тата, я не магу заснуць!» І ты, так ні разу і не раззлаваўшыся на мяне за гэта, адчыняў дзверы, і мы клаліся ў маю рыпучую палутарку разам. І ты казаў мне: «А ты пакладзі адно плячо пад

уснуть!» И ты, так и ни разу не разозлившись на меня за это, открывал дверь, и мы ложились в мою скрипучую полуторку вместе. И ты говорил мне: «А ты положи одно плечо под подушку – и сразу заснёшь, – это такой секрет. Его знают только папы». Какое тепло было внутри меня от этих нежных слов. «Но ты всё-таки не уходи, на всякий случай», – отвечала я тебе – и ты не уходил. Я бы даже сказала больше: оставался. Засыпал раньше меня, храпел, как умел, – и толкался. Но я тихонько дотрагивалась до твоей сильной большой руки – и мне становилось спокойно. Вся нечистая сила забивалась в углы. От моего спокойствия. Или от твоего храпа. «А мне вот и не страшно!» – в вопиюще дерзкой позе, выпячивая грудь и приподнимаясь на своей кровати, обращалась я в темноту, где видела жадные, злые глаза подстерегающих меня в углах чертенят. «А мой папа – со мной!»

Он и сейчас с таким же участием поворачивается на моё ласковое «папа». «Что, моя доча, ты звала меня?» Ему и не надо ничего – лишь бы я звала его. Лишь бы он всегда был мне нужен. Чтобы он всегда видел это в моих глазах: жадность общения с ним. Какой это сильный и нежный мужчина. Никогда ничья рука не давала мне столько сил и уверенности, что со мной ничего не случится, как твоя. И мне кажется, я всегда буду вспоминать вот эти твои такие сильные мужские руки, так нежно ласкавшие меня, натягивающие по ночам одеяльце на мои худенькие плечи. А помнишь, папа, ты помнишь наш фильмоскоп? На твою учительскую зарплату мы всегда шли пополнять коллекцию мультфильмов. И какие мультфильмы ты выбирал! Пока я разматывала у тебя за спиной плёнку, пытаясь увидеть что-нибудь

падушку – і адразу заснеш, – гэта такі сакрэт. Яго ведаюць толькі таты». Як цёпла было ўнутры ад гэтых пяшчотных слоў. «Але ты ўсё-ткі не сыходзь, на ўсялякі выпадак», – казала я табе – і ты не сыходзіў. Я б нават сказала больш: заставаўся. Засынаў раней за мяне, хроп, як умеў, – і штурхаўся. Але я ціхенька датыкалася да тваёй моцнай вялікай рукі – і мне было спакойна. Уся нячыстая сіла забівалася ў куты. Ад майго спакою. Ці ад твайго храпу. «А мне і не страшна!» – у абуральна дзёрзкай позе, прыўзняўшыся на ложку і выпнуўшы грудзі, звярталася я ў цемру, дзе бачыла прагныя злыя вочы чарцей, якія сачылі за мной па кутах. «А мой тата – са мной!»

Ён і цяпер з такой самай спагадай азіраецца на маё ласкавае «тата». «Што, мая доча, ты клікала мяне?» Яму і не трэба нічога – толькі б я клікала яго. Толькі б ён заўсёды быў мне патрэбны. Каб ён заўсёды бачыў гэта ў маіх вачах: прагнасць сустрэчы з ім. Які гэта моцны і далікатны мужчына. Ніколі нічыя рука не давала мне столькі сілы і ўпэўненасці, што са мной нічога не здарыцца, як твая. І мне здаецца, я заўсёды буду ўспамінаць вось гэтыя твае такія дужыя мужчынскія рукі, якія так асцярожна накрывалі коўдрай па начах мае худзенькія плечы. А памятаеш, тата, ты памятаеш наш фільмаскоп? На тваю настаўніцкую зарплату мы заўсёды ішлі папаўняць калекцыю мультфільмаў. І якія мультфільмы ты выбіраў! Пакуль я размотвала ў цябе за спінай плёнку, спрабуючы ўбачыць што-небудзь на прасвет. А ўвечары, зімой, ты ўключаў фільмаскоп і свяціў ім у столь, нашу столь, з парудзелымі ад вады плямамі. І ты чытаў нам улюбёную «Агнявушку-паскакушку» – і шмат што яшчэ... І ты заўсёды потым цалаваў мяне ў лоб, прыгладжваючы падрэзаныя табой

на свету. А вечером, зимой, ты включал фильмоскоп и смотрел им в потолок, наш потолок, с порыжевшими от водяных потёков плямами. И ты читал нам любимую «Огнивушку-поскакушку» – и много чего ещё… И ты всегда потом целовал меня в лоб, приглаживая срезанные тобой непослушные волосы, за что мама кричала так громко вечером. И уходил. Но потом я подбиралась к вашей двери – и ты возвращался, взъерошенный, в смешной полосатой майке, ложился – и засыпал. И мне было страшно дотронуться до тебя. И даже если я едва касалась мизинчиком твоей щеки – чувствовала такие силы! Я могла противостоять всем ночным химерам. Твоя небритая колючая щека, – ты часто натирал ею мои щёки, – и я визжала от радости и лёгкого покалывания. Смешной, чудной, мой папа. Как ты смог не измениться? Любимый мой!

А все эти пафосные речи, посвящённые памяти «уважаемого нашего друга, Юрия Казакова»… и т. д. и т. д. – так противны и липки. С чёрным платком на голове и коричневым – на плечах – две фразы жены… «Он никогда не ходил по грязному снегу». В роддом он прислал мне письмо: «Кажется, только сегодня я понял, что такое Жизнь» – и ничего не надо. Ты поплачь с ним «горько во сне» – больше ничего не надо. Дирижёр, опусти палочку… Я прошу тебя, сделай это ради меня!

Приятное знакомство. Доживёшь – и не поздно. Никогда не поздно – открыть… книгу… Может, в минуту, когда я дочитала рассказ «Свечечка», я и почувствовала Жизнь?!.

Нет, нет, нет… это Его жизнь я почувствовала, его – не свою… А моя – где же? В каких залах – ты?

непаслухмяныя валасы, за якія мама крычала так гучна ўвечары. І сыходзіў. Але потым я падыходзіла да вашых дзвярэй – і ты вяртаўся, ускудлачаны, у смешнай паласатай майцы, клаўся – і засынаў. І мне было страшна дакрануцца да цябе. І нават калі я ледзь краналася мезенчыкам тваёй шчакі – адчувала такія сілы! Я магла супрацьстаяць усім начным хімерам. Твая няголеная калючая шчака, – ты часта націраў ёю мае шчокі, – і я віскатала ад радасці і лёгкага паколвання. Смешны, цудоўны мой тата. Як ты змог не змяніцца? Любы мой!

А ўсё гэтыя пафасныя прамовы, прысвечаныя памяці «шаноўнага нашага сябра, Юрыя Казакова»... і г. д. і г. д. – так брыдка і ліпка. З чорнай хусткай на галаве і карычневай – на плячах – дзве фразы жонкі... «Ён ніколі не хадзіў па брудным снезе». У радзільню ён даслаў мне ліст: «Здаецца, толькі сёння я зразумеў, што такое Жыццё» – і нічога не трэба. Ты паплач з ім «горка ўва сне» – больш нічога не трэба. Дырыжор, апусці палачку... Я прашу, зрабі гэта дзеля мяне!

Прыемнае знаёмства. Дажывеш – і не позна. Ніколі не позна – адкрыць... кнігу... Можа, у хвіліну, калі я дачытала апавяданне «Свечачка», я і адчула Жыццё?!.

Не, не, не... гэта Яго жыццё я адчула, яго – не сваё... А маё – дзе? У якіх залах – ты?

12.40

Узяла бурачнага колеру паднос і стала ў чаргу па гарохавы суп і капусную салату. Зусім не хочацца есці. Але ў іншы час, калі захочацца, – мне не дадуць. І я саджуся за стол. Я заношу здаволены відэлец над маленькай-маленькай горкай свежай капусты – і тая падае з відэльца. Я не хачу надзяляць капусту антрапаморфнымі рысамі і казаць, што яна не хоча быць з'едзенай. Гэта ж глупства!

12.40
Взяла свекольного цвета поднос и стала в очередь за гороховым супом и капустным салатом. Совсем не хочется есть. Но в другое время, в которое захочется, – мне не дадут. И я сажусь за стол. Я заношу пресытившуюся вилку над маленькой-маленькой горкой свежей капусты – и та сваливается с вилки. Я не хочу наделять капусту антропоморфными чертами и говорить, что она не хочет быть съеденной. Это же глупо!
Я вспомнила деда. Он не мог есть. По утрам просил только стереть ему маленькое яблочко на мелкую тёрку. Я заходила в комнату, болезненно пахнущую, и ставила блюдце на стол. Ты лениво смотрел на неё, потом на меня, – и не мог. Ты был тяжело болен. И ты знал, что, может быть, там, внутри, тебе уже нечем срастаться с пищей. Всё изъедено этим жадным пучеглазым и длинноусым раком. Люди по-разному реагируют на смертельный диагноз. Кому-то хочется надышаться, а кому-то – додышать, лишь бы не чувствовать вину за отсутствие всякой жизни на таком большом отрезке неровной, зазубренной кардиограммы Жизни.
Мой мячик закатился в зал, и я зашла внутрь тёмной комнаты и увидела там тебя. Ты сидел у окошка, держась за что-то болевшее – и плакал. В этих твоих слезах было столько жадности к жизни, но уже не было воли к ней. Ты был задавлен ощущением тщеты этой жажды. Ты только бормотал высохшими от жажды жизни губами: «Поздно, поздно…» Ты плакал. Это было так важно для меня. Я тоже спряталась в углу нашей кочегарки, забыв о мячике, – и плакала. Мне казалось, я знаю все твои мысли. Мне было страшно, что я впускаю их в себя… и там щемило внутри, рвалось, падало и взметалось. Поздно?!.

Я ўспомніла дзеда. Ён не мог есці. Штораніцы прасіў пацерці яму маленькі яблычак на дробнай тарцы. Я заходзіла ў пакой, дзе пахла хваробай, і ставіла сподак на стол. Ты ляніва глядзеў на яго, потым на мяне – і не мог. Ты быў цяжка хворы. І ты ведаў, што, можа быць, там, усярэдзіне, табе ўжо няма чым зрастацца з ежай. Усё з'едзена гэтым прагным лупатым і даўгавусым ракам. Людзі па-рознаму рэагуюць на смяротны дыягназ. Камусьці хочацца надыхацца, а камусьці – дадыхаць, абы толькі не адчуваць віну за адсутнасць усялякага жыцця на такім вялікім адрэзку няроўнай, вышчарбленай кардыяграмы Жыцця.

Мой мячык пакаціўся ў залу, і я зайшла ў цёмны пакой і пабачыла там цябе. Ты сядзеў каля акна, трымаючыся за балючае месца – і плакаў. У гэтых тваіх слязах было столькі прагі жыцця, але ўжо не было волі да яго. Ты быў задушаны адчуваннем марнасці гэтай смагі. Ты толькі мармытаў засмяглымі ад прагі жыцця вуснамі: «Позна, позна...» Ты плакаў. Гэта было так важна для мяне. Я таксама схавалася ў куце нашай качагаркі, забыўшыся пра мячык, – і плакала. Мне здавалася, я ведаю ўсе твае думкі. Мне было страшна, што я пускаю іх у сябе... і там шчыміла ўнутры, ірвалася, падала і ўздымалася. Позна?!.

13.10

Мне хацелася выліцца, разліцца па ўсім. Я ўпершыню фізічна адчула сэнс фразы: чалавек не трывае пустаты! Чалавеку страх як хочацца ўсемства! Нашы нястомныя думкі аб паралельных падзеях: «А, цікава, што ён зараз робіць? а яна ж у гэтую секунду нараджае! няўжо яна спіць? а ў іншай краіне гадзіннік зараз паказвае іншы час; а дзесьці жывуць пінгвіны»!

13.10

Мне хотелось вылиться, разлиться по всему. Я впервые физически ощутила смысл фразы: человек не терпит пустоты! Человеку страсть как охота всемства! Наши неустанные мысли о параллельных событиях: «А, интересно, что он сейчас делает? а ведь она в эту секунду рожает! неужели она спит? а в другой стране часы сейчас показывают другое время; а где-то живут пингвины»!

Какая жажда везде быть! Рассадить бы свои глазные яблоки во всех садах мира!

Я направилась к телеграфу. Нашла все коды стран и стала звонить, спрашивая на всех этих ломаных языках одно и то же: Вы счастливы?

– Are you happy?

– Etes – vous heureux?

– Sind Sie gluecklich?

– Es felis?

Конечно, я ничего не понимала в ответ. Но мне было радостно слышать их голоса, попадать в чьи-то воображаемые дома, определённые комнаты с мебелью, телефонами какого-то определённого цвета – и слышать это журчание разных по темпераменту рек.

13.40

Люблю находиться в библиотеке. Особенно, когда никого нет. Попадая в это книжное пространство, я становлюсь дальтоником. Мне всё видится в чёрно-белом цвете. И сама я лишена всяких цветовых пятен. Люблю вчитываться. Если пускаться в плавание – то длительное… Я беру гору книг и читаю, читаю – пока могу…

Як нясцерпна хочацца быць паўсюль! Рассадзіць бы свае вочныя яблыкі па ўсіх садах свету!
Я накіравалася на тэлеграф. Знайшла ўсе коды краін і стала тэлефанаваць, пытаючыся на ўсіх гэтых ламаных мовах адно і тое ж: вы шчаслівыя?
– Are you happy?
– Etes – vous heureux?
– Sind Sie gluecklich?
– Es felis?
Вядома, я нічога не разумела ў адказ. Але мне было радасна чуць іх галасы, трапляць у нечыя ўяўныя дамы, пакоі з мэбляй, тэлефонамі нейкага колеру – і чуць цурчанне розных па тэмпераменце рэк.
13.40
Люблю знаходзіцца ў бібліятэцы. Асабліва, калі нікога няма. Трапляючы ў гэтую кніжную прастору, я раблюся дальтонікам. Мне ўсё бачыцца ў чорна-белым колеры. І сама я пазбаўляюся каляровых плям. Люблю ўчытвацца. Калі пускацца ў плаванне – то надоўга... Я бяру стос кніг і чытаю, чытаю – пакуль магу...
Мне вельмі спадабалася ў Хайдэгера: «Колер з'яўляецца ў максімальнай ступені колерам толькі тады, калі гэта колер у карціне, а сапраўдным гукам з'яўляецца толькі музычны гук...»
Цікава, а Жыццё – у чым яно знаходзіць сваё максімальнае выяўленне?
Потым я нырнула ў Бергсана. «Рэальнасць – бесперапынны рост, бясконцая творчасць».

Мне очень понравилось из Хайдеггера: «Цвет является в максимальной степени цветом лишь тогда, когда этот цвет в картине, а настоящим звуком является только музыкальный звук…»
Интересно, а Жизнь, – в чём она находит своё максимальное выражение?
Потом я нырнула в Бергсона. «Реальность – непрерывный рост, без конца продолжающееся творчество».
Быть художником, по Бергсону, – видеть реальность такой, какая она есть сама по себе, без этикеток… Вы понимаете, как усложняем мы свою задачу! Если бы реальность воспринималась нами непосредственно, как таковая, мы все были бы художниками! Вот почему истинным творцом является только Бог…
Вы вчитайтесь в эти картины, мимо которых проходит сетователь Иов: «Где был ты, когда я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? Или кто протягивал по ней вервь? На чём утверждены основания её или кто положил краеугольный камень её, при общем ликовании утренних звёзд, когда все сыны Божии восклицали от радости? Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева, когда Я облака сделал одеждою его и мглу пеленами его, и утвердил ему Моё определение, и поставил запоры и ворота, и сказал: «доселе дойдёшь и не перейдёшь, и здесь предел надменным волнам твоим?» Давал ли ты когда в жизни своей приказания утру и указывал ли заре место её, чтобы она охватила края земли и стряхнула с неё нечестивых, чтобы земля изменилась, как глина под печатью, и стала, как разноцветная одежда».

Быць мастаком, па Бергсану, – бачыць рэальнасць такой, якая яна ёсць сама па сабе, без этыкетак... Вы разумееце, як мы ўскладнілі сваю задачу! Калі б рэальнасць успрымалася намі непасрэдна, як такая, мы ўсе былі б мастакамі! Вось чаму сапраўдным творцам з'яўляецца толькі Бог...

Вы ўгледзьцеся ў карціны, міма якіх праходзіць нараканец Ёў: «Дзе быў ты, калі Я закладваў асновы зямлі? Скажы, калі ведаеш. Хто паклаў меру ёй, калі ведаеш? Альбо хто працягваў па ёй вяроўку? На чым умацаваны асновы яе альбо хто паклаў кутні камень на ёй, пры ўсеагульнай радасці ранішніх зорак, калі сыны Божыя ўсклікалі ад захаплення? Хто зачыніў мора брамаю, калі яно вырвалася, выйшла як бы з чэрава, калі воблакі зрабіў вопраткаю ягонай і мглу пялёнамі ягонымі, і зацвердзіў яму Маё вызначэнне, і паставіў завалы і браму, і сказаў: дагэтуль дойдзеш і не пяройдзеш, і тут мяжа пагардлівым хвалям тваім? Ці даваў ты калі ў жыцці сваім загад раніцы і ці ўказваў зары месца яе, каб яна ахапіла краі зямлі і страсянула з яе бязбожных, каб зямля змянілася, як гліна пад пячаткаю, і сталася, як рознаколерная вопратка».

Як гэта прыгожа!..

Мне прыйшло паведамленне... Ты пісаў, што прыедзеш да мяне на наступным тыдні, у пятніцу; і нумар цягніка. Божа, у пятніцу, ужо ў пятніцу мы будзем разам. Шчаслівыя. Будзем!

«Не, не, не, – сарвалася на крык, – не заўтра, зараз, тут, жыві... ж!»

Разгортваю Рыльке, яго лісты да Радэна, дзе так шмат сказана ім – пра сябе асабіста: «І ўсё яшчэ нічога не адбылося, усё яшчэ няма нічога сапраўднага вакол мяне, і я зноў і зноў падзяляюся, разліваюся ў розныя бакі, а я так хацеў

Как это красиво!..
Мне пришло сообщение… Ты писал, что приедешь ко мне на следующей неделе, в пятницу; и номер поезда. Боже, в пятницу, уже в пятницу мы будем вместе. Счастливы. Будем!
«Нет, нет, нет, – сорвалась на крик, – не завтра, сейчас, тут, живи… же!»
Открываю Рильке, его письма к Родену, где так много сказано им – о себе лично: «И всё ещё ничего не произошло, всё ещё вокруг меня нет ничего действительного, и я снова и снова разделяюсь, расплёскиваюсь в разные стороны, а ведь я так хотел бы двигаться по одному руслу и становится большим…», «…не имея опыта обращения с книгами, я брожу по ним с глупым мужицким изумлением и выхожу из них растерянный, нагруженный бесполезнейшими предметами…», «…но меня часто мучит сознание того, что я мало знаю о цветах, и о животных, и о простых событиях».
А потом я открыла какой-то художественный альбом. И долго терзала его! Я подумала, что смотреть на картину – это всякий раз попадать в новую языковую среду. Приезжая в другую страну, нам нужно время освоиться, выучить язык. Так случается и с картинами. Но иногда, пробираясь в толпе иностранцев, столкнёшься с человеком «своей» языковой семьи.
Ещё вчера я нашла на своей постели растерзанную усталостью женщину. Это была я. И теперь я смотрю – и вижу ЕЁ. Это почти бездыханное тело, почти сросшееся с кроватью, усыпленное долгожданным одиночеством, не приносящим никакой радости. Никаких чувств. Полное бесчувствие, выраженное в слове «Одна». Совсем. Не навязывайте ей никаких мыслей. Она устала. Когда ноги женщины так небрежно, безразлично свисают с

бы рухацца па адным рэчышчы і станавіцца вялікім...», «...не маючы вопыту абыходжання з кнігамі, я блукаю па іх з дурным мужыцкім здзіўленнем і выходжу з іх разгублены, абцяжараны непатрэбнымі прадметамі...», «...але мяне часта мучыць усведамленне таго, што я мала ведаю пра колеры, і пра жывёл, і пра простыя рэчы».

А потым я разгарнула нейкі мастацкі альбом. І доўга не выпускала яго з рук! Я падумала, што глядзець на карціну – гэта кожны раз патрапляць у новае моўнае асяроддзе. У іншай краіне нам трэба час, каб асвоіцца, вывучыць мову. Так здараецца і з карцінамі. Але раптам, прабіраючыся ў натоўпе замежнікаў, сутыкаешся з чалавекам «сваёй» моўнай сям'і.

Яшчэ ўчора я знайшла ў сваім ложку змучаную стомаю жанчыну. Гэта была я. І цяпер я гляджу – і бачу ЯЕ. Гэтае амаль нежывое цела, амаль зрослае з ложкам, прыспанае доўгачаканай адзінотай, якая не дорыць ніякай радасці. Ніякіх пачуццяў. Поўнае бяздушша, выяўленае ў слове «Адна». Зусім. Не навязвайце ёй ніякіх думак. Яна стамілася. Калі ногі жанчыны абыякава звісаюць з ложка – о, дзеля бога, пакіньце яе, не мучце, не сачыце тут. Ідзіце, ідзіце... Латрэк сказаў гэта нават мне. Мне, якая ляжыць – там...

17.00

Не, я стамілася! Жыць кожны дзень – цяжка. Невыносна! Лёгкія разарвуцца, трэснуць ракавіны вачэй. Заварот кішак. Такое здарыцца! Пасля доўгага голаду, наеўшыся, можна памерці.

Здаецца, я паміраю. Сон. Сон. Як хочацца спаць. Не хочацца фатаграфаваць. Глядзець – фатаграфаваць. Толькі б не было сноў! Я не спраўлюся!

кровати – о, ради бога, оставьте её, не мучьте, не следите здесь. Уходите, уходите... Лотрек сказал это даже мне. Мне, которая лежит – там…
17.00
Нет, я устала! Жить каждый день – обременительно. Невозможно! Лёгкие разорвутся, треснут раковины глаз. Заворот кишок. Такое случится! После длительного голода, наевшись, можно умереть.
Кажется, я умираю. Сон. Сон. Как хочется спать. Не хочется фотографировать. Смотреть – фотографировать. Только бы не было снов! Я не справлюсь!
17.10
Мне приходится уйти отсюда. Зал скоро закроют. Я смотрю пока на пустые молочно-сгущённые парты. В школе я любила рассматривать сидящих за партой одноклассников. Особенно тогда, когда у нас были какие-нибудь повышенной сложности контрольные. Мне нравилось игнорировать эту важность и сосредоточенность. Но никто не ощущал, что я нарушаю ауру класса. Я любила отставать от ритма. Сидишь – и смотришь на всех. Часы тикают, все суетятся… Списывают, бросают скрученные наглухо бумажные трубочки. А ты – смотришь. Как будто только тебе одному дана эта возможность притаиться среди рабочего гула. Так интересно наблюдать за всеми этими исказившимися лицами, особенно если выключить звук. Шевеление губ, размахивание рук, впивающиеся в предметы глаза.
17.30
Хорошо, что есть куда пойти. Устала… Буду думать глупые мысли. И спешить домой.

17.10
Я мушу сысці адсюль. Залу хутка зачыняць. Я гляджу пакуль на пустыя малочна-згушчаныя парты. У школе я любіла разглядаць аднакласнікаў, што сядзяць за партамі. Асабліва тады, калі ў нас былі якія-небудзь павышанай складанасці кантрольныя. Мне падабалася ігнараваць гэтую важнасць і засяроджанасць. Але ніхто не адчуваў, што я парушаю аўру класа. Я любіла адставаць ад рытму. Сядзіш – і глядзіш на ўсіх. Гадзіннік цікае, усе мітусяцца... спісваюць, кідаюць скручаныя папяровыя трубачкі. А ты – глядзіш. Як быццам толькі табе дадзена магчымасць стаіцца сярод працоўнага тлуму. Так цікава назіраць за ўсімі гэтымі перакрыўленымі тварамі, асабліва калі выключыць гук. Варушэнне вуснаў, узмахі рук, вочы, што таропяцца ў прадметы.
17.30
Добра, што ёсць куды пайсці. Стамілася... Буду думаць дурныя думкі. І спяшацца дадому.
17.50
Як на грэх – ніводнай дурной думкі. Так не бывае...
18.10
Выйшла з метро і паўтарала: «Я стамілася, я стамілася, стамілася...» Потым апамяталася! – Ну, што ты заладзіла: «Стамілася, стамілася!» Змоўкні! Ідзі – і ўсё! Не думай!
Я пакрыўдзілася на яе. Яна рэдка крычыць на мяне. Я ішла і маўчала. Не думала. І нават не пазірала ў яе бок.

17.50
Как на зло – ни одной глупой мысли. Так не бывает…
18.10
Вышла из метро и повторяла: «Я устала, я устала, устала…» Потом опомнилась! – Ну что ты заладила: «Устала, устала!» Замолчи! Иди – и всё! Не думай! Я обиделась на неё. Она редко кричит на меня. Я шла и молчала. Не думала. И даже не смотрела в её сторону.
18.30
Небрежно бросила сумку на кровать. Переполненную чужими мыслями. Я чувствовала зло этой усталости. Так обычно чувствуешь себя, когда суетишься. Выходит какой-то заполненный пустотами день. Я села в угол, спрятавшись за холодильником. Решила не ужинать. Приятно чувствовать пустоту. С пустотой рождается полнота. Никогда так полно не ощутишь внутри себя сердце, желудок, как в дни голода.
Ко мне стучат в комнату…
Письмо… От тебя. Твоё доброе сердце – в этом почерке. Эти кругленькие буквочки переполнены любовью. Они разбухли от неё и неуклюже выпирают за строчки.
«У меня ночь. Тёмная-тёмная. Во мне столько всего сейчас борется, что даже рука не очень хочет слушать сердце, которому больно. Больно. А почему – не знаю. Почему я могу молчать? Наверное, я хочу научиться прощать. Наверное, это немаловажно в жизни двоих.
Думаешь, я ревную, потому что не доверяю? Нет! Мне страшно и не понятно, как можно так доверять, отпускать, ждать. И ведь знаю, что можно. Потому что не кому-нибудь – Тебе.

18.30

Нядбайна кінула сумку на ложак. Перапоўненую чужымі думкамі. Я адчувала злосць гэтай стомы. Так звычайна адчуваеш сябе, калі мітусішся. Атрымліваецца нейкі запоўнены пусткамі дзень. Я села ў кут, схаваўшыся за лядоўняй. Вырашыла не вячэраць. Прыемна адчуваць пустату. З пустатой нараджаецца паўната. Ніколі так поўна не адчуваеш унутры сябе сэрца, страўнік, як у дні голаду.

Да мяне грукаюць у пакой...

Ліст... Ад цябе. Тваё добрае сэрца – у гэтым почырку. Гэтыя кругленькія літаркі перапоўненыя любоўю. Яны набрыняліёй і нязграбна вытыркаюцца за радкі. «У мяне ноч. Цёмная-цёмная. Ува мне столькі ўсяго змагаецца зараз, што нават рука не надта хоча слухаць сэрца, якому балюча. Балюча. А чаму – не ведаю. Чаму я магу маўчаць? Напэўна, я хачу навучыцца дараванню. Напэўна, гэта важна ў жыцці дваіх.

Думаеш, я раўную, таму што не давяраю? Не! Мне страшна і незразумела, як можна так давяраць, адпускаць, чакаць. І ведаю, што можна. Таму што не каму іншаму – Табе.

Мне трывожна, што мы так далёка адно ад аднаго. І што ты там – адна. Цягнешся з працы – адна. І я чакаю, калі ты напішаш мне, што ўжо дома. П'еш гарбату, седзячы на падлозе. Мне спакойна. Але толькі да наступнай раніцы. Даруй, што я – не з табой. Ты таксама, чуеш, таксама – вучыся дараваць.

Ты неяк сказала, што «самая доўгая на зямлі адлегласць – тая, якую не хочацца адолець!» Калі б ты ведала – як хочацца! Ніколі не адпускаць тваю далоньку.

Мне тревожно, что мы так далеко друг от друга. И что ты там – одна. Плетёшься с работы – одна. И я жду, когда ты напишешь мне, что уже дома. Пьёшь на полу чай. Мне становится спокойно. Но лишь до следующего утра. Прости, что я – не с тобой. Ты тоже, слышишь, тоже, – учись прощать.

Ты как-то сказала, что «самое длинное на земле расстояние – то, которое одолеть не хочется!» Если бы ты знала – как хочется! Никогда не отпускать твою ладошку. Видеть все, с чем ты соприкасаешься! Книгами, вещами, даже грязными ложками. Мне кажется, я бы всю жизнь смотрел на тебя, убирающую со стола посуду, в этом моём любимом цветном халатике. Скоро венчание! Я так рад, что это – Ты. И говорить не хочется. Какое счастье! Сколько слёз!»

19.00

Ты прислал мне ещё какую-то маленькую книжечку. Это акафист… «Слава Богу за всё!»

Читаю акафист…

«…слабым беспомощным ребёнком родился я в мир, но Твой Ангел простёр светлые крылья, охраняя мою колыбель. С тех пор любовь Твоя сияет на всех путях моих, чудно руководя меня к свету вечности. Славно щедрые дары Твоего Промысла явлены с первого дня и доныне. Благодарю и взываю со всеми, познавшими Тя:

Слава Тебе, призвавшему меня к жизни;

Слава Тебе, явившему мне красоту вселенной;

Слава Тебе, раскрывшему предо мною небо и землю как вечную книгу мудрости;

Бачыць усё, да чаго ты дакранаешся! Кнігі, рэчы, нават брудныя лыжкі. Мне здаецца, я б усё жыццё глядзеў, як ты прыбіраеш са стала посуд у гэтым маім любімым квяцістым халаціку.
Хутка вянчанне! Я так рады, што гэта – Ты. І гаварыць не хочацца. Якое шчасце! Колькі слёз!»
19.00
Ты даслаў мне яшчэ нейкую маленькую кніжачку. Гэта акафіст... «Дзякуй Богу за ўсё!»
Чытаю акафіст...
«...Слабым бездапаможным дзіцем нарадзіўся я на свет, але Твой анёл распасцёр светлыя крылы, ахоўваючы маю калыску. З тых часоў любоў Твая ззяе на ўсіх шляхах маіх, дзівосным чынам скіроўваючы мяне да святла вечнасці. Слаўна шчодрыя дары Задумы Тваёй ёсць з першага дня і па сёння. Дзякую і гукаю з усімі, што спазналі Цябе:
Слава Табе, хто паклікаў мяне да жыцця;
Слава Табе, хто паказаў мне прыгажосць сусвету;
Слава Табе, хто раскрыў перада мною неба і зямлю як вечную кнігу мудрасці;
Слава Тваёй вечнасці сярод свету часовага;
Слава Табе за таемныя і відавочныя ласкі Твае;
Слава Табе за кожны ўздых суму майго;
Слава Табе за кожны крок жыцця, за кожнае імгненне радасці;
Слава Табе, Божа, на вякі».

Слава Твоей вечности среди мира временного;
Слава Тебе за тайные и явные милости Твои;
Слава Тебе за каждый вздох грусти моей;
Слава Тебе за каждый шаг жизни, за каждое мгновение радости;
Слава Тебе, Боже, во веки».
19.40
Я встану на вечернюю молитву. Вы простите меня, но мои лёгкие сейчас разорвутся… Человеку не нужно жить каждый день. Он ослепнет. Он оглохнет. Изломается. Он искрошится, как песочное печенье. Жить здесь – значит жить гиперболой. Нависающей над тобой как сказочный великан. Тише! Пусть всё будет тише… в этой другой подлинной жизни, которой я не умею жить…
«И даждь ми, Господи, в нощи сей сон прейти в мире… и желанию сатанину не остави мене, яко тли во мне есть… яже от юности и от науки злы, и яже суть от нагльства и уныния. Аще именем Твоим кляхся, или похулих е в помышлении моем… или безгодно спах… или развеличахся, или разгордехся, или разгневахся… или неподобная глаголах… или о молитве нерадих, или ино что содеях лукавое, не помню, та бо вся и больша сих содеях. Помилуй мя, Творче мой Владыко, унылаго и недостойнаго раба Твоего…»
Каждый раз, в конце молитвы, когда я троеперстием касаюсь пола, я представляю одежды Христа, складки, касающиеся земли. Я наклоняюсь и целую холодный паркет. Это наполняет мою жизнь смыслом. Может, никогда я так остро не чувствую жизнь, как в эти секунды, целуя одежды удаляющегося от меня Господа…
Господи, не покидай меня в начале Жизни, не покидай!
00.00

19.40
Я ўстану на вячэрнюю малітву. Вы даруйце мне, але мае лёгкія зараз лопнуць... Чалавеку не трэба жыць кожны дзень. Ён аслепне. Ён аглухне. Паламаецца. Ён раскрышыцца, як пясочнае печыва. Жыць тут – значыць жыць па гіпербале. Яна навісае над табой, як казачны волат. Цішэй! Хай усё будзе цішэй... у гэтым іншым, сапраўдным, жыцці, якім я не ўмею жыць...
«І дай мне, Госпадзі, у гэтую ноч спакойны сон... і на волю сатаны не пакінь мяне, бо насенне пагібелі ёсць ува мне... тыя, што з за маладосці і ад злога каварства, і тыя, што ад запальчывасці і з-за нядбаласці. Можа, імем Тваім я кляўся або зняважыў яго ў думках сваіх... або заўчасна спаў... або каго асудзіў; або ўзвышаў сябе, або ганарыўся, або загневаўся... або непрыстойнае гаварыў... або пра малітву не дбаў, або іншае што нядобрае зрабіў, не помню, бо ўсё гэта і больш яшчэ зрабіў я. Памілуй мяне, Творца мой і Уладару, панурага і недастойнага раба Твайго...»
Кожны раз, у канцы малітвы, калі я трохперсцем дакранаюся да падлогі, я ўяўляю адзенне Хрыста, складкі, якія кранаюць зямлю. Я нахіляюся і цалую халодны паркет. Гэта напаўняе маё жыццё сэнсам. Можа, ніколі я так востра не адчуваю жыццё, як у гэтыя секунды, цалуючы адзенне Госпада, які аддаляецца ад мяне...
Госпадзі, не пакідай мяне на пачатку Жыцця, не пакідай!
00.00

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗМЕСТ

4 Григорий Рапота
Государственный секретарь Союзного государства

8 Антонио Фаллико
Председатель Совета директоров ЗАО «Банк Интеза»

10 Борис Тарасов
Председатель жюри конкурса «Мост Дружбы»

16 Литературный институт им. А. М. Горького

18 Конкурс молодых литераторов
Союзного государства «Мост Дружбы»

20 Члены экспертного совета

23 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ

25 Маргарита Каткова (псевдоним – Маргарита Урчева)
Было, есть и будет

5 Григорий Рапота
Государственный секретарь Союзного государства

9 Антоніа Фаліка
Старшыня Савета дырэктараў ЗАТ «Банк Інтэза»

11 Барыс Тарасаў
Старшыня журы конкурсу «Мост Дружбы»

17 Літаратурны інстытут імя А. М. Горкага

19 Конкурс маладых літаратараў Саюзнай дзяржавы «Мост Дружбы»

21 Члены экспертнага савета

23 МАЛАДЫЯ РАСІЙСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

25 Маргарыта Каткова (псеўданім – Маргарыта Урчава)
Было, ёсць і будзе

59 Сергей Лагодин
Джулай

81 Александр Москвин
Чупакабра

111 Татьяна Трофимова
Реквием

139 Георгий Фомин
Сообщение

171 МОЛОДЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

173 Николай Андреев
Минскъ-city

203 Алёна Белоножко
Гребень в ящике

237 Дарья Вашкевич
Соня

59 Сяргей Лагодзін
Джулай

81 Аляксандр Масквін
Чупакабра

111 Таццяна Трафімава
Рэквіем

139 Георгій Фамін
Паведамленне

171 МАЛАДЫЯ БЕЛАРУСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

173 Мікалай Андрэеў
Мінскъ-city

203 Алёна Беланожка
Грэбень у скрыні

237 Дар'я Вашкевіч
Соня

265 Маргарита Латышкевич
Туманность Мёртвой Головы

301 *Ольга Черкас*
00:00

265 Маргарыта Латышкевіч
Туманнасць Мёртвай Галавы

301 Вольга Чэркас
00:00

Литературно-художественное издание

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ЛІТАРАТУРНЫ АЛЬМАНАХ

Выпуск 1

Редактор *В. А. Бочило*
Оформление и компьютерная вёрстка *К. В. Шарпило*
Стильредактор *В. А. Бочило*

Формат 100×90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond и Verdana. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,91. Уч.-изд. л. 12,23. Тираж 2000 экз . Заказ .

Постоянный Комитет
Союзного государства
Ул. Старая площадь, 8/5, 103132, г. Москва.

Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звязда».
ЛИ 02330/936 от 11.10.2010.
Ул. Б. Хмельницкого, 10а, 220013, г. Минск.

ООО «ЮСТМАЖ».
ЛП 02330/0552734 от 31.12.2009 г.
Ул. Калиновского, д. 6 Г 4/К, комн. 201, 220103, г. Минск.